Д 68/111

Мейер.

Право собственности по рус. праву.

Д 68/111

2007043101

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-11042
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

9 68/111

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Казанскаго университета **Д. И. Мейера**).

§ 1.

Въ области юридическихъ отношеній право собственности является необходимостію и въ гражданскомъ правѣ занимаетъ первое мѣсто. Были и есть писатели, утверждающіе, что въ нѣкоторыхъ обществахъ юридическій бытъ установляется безъ права собственности. Но это несправедливо: право собственности иногда сокрыто, существуетъ въ грубыхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе оно всегда и вездѣ существуетъ. И эта необходимость существованія права собственности не исключаетъ собою творчества, признаваемаго за юридическимъ бытомъ: господство человѣка надъ вещью, необходимое для удовлетворенія его потребностей, — господство, принимаемое на первый разъ правомъ собственности, служитъ лишь одною изъ исходныхъ точекъ для того творчества, которое мы приписываемъ юридическому быту, подобно тому, какъ личность составляетъ то понятіе, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются всѣ юридическія опредѣленія. Но какъ опредѣлить право собственности, въ какомъ объемѣ допустить его, какія составныя части придать ему, какъ установить между этими частями взаимныя отношенія? все это обширное поприще предоставляется творчеству юридическаго быта. И дѣйствительно, законъ и обычай въ различныхъ гражданскихъ обществахъ различно

установляютъ право собственности. Но въ каждомъ обществѣ право собственности пользуется особымъ уваженіемъ: его называютъ священнымъ, неприкосновеннымъ и т. п. Даже такія гражданскія общества, которыя не слишкомъ дорожатъ правами своихъ членовъ, все-таки провозглашаютъ неприкосновенность права собственности. Это происходитъ отъ того, что господство человѣка надъ вещью необходимо для удовлетворенія его потребностей, а желаніе удовлетворять имъ до того свойственно человѣку, что онъ въ высшей степени дорожитъ служащими къ тому средствами. Существованіе потребностей, необходимость ихъ удовлетворенія сознается одинаково во всѣхъ обществахъ, и вотъ почему право собственности вездѣ признается особенно важнымъ, считается неприкосновеннымъ. Но, кромѣ-того, право собственности и потому заслуживаетъ внимательнаго изученія, что оно можетъ замѣнять другія имущественныя права, тогда-какъ само право собственности вполнѣ замѣнить другими имущественными правами невозможно.

Съ перваго взгляда право собственности представляется намъ господствомъ лица надъ вещью. Но не всякое господство лица надъ вещью есть право собственности. Прежде всего, господство можетъ быть случайное: фактически оно существуетъ, но не признается законнымъ, не признается правомъ собственности. И такъ, нужно дополнить понятіе о правѣ собственности, сказать, что оно есть господство законное. Но и всякое вещное право представляетъ законное господство лица надъ вещію. Напр. я предоставляю законнымъ образомъ А какую-либо вещь въ пользованіе: тѣмъ самымъ А пріобрѣтаетъ господство надъ вещью, господство законное, но которое все-таки не будетъ правомъ собственности, а только правомъ пользованія; если сравнимъ оба эти права, то окажется, что право собственности шире, полнѣе права пользованія. И тотъ-же результатъ получимъ отъ сравненія права собственности со всякимъ другимъ вещнымъ правомъ. Но если таковъ результатъ сравненія права собственности съ другими вещными правами,

то близка мысль, что, по самому существу своему, право собственности выигрываетъ предъ другими вещными правами, и эта наибольшая полнота его должна быть внесена въ самое понятіе о правѣ собственности. И въ-самомъ-дѣлѣ, нерѣдко, даже обыкновенно опредѣляютъ право собственности, какъ безусловное, неограниченное, полное господство лица надъ вещью. Но такое опредѣленіе расходится съ дѣйствительностію: если разсматривать право собственности, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, то оказывается, что оно существуетъ и безъ такой безусловности, неограниченности и полноты, оказывается, что нигдѣ нѣтъ неограниченнаго права собственности и даже неудобомыслимо неограниченное юридическое господство лица надъ вещью, потому-что право есть понятіе мѣры ограниченія свободы, такъ-что понятіе объ ограниченіи лежитъ въ самомъ понятіи о правѣ, а право собственности есть только видъ права, слѣдов. и на немъ долженъ отразиться и дѣйствительно отражается характеръ ограниченности. Такъ, право собственности весьма нерѣдко ограничивается относительно пользованія, распоряженія, а между-тѣмъ хозяинъ вещи тѣмъ не менѣе считается ея собственникомъ. Одно то, что многіе виды осуществленія права собственности устраняются тѣмъ, что они были бы въ то-же время нарушеніемъ права собственности другихъ лицъ, уже представляло-бы намъ право собственности ограниченнымъ. Но, кромѣ-того, каждый юридическій бытъ знаетъ много ограниченій, независящихъ отъ нарушенія чужаго права, такъ-что и безъ этихъ ограниченій ничье право не нарушалось-бы. Это сознаютъ всѣ. И даже тѣ юристы, которые признаютъ право собственности полнымъ, неограниченнымъ и безусловнымъ господствомъ лица надъ вещью, не могутъ упустить изъ виду его ограниченій, и потому называютъ право собственности полнымъ господствомъ лица надъ вещью въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ установлено это право въ юридическомъ быту. Но очевидно, что такое опредѣленіе противорѣчитъ себѣ: оно считаетъ право собственности полнымъ и неограниченнымъ

господствомъ лица надъ вещью, а между-тѣмъ говоритъ, что это неограниченное господство въ извѣстныхъ предѣлахъ. Возвращаясь къ нашему сравненію права собственности съ другими вещными правами, мы видимъ, что характеристика права собственности заключается не въ полномъ господствѣ лица надъ вещію, а въ томъ, что господство собственника надъ вещью полнѣе всякаго другаго господства. И право собственности можно опредѣлить такъ: оно есть полнѣйшее сравнительно съ другими правами господство лица надъ вещію, признаваемое юридическими опредѣленіями. Но такое опредѣленіе только относительное, изъ него не видно еще содержанія права собственности, тогда-какъ именно содержаніе и даетъ опредѣленіе предмету. Слѣдуетъ поэтому обратить вниманіе на всѣ существенныя опредѣленія юридическаго быта, относящіяся къ праву собственности, и тогда должно оказать, что *право собственности есть господство лица надъ вещью, въ силу котораго лицо можетъ владѣть, пользоваться и распоряжаться ею.*

Въ нашемъ законодательствѣ понятіе о правѣ собственности установилось только въ новѣйшее время, законодательною дѣятельностію императрицы Екатерины II. Понятіе о правѣ собственности обыкновенно развивается изъ владѣнія. Первоначально понятіе о юридическомъ господствѣ надъ вещью связывается съ господствомъ фактическимъ: безъ фактическаго господства не признается господство юридическое, а когда есть фактическое господство, то допускается и юридическое. Это объясняется тѣмъ, что въ мало-развитомъ юридическомъ быту гражданамъ недоступны отвлеченныя понятія, для нихъ нужна матеріальная основа, осязательный остовъ, а когда нѣтъ его, то и отвлеченныя понятія не имѣютъ хода. Такъ, и нашъ древній юридическій бытъ ухватился за фактическую сторону права собственности, представляющуюся во владѣніи, и смѣшивалъ владѣніе съ правомъ собственности. Поэтому-то и донынѣ слово «*владѣть*» значитъ у насъ иногда то-же, что «*быть собственникомъ*», и донынѣ *владѣніе* смѣшивается съ *собственно-*

стію, и донынѣ *вѣчное и потомственное владѣніе* означаетъ *право собственности* (1). Конечно, право собственности постоянно существуетъ въ юридическомъ быту, потому-что юридическій бытъ неудобомыслимъ безъ господства надъ вещью, а который-либо видъ господства оказывается-же господствомъ полнѣйшимъ; но въ законодательствѣ право собственности получаетъ себѣ опредѣленіе только уже при значительномъ успѣхѣ въ развитіи юридическихъ понятій. Въ нашемъ законодательствѣ право собственности опредѣляется такъ: «кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность, получилъ власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжать онымъ вѣчно и потомственно доколѣ не передастъ другому, или кому власть сія отъ перваго пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія: тотъ имѣетъ на сіе имущество *право собственности*» (2). Но замѣтимъ, что понятій, выражаемыхъ въ этомъ опредѣленіи, должно держаться съ нѣкоторою осторожностію. Такъ, право собственности, по опредѣленію законодательства, характеризуется независимостію и исключительностію собственника во владѣніи, пользованіи и распоряженіи вещью. Но мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ ограниченіями собственника относительно пользованія собственностію, существуетъ цѣлая система опредѣленій о правѣ участія въ чужомъ имуществѣ, собственникъ ограничивается нерѣдко относительно распоряженія вещью, но тѣмъ не менѣе право собственности признается за нимъ. Равнымъ образомъ вѣчность и потомственность, по опредѣленію законодательства, характеризуютъ право собственности, но оно можетъ быть и временнымъ.

---

(1) Св. зак. гр. ст. 388, *примѣч.*

(2) Тамъ-же.

§ 2.

Каждое право можетъ быть разбито на составныя части, составляющія его содержаніе. Содержаніе права собственности обыкновенно опредѣляется такъ: вслѣдствіе своего права господства надъ вещью, лицо можетъ поставить себя въ фактическое отношеніе къ вещи, *владѣть* ею; лицо можетъ подчинить вещь, составляющую его собственность, своимъ потребностямъ, удовлетворять имъ, *пользоваться* вещью безъ прямаго разрушенія самой вещи; наконецъ, лицо можетъ прекратить самое право собственности на вещь или такимъ образомъ, что и никакое другое лицо не будетъ господствовать надъ нею, уничтожить вещь, или такимъ, что господство перейдетъ къ другому лицу,—словомъ, какъ говорится, лицо можетъ *распоряжать* вещью. Къ владѣнію, пользованію и распоряженію, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть подведены всѣ возможныя дѣйствія собственника относительно вещи, такъ-что самое право собственности можно опредѣлить совокупностію *права владѣнія*, *права пользованія* и *права распоряженія*. Но иногда допускаютъ еще четвертое право въ смыслѣ составной части права собственности—*право охраненія собственности*. Собственникъ дѣйствительно можетъ отыскивать свою вещь, въ чьихъ-бы рукахъ она ни находилась; относительно недвижимаго имущества по нашему законодательству существуютъ даже нѣкоторыя особенности въ судопроизводствѣ; но тѣмъ не менѣе право судебной защиты не составляетъ какого-либо особеннаго права, составной части права собственности: ибо право судебной защиты сопутствуетъ всякому праву, оно входитъ въ составъ самаго понятія о правѣ — право безъ права судебной защиты не право, здѣсь нѣтъ права.

Обратимся къ разсмотрѣнію составныхъ частей права собственности въ-отдѣльности.

§ 3.

ПРАВО ВЛАДѢНІЯ.

Сказано, что, вслѣдствіе права собственности, лицо можетъ состоять въ непосредственномъ фактическомъ отношеніи къ вещи, *владѣть* ею. Но и несобственникъ можетъ находиться въ фактическомъ отношеніи къ вещи. Напр. собственникъ предоставляетъ пользованіе вещью другому лицу и съ тѣмъ вмѣстѣ передаетъ ему владѣніе, такъ-что стороннее лицо становится въ фактическое отношеніе къ вещи: это стороннее лицо владѣетъ также по праву, только не по праву собственности, а по праву, производному отъ него. Но фактическое отношеніе лица къ вещи можетъ возникнуть независимо отъ вопроса о правѣ его на владѣніе, оно можемъ быть даже нарушеніемъ права. Напр. воръ похищаетъ вещь: онъ владѣетъ ею, но это владѣніе нарушаетъ право лица, у котораго вещь похищена. Еслибы такое владѣніе, независимое отъ права, всегда оставалось на степени факта, то оно было-бы чуждо области права и не имѣло-бы мѣста въ наукѣ гражданскаго права, потому-что наука права не занимается собственно фактами. Во многихъ случаяхъ дѣйствительно владѣніе остается фактомъ и тогда не обращаетъ на себя вниманія науки права. Такъ, очень часто владѣніе бываетъ временное, мгновенное и, кромѣ фактическаго отношенія лица къ вещи, не представляетъ болѣе ничего. Напр. лицо беретъ въ руки вещь и разсматриваетъ ее. Но въ иныхъ случаяхъ фактическое отношеніе лица къ вещи связывается съ извѣстными юридическими послѣдствіями, почему и обращаетъ на себя вниманіе науки гражданскаго права. Напр. владѣніе вещью при извѣстныхъ условіяхъ даетъ надъ нею право собственности (3); или владѣніе движимою вещію даетъ мѣсто предположенію права собственности за владѣль-

(3) Св. зак. гр. ст. 451.

цемъ (4); связываются извѣстныя выгоды съ владѣніемъ добросовѣстнымъ, которое нѣкоторымъ образомъ даже конкурируетъ съ правомъ (5) и т. д. Такое владѣніе, связанное съ юридическими послѣдствіями, называется *юридическимъ*, но только юридическое въ этомъ случаѣ не значитъ то-же, что законное: и недобросовѣстное владѣніе, слѣдов. незаконное есть юридическое, какъ скоро съ нимъ связываются извѣстныя юридическія послѣдствія. Въ отличіе отъ этого юридическаго владѣнія, фактическое отношеніе лица къ вещи, не связанное ни съ какими юридическими послѣдствіями, называется владѣніемъ *естественнымъ* или *удержаніемъ* (detentio). Разсмотримъ-же существо юридическаго владѣнія и тѣ условія, при которыхъ фактическое отношеніе лица къ вещи сопровождается юридическими послѣдствіями (6).

§ 4.

Юридическіе моменты, представляющіеся въ томъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, которое мы назвали юриди-

---

(4) Тамъ-же, ст. 452.

(5) Тамъ-же, ст. 526, 527.

(6) Замѣтимъ, что юристы несогласны на-счетъ систематики юридическаго владѣнія (въ смыслѣ владѣнія юридическаго независимо отъ права) въ наукѣ гражданскаго права и многіе осуждаютъ изложеніе ученія о юридическомъ владѣніи по поводу права собственности. Такъ *Пухта*, принимая владѣніе за *право личности*, излагаетъ ученіе о немъ въ ученіи о правахъ личности. *Гансъ* излагаетъ ученіе о владѣніи въ ученіи *о вещныхъ правахъ*. Многіе другіе юристы помѣщаютъ ученіе о владѣніи въ такъ-называемой *общей части* гражданскаго права. По нашему мнѣнію, ученіе о владѣніи не находитъ себѣ мѣста внѣ ученія *о правѣ собственности*, потому-что, если наукѣ и приходится иногда излагать о фактахъ по ихъ связи съ юридическими послѣдствіями, то всего удобнѣе, конечно, излагать о такихъ фактахъ тамъ, гдѣ фактическія понятія приходится отличать отъ понятій чисто-юридическихъ. О владѣніи-правѣ, нѣтъ сомнѣнія, нужно говорить по поводу ученія о правѣ собственности, потому-что владѣніе-право составляетъ часть права собственности. Но владѣніе-право указываетъ на понятіе о владѣніи-фактѣ, и такъ-какъ фактъ этотъ при извѣстныхъ условіяхъ связывается съ юридическими послѣдствіями, то, говоря о фактѣ, слѣдуетъ изложить и его юридическое значеніе.

ческимъ владѣніемъ, подали поводъ къ замѣчательному спору въ ученіи о владѣніи, къ установленію двухъ различныхъ теорій владѣнія. Одна теорія признаетъ владѣніе *правомъ:* полагаетъ, что недостаточно характеризовать владѣніе фактическимъ отношеніемъ лица къ вещи, а должно присовокупить, что это фактическое отношеніе лица къ вещи, пока не будетъ признано нарушеніемъ чьего-либо права, само составляетъ право. Защитники этой теоріи указываютъ въ-особенности на то, что владѣніе охраняется, въ частности указываютъ на Римское право, на существующіе въ немъ интердикты по владѣнію, interdicta adipiscendae possessionis и interdicta recuperandae possessionis. Но, соглашаясь между собою въ воззрѣніи на владѣніе, какъ на право, главные поборники теоріи, *Гансъ* и *Пухта*, расходятся въ опредѣленіи характера этого права. Гансъ, признавая владѣніе правомъ, сближаетъ его съ правомъ собственности, только находитъ, что во владѣніи нѣтъ того законнаго господства, которое признается въ собственности, и потому полагаетъ, что владѣніе, будучи господствомъ лица надъ вещью, есть особый *видъ вещнаго права* (7). Пухта, напротивъ, признаетъ владѣніе *правомъ личности*: потому, говоритъ онъ, охраняется владѣніе, что лицо поставляетъ себя въ фактическое отношеніе къ вещи, а таково уваженіе къ личности, что и незаконное отношеніе лица къ вещи охраняется общественною властію (8). Право владѣть, по мнѣнію Пухты, есть такое-же право личности, какъ право ходить, сидѣть, жениться и т. д., словомъ, это одно изъ тѣхъ правъ, которыя не имѣютъ объекта. Другая теорія, главнымъ поборникомъ которой является *Савиньи*, и юридическое владѣніе, фактическое отношеніе лица къ вещи, связанное съ извѣстными юридическими послѣдствіями, признаетъ не болѣе какъ *фактомъ*, а не правомъ (9). Савиньи основывается на томъ, что понятіемъ

(7) *Gans*, Ueber die Grundlage des Rechts des Besitzes. Berlin 1839.
(8) *Puchta*, Cursus der Institut. (Leipzig 1854), § 224.
(9) *Savigny*, Das Recht des Besitzes (Giessen 1837), *I Abschn.*

объ охраненіи не исчерпывается понятіе о правѣ, и если владѣніе охраняется, то оно и охраняется только какъ фактъ. Останавливая вниманіе свое въ-особенности на Римскомъ правѣ, Савинья находитъ, что интердикты по владѣнію только препятствуютъ самоуправству: цѣль ихъ—скорѣйшее прекращеніе самоуправства, нарушающаго владѣніе. При судопроизводствѣ по интердиктамъ не обращается вниманія на право, а только на фактъ владѣнія, и по этому факту разрѣшается столкновеніе, а потому и рѣшеніе по интердикту касается только самаго владѣнія и не устраняетъ иска о правѣ. Эту послѣднюю теорію владѣнія можно считать нынѣ господствующею: въ настоящее время уже найдется немного юристовъ, которые будутъ признавать владѣніе правомъ. Обращаясь къ отечественному законодательству, мы не видимъ никакой надобности отступать отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, находимъ напротивъ, что воззрѣніе это какъ нельзя лучше подходитъ къ нашему законодательству. Правда, и наше законодательство опредѣляетъ, что владѣніе охраняется отъ насилія и самоуправства: въ случаѣ нарушенія владѣнія, лицу предоставляется въ-теченіе десятинедѣльнаго срока обратиться къ полиціи съ просьбою о возстановленіи владѣнія и полиція возстановляетъ его совершенно независимо отъ вопроса о правѣ, который разрѣшается судомъ (10). Но въ этомъ еще нѣтъ повода отступить отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, и признать его правомъ. Для того, чтобы фактическое отношеніе обратилось въ право, нужно, чтобы владѣніе охранялось нетолько отъ насилія и самоуправства, а отъ всякаго притязанія на вещь; но такого охраненія законодательство не предоставляетъ владѣнію и слѣдов. не даетъ ему существеннаго условія права. Правда, и владѣніе незаконное охраняется отъ насилія и самоуправства (11); но это не значитъ, что владѣніе охраняется, какъ право, а значитъ только, что владѣлецъ охра-

(10) Св. зак. гр. ст. 2033.

(11) Тамъ-же, ст. 450.

нается отъ насилія и самоуправства: владѣніе можетъ служить поводомъ къ насилію и самоуправству, точно такъ-же, какъ насиліе и самоуправство могутъ быть направлены на лицо и независимо отъ владѣнія, и вотъ законодательство охраняетъ отъ нихъ, по поводу-ли владѣнія или по другому какому поводу встрѣтятся они, такъ что охраняется собственно лицо владѣльца, человѣкъ, а не самое владѣніе. Всякое владѣніе, не вытекающее изъ права собственности, есть фактъ, но юридическія послѣдствія, связанныя съ владѣніемъ, въ различныхъ случаяхъ бываютъ различны, такъ-что во владѣніи можно различать нѣсколько видовъ. На основаніи нашего законодательства, можно различать владѣніе *давностное*, владѣніе *добросовѣстное* и владѣніе *незаконное* (12). *Владѣніе давностное* то, которое влечетъ за собою пріобрѣтеніе права собственности по давности. *Владѣніе добросовѣстное*, которое основывается на искреннемъ, хотя и ложномъ представленіи владѣльца о правѣ владѣнія. Владѣніе это называется также *законнымъ*, но такъ-какъ оно все-таки не есть право, то лучше называть его именно добросовѣстнымъ (bonae fidei possessio). *Владѣніе незаконное*, въ противоположность добросовѣстному, владѣніе сознательно-незаконное, нарушающее чье-либо право. Владѣніе незаконное законодательство различаетъ на владѣніе *самовольное*, *насильственное* и *подложное* (13). Самовольнымъ называется владѣніе, неосновавное на правѣ, нарушающее притомъ право другаго лица, но безъ насилія. Владѣніе насильственное также самовольное, но соединенное съ примѣненіемъ насильственныхъ мѣръ. Равнымъ образомъ и владѣніе подложное характеризуется самовольнымъ, при которомъ употребленъ подлогъ для пріобрѣтенія или продолженія владѣнія. Должно сказать однако, что различіе видовъ незаконнаго владѣнія не имѣетъ значенія по-отношенію къ самому владѣнію: различныя преступ-

(12) Тамъ-же, ср. ст. 440, 451, 526.
(13) Тамъ-же, ст. 443—448.

ленія могутъ быть соединены съ незаконнымъ владѣніемъ, различная отвѣтственность наступаетъ за различныя преступленія, но гражданскія послѣдствія незаконнаго владѣнія одинаковы, будетъ-ли это владѣніе самовольнымъ, насильственнымъ или подложнымъ.

Какъ фактическое отношеніе лица къ вещи, владѣніе не находитъ себѣ опредѣленія въ положительномъ законодательствѣ, которое предполагаетъ фактъ владѣнія, какъ нѣчто общеизвѣстное. Однакожь только внимательное изученіе этого факта приводитъ къ уясненію его свойства и принадлежностей. Оказывается, что юридическое владѣніе слагается изъ двухъ дѣятелей: *матеріальнаго* или *внѣшняго* и *духовнаго* или *внутренняго*. Внѣшній дѣятель состоитъ въ матеріальной связи лица съ вещью. Знаменательно выражается эта связь Латинскимъ именемъ владѣнія—possessio, производнымъ отъ sedere. Точно также и наше слово «*сидѣть*» въ древнемъ юридическомъ языкѣ нерѣдко употребляется въ смыслѣ владѣть, находиться въ матеріальномъ соприкосновеніи съ вещью. Подобный-же смыслъ выражаетъ собою и самое слово «*владѣть*», или только справедливое мнѣнія *Морошкина*, что слово «*владѣть*», старинное «*володѣти*», происходитъ отъ «*волю дѣяти*», что значитъ обнаруживать волю, т.-е. находиться въ такомъ отношеніи къ предмету, которое даетъ возможность проявить свою волю относительно предмета (14). Но эту матеріальную связь лица съ вещью, какъ дѣятеля владѣнія, не должно представлять себѣ ежеминутно существующею: если напр. лицо владѣетъ поземельнымъ участкомъ, то не требуется, чтобы владѣлецъ постоянно сидѣлъ на немъ, а достаточно одной возможности для владѣльца во всякое время поставить себя въ фактическое отношеніе къ владѣемой вещи, такъ-что внѣшняго дѣятеля владѣнія собственно должно понимать не какъ постоянную матеріальную

(14) *Морошкина*, Разсужденіе о владѣніи по началамъ Росс. законодательства (Москва 1837), стр. 77.

связь владѣльца съ вещью, а какъ постоянную возможность такой матеріальной связи. Должно обращать вниманіе на свойства вещи, подлежащей владѣнію, и если, по существу вещи, нѣтъ надобности въ ея постоянномъ держаніи (а это можно сказать о всякой вещи), то для признанія владѣнія продолжающимся вполнѣ достаточно одной возможности матеріальнаго соприкосновенія съ вещью, достаточно, чтобы вещь была напр. за ключемъ владѣльца, въ его домѣ, или даже только въ его завѣдываніи, такъ-что непосредственное матеріальное обладаніе вещью существенно только для пріобрѣтенія владѣнія, для его начала. Внутренній, духовный дѣятель владѣнія состоитъ въ сознаніи господства надъ вещью, въ намѣреніи лица распоряжать его, какъ своею. Присутствіемъ этого дѣятеля именно и характеризуется юридическое владѣніе въ отличіе отъ владѣнія естественнаго, въ которомъ нѣтъ сознанія господства, а одинъ только корпусъ, тѣло владѣнія. Нѣтъ надобности въ сознаніи права, хотя и сознаніе права можетъ входить въ составъ духовнаго дѣятеля владѣнія, напр. владѣніе добросовѣстное именно основывается на сознаніи права, хотя и ложномъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что юридическое владѣніе не существуетъ безъ сознанія права: напр. владѣніе незаконное чуждо сознанія права и все-таки владѣніе юридическое. Римское право называетъ духовную сторону владѣнія animus rem sibi habendi, и нерѣдко понимаютъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, будто владѣлецъ долженъ питать въ себѣ сознаніе права, притомъ права собственности. Такъ думаетъ напр. *Неволинъ* (15). Но animus rem sibi habendi не означаетъ сознанія права, а только сознаніе господства, намѣреніе распоряжать вещью, какъ своею. Тѣмъ не менѣе нашему законодательству можно приписать требованіе отъ владѣльца сознанія права: даже для обращенія владѣнія въ право собственности по давности наше законодательство не требуетъ, чтобы владѣлецъ руковод-

(15) *Неволинъ*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 109.

ствовался во владѣніи сознаніемъ права, а требуетъ только, чтобъ лицо владѣло въ видѣ собственности (16). Сознаніе господства надъ вещью, конечно, должно выразиться какимъ-либо дѣйствіемъ владѣльца, которое-бы ясно обнаруживало его намѣреніе владѣть вещью, какъ своею. Но какъ относительно внѣшняго дѣятеля владѣнія мы сказали, что нѣтъ надобности въ постоянномъ непосредственномъ обладаніи вещью, точно такъ-же должно сказать, что нѣтъ надобности въ ежеминутномъ сознаніи владѣльца относительно его господства надъ вещью, въ ежеминутномъ проявленіи сознанія, а достаточно лишь, чтобъ владѣлецъ разъ выразилъ это сознаніе и оно постоянно предполагается въ немъ, пока не наступятъ обстоятельства, исключающія такое предположеніе, напр. лицо объявитъ, что не хочетъ болѣе владѣть вещью. Только при совокупномъ существованіи матеріальнаго и духовнаго дѣятелей владѣнія представляется юридическое владѣніе: присутствіе одного фактическаго отношенія, одной наружной стороны юридическаго владѣнія производитъ владѣніе естественное; присутствіе одного духовнаго дѣятеля безъ фактическаго отношенія къ вещи не имѣетъ никакого значенія. Поэтому, кто не способенъ проявить ту или другую сторону владѣнія, не способенъ и къ юридическому владѣнію. Такъ матеріальное соприкосновеніе съ вещью возможно только для физическаго лица, юридическое-же лицо, будучи понятіемъ, не способно къ такому соприкосновенію и слѣдов. непосредственно не способно къ юридическому владѣнію. Нѣкоторые юристы на этомъ основаніи дѣйствительно отвергаютъ возможность владѣнія для юридическаго лица. Но если вся дѣятельность юридическаго лица совершается чрезъ представителей, то отчего-же не допустить для него и владѣніе чрезъ представителя? Нужно только, чтобы представителю было присуще сознаніе возможности распоряжать вещью не какъ своею, а какъ вещью юридическаго лица:

(16) Св. зак. гр. ст. 451.

представитель долженъ питать въ себѣ не animus rem sibi habendi, а animus rem personae morali habendi (17). Съ другой стороны, кто неспособенъ къ сознанію самостоятельнаго распоряженія вещію или вообще къ гражданской дѣятельности, тотъ неспособенъ пріобрѣтать и владѣніе. Такъ, безумные, несовершеннолѣтные и т. п. неспобны къ владѣнію, но только къ его пріобрѣтенію: ибо если владѣніе началось, то оно можетъ продолжаться и при одномъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, безъ сознанія господства. Поэтому напр. давностное владѣніе, начатое лицомъ совершеннолѣтнымъ, продолжается и лицомъ малолѣтнымъ, неспособнымъ къ сознанію возможности распоряжать вещью, какъ своею. Точно также, если лицо пріобрѣтаетъ владѣніе и впослѣдствіи лишается разсудка, то юридическое владѣніе его тѣмъ не менѣе продолжается.

Относительно вещи, подлежащей юридическому владѣнію, прежде всего должно сказать, что это вещь физическая, спо-

---

(17) Замѣтимъ однако, что относительно этого вопроса убѣжденіе профессора было невсегда таково, какое привели мы въ текстѣ: оно принадлежитъ только послѣднему времени, въ курсахъ-же прежнихъ лѣтъ профессоръ склонялся къ мнѣнію тѣхъ юристовъ, которые отвергаютъ владѣніе для юридическаго лица. Мы приняли въ текстъ послѣднее убѣжденіе профессора, не потому впрочемъ, что оно послѣднее, а потому, что оно отвѣчаетъ дѣйствительности. Строго держась юридическихъ принциповъ, конечно, отказать должно юридическому лицу въ способности къ владѣнію, ибо a priori нельзя признать, чтобъ юридическое лицо могло владѣть чрезъ представителя: созданное законодательствомъ, юридическое лицо отъ законодательства получаетъ и органъ для своей дѣятельности, самая дѣятельность опредѣлена законами, такъ-что только то дѣйствіе представителя и считается дѣйствіемъ юридическаго лица, которое не выходитъ изъ указанныхъ предѣловъ. Вся дѣятельность юридическаго лица ограничивается, такимъ-образомъ, областію права, значитъ область факта совершенно чужда юридическому лицу. Но дѣйствительность рѣшительно противорѣчитъ такому воззрѣнію, отступаетъ отъ строгости юридическихъ началъ: въ дѣйствительности нерѣдко идетъ дѣло о владѣніи казны, монастыря, городскаго, сельскаго общества, словомъ, о владѣніи юридическаго лица. И наукѣ приходится поэтому отступить отъ строгой послѣдовательности выводовъ. Задача науки—не уклоняться отъ явленій дѣйствительности, а созпавать эти явленія въ ихъ существѣ.

собная подлежать фактическому господству. Но не всякая физическая вещь можетъ подлежать юридическому владѣнію: относительно нѣкоторыхъ вещей законодательство опредѣляетъ, что владѣніе ими не даетъ всѣхъ послѣдствій юридическаго владѣнія. Напр. владѣніе свободнымъ человѣкомъ, хотя-бы это было владѣніе спокойное, непрерывное, безспорное, продолжалось болѣе десяти лѣтъ, словомъ такое владѣніе, которое отвѣчало-бы всѣмъ условіямъ для пріобрѣтенія права собственности по давности, все-таки не приведетъ къ праву собственности (18). И такъ, должно сказать, что юридическое владѣніе возможно только относительно такой вещи, относительно которой для юридическаго владѣльца возможно сознаніе самостоятельнаго распоряженія. Иногда владѣніе касается только части вещи: сознаніе возможности распоряжать вещью, какъ своею, относится къ какой-либо части, а фактическое господство существуетъ надъ вещью въ цѣлости. Какое значеніе такого владѣнія? Оно различно, смотря по значенію части, къ которой относится владѣніе. Если эта часть такова, что и сама-по-себѣ можетъ притязать на значеніе цѣлаго, а не теряется въ цѣлостности вещи, т.-е. возможность допустить юридическое владѣніе относительно такой части: напр. идетъ рѣчь о картинѣ, обдѣланной въ раму; картина и рама—такія части вещи, что каждая изъ нихъ можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто самостоятельное, и поэтому какъ относительно картины, такъ относительно и рамы можетъ быть допущено сознаніе господства надъ цѣлымъ. Но если часть не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а сливается съ цѣлымъ, то не допускается и сознаніе отдѣльнаго господства надъ частію. Напр. идетъ рѣчь о мебели, обитой какою-либо матеріею: странно было-бы допустить сознаніе отдѣльнаго господства надъ матеріею. Такимъ образомъ относительно владѣнія частію вещи должно сказать, что въ одномъ случаѣ юридическое владѣнія частію имѣетъ смыслъ, въ

(18) Тамъ-же, стр. 478.

другомъ не имѣетъ никакого значенія. Этому не противорѣчитъ совокупное владѣніе многихъ лицъ одною и тою-же вещію, когда многія лица состоятъ въ фактическомъ отношеніи къ вещи, но только въ совокупности сознаютъ возможность распоряжать вещью, какъ своею, а въ отдѣльности сознаніе каждаго изъ нихъ не относится ко всей вещи. Возражаютъ, правда, что при такомъ общемъ владѣніи каждое отдѣльное лицо владѣетъ лишь долею, а доля есть нѣчто отвлеченное, тогда-какъ владѣніе предполагаетъ матеріальное соприкосновеніе лица съ вещью. Но должно сказать, что при общемъ владѣніи матеріальное соприкосновеніе относится и къ той части, которая составляетъ долю владѣнія, потому-что цѣлое обнимаетъ и части, и слѣдов. нѣтъ препятствія допустить общее юридическое владѣніе. Еслибы даже мы и стали отрицать его, то дѣйствительность опровергла-бы насъ, потому-что фактъ общаго владѣнія существуетъ въ дѣйствительности.

Владѣніе прекращается. Если присутствіе матеріальнаго и духовнаго дѣятелей юридическаго владѣнія необходимо для его пріобрѣтенія, то, какъ уже и было сказано, продолженіе владѣнія не требуетъ ихъ постояннаго присутствія: нѣтъ надобности, чтобъ лицо постоянно пребывало въ матеріальной связи съ вещью, а достаточно, если есть возможность во всякое время возстановить эту связь; нѣтъ надобности, да и невозможно это, чтобъ лицо ежеминутно питало въ себѣ сознаніе господства надъ вещью и высказывало это сознаніе, а достаточно, если на первый разъ лицо выразитъ намѣреніе распоряжать вещью, какъ своею, а потомъ уже это намѣреніе предполагается. Поэтому для прекращенія владѣнія требуется не отсутствіе одного изъ дѣятелей юридическаго владѣнія, а присутствіе противоположнаго. Итакъ, относительно матеріальнаго дѣятеля нужно, чтобъ лицо въ данный моментъ не имѣло возможности по своему желанію поставить себя въ фактическое отношеніе къ вещи. Напр. другое лицо захватило вещь, не признавая надъ нею господства прежняго владѣльца: для не-

го уже нѣтъ юридической возможности проявить матеріальное господство надъ вещью, и владѣніе прекращается. Или напр. лицо теряетъ вещь, состоящую въ его юридическомъ владѣніи: матеріальная связь его съ вещью прекращается и въ данный моментъ нѣтъ возможности для владѣльца возстановить эту связь, и юридическое владѣніе прекращается. Точно также относительно духовнаго дѣятеля владѣнія требуется сознаніе невозможности господствовать, противоположное намѣренію распоряжать вещью, какъ своею; напр. лицо владѣетъ вещью и впослѣдствіи принимаетъ эту вещь въ залогъ отъ другаго лица, которое указываетъ на нее, какъ на свою собственность, и представляетъ ее залогомъ: принятіе вещи въ залогъ влечетъ за собою сознаніе невозможности распоряжать вещію, какъ своею, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе юридическаго владѣнія. Такимъ-образомъ согласіе владѣльца на принятіе вещи въ залогъ въ данномъ случаѣ есть выраженіе его отреченія отъ владѣнія. Но владѣлецъ можетъ и просто отказаться отъ господства надъ вещью, не призывая надъ нею господства другаго лица: такое отреченіе отъ владѣнія уподобляется отреченію отъ права. Мы не признаемъ владѣнія правомъ, а опредѣляемъ его лишь фактическимъ отношеніемъ къ вещи. Поэтому нѣтъ надобности относить къ владѣнію всѣ тѣ понятія, которыя входятъ въ составъ права; но вмѣстѣ съ тѣмъ владѣніе и не исключаетъ всѣхъ тѣхъ понятій, которыя входятъ въ составъ права. Такъ, въ составъ понятія о правѣ входитъ возможность отреченій, отреченіе возможно и для владѣнія, хотя владѣлецъ отрекается не отъ права, а только отъ фактическаго господства надъ вещью. Въ-особенности важно отреченіе относительно владѣнія въ томъ случаѣ, когда фактическое господство лица надъ вещью, какъ въ нашемъ примѣрѣ, продолжается. Но, конечно, отреченіе должно выразиться какимъ-либо наружнымъ актомъ, ибо сознаніе невозможности распоряжать вещью, какъ своею, пока остается только сознаніемъ, внутреннимъ актомъ владѣльца, не подлежитъ области права и его опредѣле-

ніямъ. Напр. А владѣетъ вещью и его владѣніе можно признать юридическимъ; но, по истеченіи нѣкотораго времени, А соглашается принять эту вещь въ залогъ: очевидно, владѣніе прекращается отреченіемъ. Или владѣлецъ объявляетъ, что онъ не считаетъ болѣе вещи, состоящей въ его юридическомъ владѣніи своею, а вещью другаго лица, и продолжаетъ владѣть ею, напр. въ намѣреніи сохранить вещь до прибытія этого другаго лица, находящагося въ настоящее время въ отсутствіи. Но точно также сознаніе господства надъ вещью можетъ замѣниться правомъ, лицо можетъ пріобрѣсти право на вещь, состоящую въ его юридическомъ владѣніи: тогда юридическое владѣніе прекращается и на мѣсто владѣнія-факта наступаетъ владѣніе-право. Юридическое владѣніе прекратившееся можетъ впослѣдствіи возстановиться. Но спрашивается, можно-ли это возстановившееся юридическое владѣніе считать продолженіемъ прежняго? По строгости юридическихъ понятій, кажется, нельзя считать возстановившееся юридическое владѣніе продолженіемъ прежняго, тѣмъ болѣе, что если владѣніе прекращается, то нѣтъ ручательства, что оно возстановится, такъ-что возстановленіе владѣнія есть нѣчто случайное. Поэтому, если давностное владѣніе прекратится и потомъ снова будетъ возстановлено, то срокъ давностный для пріобрѣтенія права собственности на вещи должно считать со-времени возстановленія владѣнія, а не со-времени его перваго пріобрѣтенія. Въ дѣйствительности это понимается иначе. Въ дѣйствительности обращается вниманіе на срокъ между прежнимъ владѣніемъ и возстановившимся: если срокъ незначителенъ, то новое юридическое владѣніе признается за продолженіе стараго, а при значительномъ промежуткѣ этого не признается. Но каковъ этотъ срокъ, опредѣлить рѣшительно нельзя. Такое пониманіе дѣйствительности происходитъ, кажется, отъ того, что отсутствіе момента владѣнія считается тожественнымъ съ присутствіемъ момента противоположнаго. Но это несправедливо.

§ 5.

Въ дополненіе къ сказанному о владѣніи должно обратить еще вниманіе на *владѣніе правами*, о которомъ нерѣдко идетъ дѣло въ дѣйствительности. Еслибы владѣніе правами означало лишь принадлежность ихъ извѣстному лицу или осуществленіе правъ со стороны ихъ субъекта, то это было-бы только слово безъ особаго самостоятельнаго значенія и не слѣдовало-бы обращать вниманія на владѣніе правами. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя явленія юридическаго быта указываютъ на готовность дѣйствительности допустить фактическое отношеніе лица къ праву, точно такъ-же, какъ существуетъ фактическое отношеніе лица къ вещи. Напр. нерѣдко встрѣчается, что лицо, не имѣя на это права, въѣзжаетъ въ чужой лѣсъ и пользуется его произведеніями: если въ-теченіе продолжительнаго времени существуетъ это пользованіе, то въ дѣйствительности, является готовность признать за лицомъ право въѣзда именно на основаніи продолжительнаго осуществленія фактически того, что составляетъ содержаніе права, подобно тому, какъ владѣніе вещью, удовлетворяющее извѣстнымъ условіямъ, обращается въ право собственности. Но фактическое пользованіе тѣмъ, что составляетъ содержаніе права въѣзда въ черный лѣсъ, нельзя признать юридическимъ владѣніемъ лѣса и поземельнаго участка, на которомъ онъ растетъ: для этого нѣтъ господства надъ вещью, ибо фактическое отношеніе состоитъ только въ томъ, что лицо отъ времени-до-времени въѣзжаетъ въ лѣсъ и пользуется его произведеніями; нѣтъ и сознанія самостоятельнаго господства надъ вещью, ибо лицо не считаетъ себя хозяиномъ поземельнаго участка и растущаго на немъ лѣса, напротивъ именно сознаетъ, что въѣзжа етъ въ чужой лѣсъ, но вмѣстѣ сознаетъ, что ему принадлежитъ возможность пользоваться этимъ лѣсомъ. Фактическое господство лица относится, такимъ образомъ, къ праву на чужую вещь, а не къ самой вещи. Фактическое господство это сходно съ владѣніемъ въ

томъ, что то и другое представляютъ фактическое отношеніе лица къ вещи, но при владѣніи существуетъ сознаніе самостоятельнаго распоряженія всею вещью, а при разсматриваемомъ фактическомъ господствѣ только одною стороною вещи. Это-то господство надъ одною стороною вещи, а не надъ вещью въ цѣломъ ея составѣ, господство независимое отъ права, фактическое, и называется *владѣніемъ права на чужую вещь*, съ которымъ это владѣніе совпадаетъ по своему содержанію. Римское право называетъ это владѣніе правомъ quasi possessio — какъ-бы владѣніе; отношеніе близкое къ владѣнію, аналогическое съ владѣніемъ. Подъ именемъ квазипоссессіи извѣстно владѣніе правомъ и на юридическомъ языкѣ западной Европы. Но въ чемъ состоитъ это владѣніе правомъ, какія свойства его, принадлежности, наше законодательство не опредѣляетъ. Изъ существа-же юридическаго владѣнія вытекаетъ только, что сознаніе самостоятельнаго распоряженія можетъ простираться или на всю вещь или на часть ея. И поэтому, если кромѣ настоящаго владѣнія, владѣнія вещью сполна, допускается еще владѣніе одною стороною вещи, называемое владѣніемъ правомъ, то всѣ выводы, допускаемые для перваго, распространяются и на второе, насколько такое умѣстно по самому существу юридическаго отношенія. Мы сказали уже, что ученіе о владѣніи случайно занимаетъ мѣсто въ ученіи о правѣ собственности, потому только, что право владѣнія есть составная часть права собственности, а кромѣ владѣнія-права существуетъ еще владѣніе-фактъ. Разсмотрѣвъ этотъ фактъ, обратимся-же къ владѣнію-праву.

§ 6.

Владѣніе, какъ составная часть права собственности, также состоитъ въ матеріальномъ отношеніи лица къ вещи (19), но

(19) Св. зак. гр. ст. 435.

съ тою разницею, что это матеріальное отношеніе представляетъ собою осуществленіе права собственности, и все равно, будетъ-ли оно соотвѣтствовать условіямъ юридическаго владѣнія или нѣтъ, оно все-таки остается правомъ, тогда-какъ владѣніе-фактъ только въ такомъ случаѣ и обращаетъ на себя вниманіе науки права, когда оно представляетъ собою осуществленіе права, не принадлежащаго владѣльцу, только юридическое владѣніе находитъ себѣ мѣсто въ наукѣ о правахъ. Напр. иногда собственникъ не имѣетъ самостоятельнаго распоряженія вещью, но тѣмъ не менѣе его фактическое отношеніе къ вещи представляется осуществленіемъ права собственности, его владѣніе — владѣніе-право, тогда-какъ, если лицо владѣетъ вещью не по праву и не имѣетъ сознанія самостоятельнаго распоряженія вещью, то его фактическое отношеніе къ ней чуждо области права. Для собственника владѣніе получаетъ значеніе преимущественно чрезъ пользованіе. Но владѣніе имѣетъ и свое самостоятельное значеніе: оно есть какъ-бы вѣстникъ права собственности и большею частію посредствомъ владѣнія собственникъ получаетъ тотъ вѣсъ, который даетъ ему право собственности, такъ-что право владѣнія имѣетъ значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ юридическомъ быту независимо отъ осуществленія другихъ правъ, входящихъ въ составъ права собственности. Напр., обратимъ вниманіе на кредитъ, которымъ пользуется богатый человѣкъ: кредитъ обусловливается состоятельностію лица, но главнымъ образомъ владѣніемъ, которое рождаетъ предположеніе о правѣ собственности лица, владѣющаго имуществомъ, и придаетъ ему значеніе. Кромѣ того, владѣніе, какъ составная часть права собственности, имѣетъ еще то самостоятельное значеніе, что во многихъ случаяхъ владѣніемъ начинается право собственности: по нашему законодательству, *передача* составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ перехода права собственности, но передача есть не что иное, какъ начало владѣнія для собственника. Владѣніе-право можетъ быть осуществляемо самимъ собственникомъ

или другимъ лицомъ въ качествѣ его представителя. Но это владѣніе чрезъ представителя не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, а есть какъ-бы владѣніе самаго собственника. Другое дѣло, если право владѣнія передается стороннему лицу, не имѣющему характера представительства: тогда это право владѣнія получаетъ самостоятельное значеніе, хотя и производится отъ права собственности (20). А такая уступка права владѣнія нерѣдко встрѣчается въ дѣйствительности, напр. при отдачѣ имущества въ закладъ, при предоставленіи пользованія вещью стороннему лицу и т. п. Въ большей части случаевъ однако право владѣнія, пріобрѣтаемое сторонним лицомъ, бываетъ только спутникомъ другаго права, пріобрѣтаемаго сторонним лицомъ относительно вещи собственника, ибо для стороняго лица право владѣнія само-по-себѣ развѣ только по исключенію можетъ имѣть интересъ. Такъ, залогопринимательпріобрѣтаетъ право залога относительно вещи и владѣетъ ею по праву, но не владѣніе составляетъ главное, существенное содержаніе права залога (21). Точно также лицо, пріобрѣтающее право пользованія вещью, если пріобрѣтаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и право владѣнія, то пріобрѣтаетъ его лишь потому, и только потому интересуется имъ, что самое пользованіе вещью во многихъ случаяхъ обусловливается господствомъ надъ нею, владѣніемъ. Право владѣнія можетъ прекратиться. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе случай прекращенія его посредствомъ отреченія: обыкновенно отреченіе отъ права владѣнія находится въ-связи съ отреченіемъ отъ права собственности; но нѣтъ надобности, чтобъ отреченіе, касаясь владѣнія, касалось и другихъ частей права собственности, а собственникъ можетъ отречься только отъ права владѣнія. И тѣмъ легче можно допустить такой случай, что, отрекаясь отъ права владѣнія, но оставляя за собою право пользованія, лицо, вслѣдствіе своего права пользованія, пріобрѣтаетъ право собствен-

(20) Тамъ-же, ст. 436.

(21) Тамъ-же, ср. ст. 1407, 2073, 2074.

ности на плоды вещи (см. ниже), а въ этомъ-то правѣ собственности на плоды, можетъ быть, и сосредоточивается весь интересъ права собственности на вещь.

§ 7.

ПРАВО ПОЛЬЗОВАНІЯ.

Право пользованія,—вторая составная часть права собственности, заключается въ употребленіи вещи для удовлетворенія какихъ-либо потребностей (22). Все равно, сама-ли вещь непосредственно служитъ для удовлетворенія потребностей, или она даетъ произведенія, которыя служатъ для этой цѣли, употребленіе вещи будетъ осуществленіемъ права пользованія. Равнымъ образомъ все равно, будетъ-ли собственникъ непосредственно употреблять произведенія вещи для удовлетворенія своихъ потребностей, или онъ распорядится произведеніями иначе, въ-силу своего права собственности на нихъ, все-таки относительно вещи, дающей произведенія, это будетъ правомъ пользованія. Такъ, кто сѣетъ хлѣбъ на землѣ, тотъ пользуется землею, хотя земля непосредственно и не служитъ къ удовлетворенію его потребностей; самъ-ли хозяинъ потребитъ родившійся хлѣбъ, или онъ продастъ его и получитъ деньги, по-отношенію къ землѣ это будетъ осуществленіемъ права пользованія. Должно сказать, что право пользованія самая существенная составная часть права собственности; пользованіе—самое естественное его проявленіе, ибо самое существо всѣхъ имущественныхъ правъ заключается въ томъ, что вещь служитъ человѣческимъ потребностямъ, а право пользованія именно и ведетъ къ тому, это его содержаніе. Не каждое однако употребленіе вещи для удовлетворенія потребностей входитъ въ содержаніе права пользованія: иное употребленіе вещи таково, что вещь уничтожается, но уничтоженіе вещи, по нашему опре-

(22) Св. зак. гр. ст. 392, 393.

дѣленію, составляетъ содержаніе права распоряженія, а не права пользованія. Поэтому только тѣ способы удовлетворенія потребностей вещью, которые не соединяются съ ея уничтоженіемъ, входятъ въ составъ права пользованія. Собственникъ самъ пользуется вещью или предоставляетъ пользованіе постороннему лицу, и такимъ образомъ право пользованія иногда выдѣляется изъ права собственности (23). При этомъ-то выдѣлѣ и получаетъ практическое значеніе различіе между пользованіемъ вещью непосредственнымъ и пользованіемъ посредствомъ употребленія ея плодовъ,—различіе, не имѣющее практическаго значенія, пока право пользованія соединено съ правомъ собственности, ибо ipso jure собственнику принадлежатъ всѣ произведенія вещи, плоды ея. Если вещь сама-по-себѣ, непосредственно служитъ удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія по вещи, только и можетъ употреблять ее сообразно ея назначенія, не имѣя никакого права на произведенія вещи, развѣ это именно ему представлено собственникомъ. Такъ лицо, которому предоставлено право пользованія лошадью, не имѣетъ права на приплодъ лошади. Но если пользованіе вещью только и можетъ состоять въ употребленіи плодовъ ея, тогда-какъ непосредственно вещь не служитъ удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія, въ-правѣ пользоваться ея плодами, и именно пріобрѣтаетъ надъ ними право собственности по отдѣленіи ихъ отъ вещи (24). Такъ лицо, которому предоставлено право пользованія фруктовымъ садомъ, пріобрѣтаетъ право собственности на плоды по снятіи ихъ съ деревьевъ. Но бываютъ плоды *гражданскіе* — доходы: вмѣсто-того, чтобы самому пользоваться вещью, лицо предоставляетъ пользованіе другому за извѣстное вознагражденіе, которое и составляетъ гражданскій плодъ. Но право пользованія, даже и въ этомъ случаѣ, когда даетъ поль-

(23) Тамъ-же, ст. 436, 437, 453, 454.
(24) См. § 22.

зователю право на плоды вещи, даетъ право только на *естественные* плоды, а не на плоды гражданскіе. Поэтому пользователь не въ-правѣ пользоваться вещью посредствомъ гражданскаго плода, не можетъ извлекать изъ нея дохода. Если самъ собственникъ уступаетъ пользованіе вещью за извѣстное вознагражденіе, то онъ осуществляетъ тѣмъ свое право, но не право пользованія, а право распоряженія. Слѣдовательно, когда собственникъ предоставилъ стороннему лицу только право пользованія, а не предоставилъ сверхъ-того и права распоряженія, то лицо это не въ-правѣ извлекать доходъ, а въ-правѣ только самъ употреблять вещь, собирать ея естественные плоды. Но естественные плоды принадлежатъ пользователю на правѣ собственности, и онъ можетъ распорядиться ими во всемъ пространствѣ этого права, слѣдовательно и подвергнуть отчужденію и такимъ образомъ (и только такимъ) обратить естественный плодъ въ гражданскій. Право пользованія, выдѣляемое изъ права собственности, въ большей части случаевъ соединяется съ правомъ владѣнія, такъ-что, предоставляя стороннему лицу пользованіе вещью, собственникъ обыкновенно предоставляетъ ему и владѣніе. Однако право пользованія можетъ быть предоставлено и безъ права владѣнія, въ-особенности тогда, когда пользованіе вещью состоитъ въ употребленіи ея плодовъ. Но если пользованіе вещью по самому существу ея только и можетъ состоять въ непосредственномъ употребленіи вещи, то лицо, пріобрѣтшее право пользованія, въ-правѣ требовать отъ собственника, чтобъ онъ предоставилъ ему и владѣніе вещью, въ-правѣ требовать ея выдачи.

§ 8.

ПРАВО РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Право распоряженія заключается въ правѣ прекращенія и разъединенія самаго права собственности, разъединенія навсе-

гда или на извѣстное время (25). Слѣдовательно по праву распоряженія собственникъ можетъ уничтожить вещь, подвергнуть ее отчужденію, заключать различныя сдѣлки относительно вещи, и такимъ образомъ, сверхъ естественныхъ произведеній вещи, естественныхъ плодовъ, извлекать изъ нея и гражданскіе плоды, доходы. Право распоряженія поэтому составляетъ какъ-бы вѣнецъ права собственности: въ распоряженіи представляется наибольшее напряженіе права собственности,—напряженіе, которое можетъ стоить жизни самому праву собственности, и, конечно, право, предоставляющее лицу возможность уничтожить вещь, сильнѣе того права, по которому лицо можетъ лишь подчинить вещь своему фактическому господству или употреблять ее на удовлетвореніе своихъ потребностей. Даже тотъ способъ пользованія вещью, который предполагаетъ ея уничтоженіе, мы отнесли уже къ праву распоряженія. Однако, если сама вещь не уничтожается, а только отъ употребленія измѣняется видъ ея, то нѣтъ собственно распоряженія относительно вещи, а представляется пользованіе, развѣ превращеніе вещи, измѣненіе вида ея таково, что она поступаетъ совершенно въ другой разрядъ вещей. Но разумѣется, что здѣсь довольно трудно провести опредѣленную границу между случаями, гдѣ проявляется право пользованія, и случаями, гдѣ проявляется право распоряженія. Болѣе другихъ основательна попытка опредѣлить эту границу такимъ образомъ: если есть возможность обратить вещь къ прежнему виду, то въ употребленіи вещи проявляется только право пользованія; если-же нѣтъ, вещь безвозвратно перешла въ другой разрядъ, то проявляется право распоряженія. Въ практическомъ отношеніи иногда очень важно опредѣлить, какое именно право проявляется въ данномъ случаѣ: право-ли пользованія или право распоряженія, въ-особенности это важно въ ограниченіяхъ, допускаемыхъ или опредѣляемыхъ для права собственности. Наприм. у

(25) Св. зак. гр. ст. 459.

должника описано имущество, но по снисхожденію кредиторъ предоставляетъ должнику или его родственникамъ пользоваться имуществомъ, не предоставляя однако распоряженія: если должникъ будетъ пользоваться имуществомъ такъ, что оно не измѣнитъ своего вида, по-крайней-мѣрѣ невозвратно, то должникъ не выйдетъ изъ своего права; но если будетъ *распоряжать* вещію, то тѣмъ нарушитъ право вѣрителя и подвергнется отвѣтственности. Право владѣнія и право пользованія, какъ мы видѣли, можно выдѣлить изъ права собственности и предоставить стороннему лицу. Спрашивается, имѣетъ-ли мѣсто выдѣлъ относительно права распоряженія? Намъ кажется, что должно отринуть возможность такого выдѣла: право распоряженія вещью такъ тѣсно связано съ существомъ права собственности, что безъ прекращенія его самого выдѣлъ права распоряженія неудобомыслимъ. По исключенію встрѣчаются, правда, случаи, что право распоряженія выдѣляется изъ права собственности и переходитъ къ другому лицу, однако нормальное состояніе юридическаго быта то, что право распоряженія остается за собственникомъ, хотя-бы у него не было ни владѣнія, ни пользованія. И въ самомъ дѣлѣ, если изъ права собственности выдѣляется право владѣнія или право пользованія, то у собственника остается право распоряженія, и оно знаменуетъ право собственности. Но если выдѣлить право распоряженія, то выдѣлъ его можетъ повлечь за собою выдѣлъ и права владѣнія и права пользованія, такъ-что у собственника ничего не останется отъ его права собственности: стороннее лицо, которому будетъ предоставлено право распоряженія, въ силу своего права, пожалуй, и уничтожитъ вещь, и подвергнетъ ее отчужденію, словомъ, разрушитъ право собственности. Но положительное законодательство, повидимому, противорѣчитъ нашему мнѣнію относительно выдѣла права распоряженія изъ права собственности: законодательство наше говоритъ о правѣ распоряженія, отдѣльномъ отъ права соб-

ственности, т. е. выдѣленномъ изъ него (26). Но законодательство говоритъ о выдѣлѣ права распоряженія не въ томъ смыслѣ, что это право предоставляется стороннему лицу, а законодательству предоставляется выдѣлъ права распоряженія тамъ, гдѣ собственно нѣтъ его выдѣла. Дѣло въ томъ, что законодательство видитъ выдѣлъ права распоряженія въ дачѣ довѣренности на отчужденіе вещи (27); но повѣренный есть только представитель довѣрителя, такъ-что каждое дѣйствіе повѣреннаго должно считать дѣйствіемъ самого довѣрителя, и слѣдовательно дачею довѣренности никакого выдѣла изъ права не дѣлается. Въ частности, законодательство, вѣрное своему взгляду, запрещаетъ выдачу *довѣренности* на отчужденіе населеннаго имѣнія лицу, неимѣющему правъ потомственнаго дворянства (28). Но это опредѣленіе объясняется исторически. Извѣстно, что, по нашему законодательству, пріобрѣтеніе права собственности на нѣкоторые предметы обусловливается извѣстнымъ сословіемъ лица. Такъ, только потомственные дворяне могутъ пріобрѣтать право собственности на населенныя имѣнія (29). Но по выгодамъ, связаннымъ съ правомъ собственности на населенныя имѣнія, естественно, что и для лицъ другихъ сословій есть искушеніе пріобрѣсти такія имущества. Дѣйствительно, въ нашемъ юридическомъ быту встрѣчаются разныя попытки обойдти запрещеніе законодательства, а извѣстно, что личный интересъ дѣлаетъ людей весьма изобрѣтательными. И вотъ въ-особенности часто прежняя практика прибѣгала къ такой хитрости: лицо, желающее пользоваться выгодами права собственности на населенное имѣніе, за извѣстное вознагражденіе, равняющееся стоимости имѣнія, получало отъ собственника довѣренность на управленіе тѣмъ имѣніемъ со всѣми вотчинными правами, такъ-что по своему

---

(26) Тамъ-же, разд. II, гл. 2, отдѣл. 4.
(27) Тамъ-же, ст. 460.
(28) Тамъ-же, ст. 1988.
(29) *Неволина*, Ист. Росс. гр. зак. III, стр. 223.

усмотрѣнію могло подвергнуть имѣніе и отчужденію, а между-тѣмъ повѣренный обезпечивалъ себя противъ уничтоженія довѣренности со стороны довѣрителя, и такимъ образомъ получалъ возможность фактически располагать населеннымъ имѣніемъ или крѣпостными людьми, какъ своею собственностію (29). При такихъ явленіяхъ законодательство, конечно, легко могло найдти на мысль, что дача довѣренности на отчужденіе права собственности составляетъ выдѣлъ изъ него права распоряженія, и вотъ относительно права собственности на населенныя имѣнія запретило такой выдѣлъ лицамъ, не имѣющимъ правъ потомственнаго дворянства. Но все-таки довѣренность установляется лишь договоромъ представительства и дѣйствіе повѣреннаго должно считать дѣйствіемъ самого довѣрителя, такъ-что выдѣла права распоряженія выдачею довѣренности, собственно, не дѣлается, а только представляется возможность фактически осуществлять то, къ чему-бы могло вести право распоряженія, выдѣленное изъ права собственности.

§ 9.

ОГРАНИЧЕНІЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Уже изъ самаго опредѣленія права собственности, сдѣланнаго нами, видно, что оно подлежитъ различнымъ *ограниченіямъ*, сопровождающимъ всякое право собственности на извѣстные предметы, такъ-что право собственности на эти предметы только и существуетъ въ предѣлахъ, установляемыхъ ограниченіями, внутри ихъ (30). Эти-то ограниченія и мѣшаютъ намъ принять обыкновенное опредѣленіе права собственности, какъ полнаго господства лица надъ вещью. Разнообразны ограниченія, существующія для права собственности, по различнымъ соображеніямъ установлены они. Но при всемъ ихъ разнооб-

(30) Въ нашемъ законодательствѣ эти ограниченія называются *правами участія* въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества.

разіи всѣ ограниченія права собственности имѣютъ и общія характеристическія черты, отличающія ихъ отъ ограниченій другихъ правъ и отъ другихъ ограниченій права собственности. Эти общія черты по нашему мнѣнію слѣдующія: 1) ограниченія эти законныя, а не установлены актомъ самого собственника, такъ-что право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограниченія, не существуетъ въ большемъ объемѣ, между-тѣмъ-какъ выдѣлъ той или другой части изъ права собственности актомъ самого собственника не представляется собственно ограниченіемъ права собственности, а только осуществленіемъ его, проявленіемъ права распоряженія. Въ юридическомъ смыслѣ вообще нельзя говорить объ ограниченіи самого себя, ибо каждое такое ограниченіе будетъ осуществленіемъ права. 2) Если ограниченія, существующія для права собственности, такъ или иначе уничтожатся, то объемъ права собственности расширится, чего не бываетъ съ другими вещными правами. Если наприм. право собственности на поземельный участокъ ограничено установленнымъ чрезъ него проѣздомъ, а впослѣдствіи проѣздъ прекратится, то право собственности расширится. Но если напр. существуетъ право пользованія относительно чужаго поземельнаго участка, то, единожды установленное въ извѣстномъ объемѣ, оно и остается навсегда одинаковымъ. Это свойство права собственности расширяться по мѣрѣ устраненія ограниченій можно назвать упругостію права собственности. 3) Ограниченія не установляютъ права на чужую вещь, потому-что право на чужую вещь есть уже выдѣлъ изъ права собственности, а ограниченія составляютъ предѣлъ его. Ограниченія установляютъ для сторонихъ лицъ только право на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, которыя не считаются нарушеніями права собственности. 4) Равнымъ образомъ ограниченія права собственности не установляютъ для сторонихъ лицъ права на чужое дѣйствіе: собственникъ, вслѣдствіе ограниченія права собственности, лишается возможности совершить то или другое дѣйствіе отно-

сительно вещи, тогда-какъ безъ ограниченія онъ по праву собственности могъ-бы совершить это дѣйствіе; или собственникъ, вслѣдствіе ограниченія права собственности, обязывается допустить то или другое дѣйствіе относительно вещи со-стороны другаго лица, тогда-какъ безъ ограниченія права онъ могъ-бы и не допускать такого дѣйствія; но никогда собственникъ, вслѣдствіе ограниченія права собственности, не обязывается совершить какое-либо положительное дѣйствіе. Если и налагаются нерѣдко на собственника разныя обязательства, то они должны быть разсматриваемы независимо отъ права собственности, какъ законныя обязательства, лежащія на лицѣ собственника, но не какъ ограниченія права собственности. Наконецъ (31), всѣ ограниченія права собственности правами участія касаются исключительно недвижимыхъ имуществъ.

Право участія, допускаемое законодательствамъ въ смыслѣ ограниченія права собственности, раздѣляется на *общее* и *частное*, или, какъ говорится, на *право участія общаго* и *право участія частнаго* (32). Право участія общаго установлено въ пользу всѣхъ и каждаго, а право участія частнаго—лишь въ пользу нѣкоторыхъ, извѣстныхъ лицъ. *Право участія общаго* установлено по соображенію, что каждое имущество въ государствѣ, хотя и предоставляется исключительному господству одного лица, все-таки можетъ и должно служить цѣлямъ государства, и какъ цѣли и интересы государства выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ, то права ихъ на имущества могутъ быть ограничены, насколько того требуютъ общественные интересы. Въ особенности это примѣняется къ праву поземельной собственности. Самое понятіе о государствѣ предполагаетъ опредѣленную территорію, безъ которой общество существуетъ лишь въ видѣ кочующей орды. Но что такое территорія, какъ не совокупность поземельныхъ участковъ, входящихъ въ составъ государства? И такъ въ каждомъ поземельномъ участкѣ двѣ

(31) Св. зак. гр. ст. 401.
(32) Тамъ-же, ст. 402.

стороны: одна подлежитъ господству частнаго лица, другая составляетъ часть всей территоріи государства. И одна сторона ограничивается другою: вслѣдствіе того, что поземельный участокъ принадлежитъ одному лицу, государство объявляетъ его неприкосновеннымъ для другихъ лицъ; но вслѣдствіе того, что поземельный участокъ есть составная часть государственной территоріи, самое господство надъ участкомъ ограничивается. Другое соображеніе при установленіи права участія общаго то, что безъ права пользованія извѣстными удобствами и средствами тамъ, гдѣ лицо ихъ находитъ, оно былобы иногда поставлено въ самое затруднительное положеніе. По этимъ-то соображеніямъ наше законодательство постановляетъ слѣдующія права участія общаго, какъ ограниченія права собственности: 1) собственникъ поземельнаго участка, чрезъ который пролегаетъ дорога, не въ-правѣ препятствовать свободному проходу, провозу и проѣзду по дорогѣ, вслѣдствіе того обязанъ воздерживаться отъ запахиванія дороги, копанія по ней ямъ и вообще отъ всего того, что можетъ препятствовать свободному проходу, провозу и проѣзду по дорогѣ (32). Интересъ государства требуетъ, чтобы сообщенія были возможны между всѣми частями территоріи, свобода движенія была установлена для всѣхъ гражданъ, а для этого необходимы пути сообщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ различныя ограниченія права собственности въ интересахъ сообщеній между различными мѣстностями. Но не во всѣхъ случаяхъ право участія каждаго въ пользованіи дорогою представляется ограниченіемъ права собственности. Нѣкоторыя дороги, напр. большіе тракты, губернскія дороги и др. считаются собственностію государства (33), и вотъ относительно этихъ дорогъ право общаго участія не представляется ограниченіемъ права собственности: собственникъ прилежащаго поземельнаго участка не ограничивается въ правѣ собственности, потому-что не его соб-

(33) Тамъ-же, ст. 374.

ственностію пользуются проходящіе и проѣзжающіе, а собственностію государства; но государство также не ограничивается въ правѣ собственности, ибо само оно предоставляетъ пользоваться своими дорогами всѣмъ и каждому. Дѣйствительно, ограниченіе представляется только относительно малыхъ, сельскихъ дорогъ, называемыхъ юристами западной Европы *вицинальными* (chemins vicinaux): дороги эти частныя, онѣ составляютъ собственность хозяина поземельнаго участка, чрезъ который прелегаютъ, но тѣмъ не менѣе каждое лицо имѣетъ по нимъ право прохода, провоза и проѣзда. 2) Владѣлецъ поземельнаго участка, прилегающаго къ судоходной рѣкѣ, не въправѣ препятствовать свободному плаванію по рѣкѣ: поэтому запрещается ему строить на судоходной рѣкѣ мельницы, плотины, заколы или другіе перегороды, отъ которыхъ рѣки засоряются и къ судовому ходу дѣлаются неудобными; на малыхъ рѣкахъ прибрежные владѣльцы не въ-правѣ строить мостовъ на козлахъ, жердяхъ и слабыхъ сваяхъ, а могутъ строить только постоянные мосты, которые не препятствуютъ сплаву дровъ и бревенъ, или содержать разводные живые мосты или перевозные платы (34). Но относительно большихъ судоходныхъ рѣкъ должно сказать то-же самое, что сказано и о большихъ дорогахъ: рѣки эти считаются собственностію государства. Такимъ образомъ, только ограниченія прибрежныхъ владѣльцевъ относительно пользованія малыми рѣками дѣйствительно представляются ограниченіями права собственности. 3) Хозяинъ поземельнаго участка, чрезъ который пролегаетъ дорога, не въ-правѣ запирать луга свои отъ 1 сентября до дня св. Троицы на пространствѣ версты или полуверсты по обѣимъ сторонамъ дороги (смотря потому, къ какой дорогѣ прилегаетъ дача, большой или проселочной) и не въ-правѣ препятствовать пользоваться въ своей дачѣ прогоняемому скоту подножнымъ кормомъ (35). Постановленіе это основано на осо-

(34) Тамъ-же, ст. 406, 408.

(35) Тамъ-же, ст. 403, 404.

бныхъ отношеніяхъ, существующихъ въ нашемъ отечествѣ: народное продовольствіе составляетъ одну изъ существенныхъ заботъ правительства, между-тѣмъ для продовольствія нѣкоторыхъ мѣстностей требуется прогонъ скота изъ очень отдаленныхъ губерній, и еслибы кормъ для прогоняемаго скота получать посредствомъ покупки, то на мѣстѣ потребленія скотъ обошелся-бы чрезвычайно дорого, а отъ этого затруднилось-бы и продовольствіе жителей. Кромѣ-того, по малому числу городовъ и рынковъ въ нашемъ отечествѣ, даже при готовности покупать кормъ для прогоняемаго скота, хозяева его затруднялись-бы въ пріобрѣтеніи корма: имъ или вовсе не-гдѣ было-бы купить его, или хозяева корма стали-бы требовать за него огромныя цѣны. Вслѣдствіе этого-то у насъ до-сихъ-поръ существуетъ постановленіе, по которому хозяева поземельныхъ участковъ, прилежащихъ къ дорогамъ, обязаны дозволять пользованіе подножнымъ кормомъ для прогоняемаго скота. Разумѣется, сначала это право участія установилось обычаемъ, ибо по недороговизнѣ поземельной собственности въ прежнее время это пользованіе подножнымъ кормомъ считалось столь незначительнымъ, что оно не заслуживало и вниманія хозяевъ поземельныхъ участковъ. Впослѣдствіи, когда поземельная собственность получила бо́льшую цѣнность, естественно возникъ вопросъ о запрещеніи такого пользованія и вотъ тутъ-то представилось указанное соображеніе, на основаніи котораго законодательство опредѣлило ограниченіе, хотя въ настоящее время оно можетъ быть и очень чувствительно. Впрочемъ, въ то время, которое особенно важно для хозяина луговъ (отъ Троицына дня до 1 сентября), права участія въ пользованіи лугами не существуетъ. 4) Хозяинъ поземельнаго участка, прилегающаго къ судоходной рѣкѣ или озеру, рыболовство въ которомъ не принадлежитъ ему, на пространствѣ десяти саженъ обязанъ допускать проходъ и проѣздъ людямъ, занимающимся подъемомъ рѣчныхъ судовъ, дозволять баркамъ и другимъ судамъ останавливаться у береговъ, причаливать къ нимъ и вы-

гружать свои товары безъ всякой платы, пользоваться подножнымъ кормомъ на пространствѣ бичевника, ловцамъ рыбы имѣть пристанище и осушивать снасти, вообще не препятствовать употребленію бичевника и не повреждать его (36). Такое ограниченіе постановлено по тому соображенію, что въ нашемъ отечествѣ весьма употребительно судоходство бичевою тягою, производимою частію людьми, частію животными, особенно лошадьми, между-тѣмъ цѣна за провозъ товаровъ такъ низка, что нѣтъ возможности судовщикамъ издерживать что-либо на прокормленіе лошадей, употребляемыхъ для бичевой тяги. При томъ-же было-бы затруднительно вступать каждый разъ въ договоръ относительно подножнаго корма и права остановки у берега: прибрежные хозяева могли-бы воспользоваться нуждою судовщиковъ и рыболовцевъ и стѣснить ихъ, какъ въ случаѣ надобности въ подножномъ кормѣ, такъ и въ случаѣ надобности остановки у берега, для починки-ли судна, для выгрузки-ли товаровъ, или для осушки снастей. Но дѣло въ томъ, что пространство берега судоходной рѣки, отводимое для бичевника, вмѣстѣ съ рѣкою, равно-какъ и большія озера съ ихъ берегами считаются имуществомъ государственнымъ (37), слѣдовательно разсматриваемое опредѣленіе законодательства, по-отношенію къ собственникамъ поземельныхъ участковъ, прилежащихъ къ судоходнымъ рѣкамъ и большимъ озерамъ, ограниченія частной собственности не представляетъ, а представляется ограниченіе права собственности только для хозяевъ малыхъ рѣкъ и озеръ и прилежащихъ къ нимъ поземельныхъ участковъ.

§ 10.

Ограниченія права собственности *правами участія частнаго* установлены преимущественно въ пользу сосѣдей недвижи-

(36) Тамъ-же, ст. 405, 406, 409.

(37) Тамъ-же, ст. 374.

мыхъ имуществъ, какъ поземельныхъ, такъ и строеній. Ограниченія эти установлены частію по тому соображенію, что иногда собственникъ недвижимаго участка не иначе можетъ извлекать изъ него пользу, осуществить свое право собственности, какъ съ ограниченіемъ права собственности своего сосѣда. Такъ 1) если дача окружена другими поземельными участками и нѣтъ возможности пробраться въ дачу, какъ только чрезъ чужіе участки, равнымъ-образомъ, если въ дачѣ нѣтъ воды, то хозяева сосѣднихъ поземельныхъ участковъ обязаны дозволять проходъ, проѣздъ и прогонъ скота на водопой чрезъ свои дачи (38); 2) хозяинъ поземельнаго участка не въ-правѣ поднимать запрудами рѣчную воду, какъ-скоро этимъ останавливается ходъ мельницы, устроенной сосѣдомъ (39). Или ограниченія права собственности правами участія частнаго установлены по тому соображенію, что иные виды осуществленія права собственности были-бы нарушеніемъ права собственности сосѣда. Поэтому: 1) хозяинъ поземельнаго участка, прилежащаго къ рѣкѣ, не въ-правѣ поднимать воду ея и тѣмъ производить затопленіе сосѣднихъ поземельныхъ участковъ (40); 2) собственникъ прибрежнаго поземельнаго участки не въ-правѣ примыкать плотину къ противоположному берегу рѣки, принадлежащему другому лицу (41); 3) домохозяинъ не въ-правѣ устроить скатъ крыши на дворъ сосѣда, 4) лить воду, сметать соръ, на дворъ его; 5) не въ-правѣ пристроивать поварню къ стѣнѣ сосѣда и 6) дѣлать окна на его дворъ въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ (42). Но поднимать рѣчную воду и тѣмъ затоплять сосѣдніе луга, примыкать плотину къ чужому берегу, дѣлать скатъ кровли на дворъ сосѣда и тѣмъ давать туда направленіе дождевой водѣ, сметать соръ, лить воду на дворъ сосѣда—все это значитъ нарушать право собственности другаго лица. При-

(38) Св. зак. гр. ст. 416, 419.
(39) Тамъ-же, ст. 410, п. 1.
(40) Тамъ-же.
(41) Тамъ-же, п. 2.
(42) Тамъ-же, ст. 413, 414, 415

стройка зданія къ стѣнѣ сосѣда, говоря вообще, не считается нарушеніемъ права собственности, хотя и независимо отъ воли сосѣда происходитъ прикосновеніе къ его вещи; но если прикасающееся строеніе угрожаетъ какою-либо опасностію, то законодательство считаетъ нужнымъ ограничить строителя и вотъ запрещаетъ пристроивать поварню къ стѣнамъ сосѣда, какъ строеніе, угрожающее опасностію отъ огня. Нѣсколько страннымъ кажется ограниченіе относительно оконъ. Казалось-бы, домохозяинъ, пробивая окна въ стѣнѣ своего дома, находящейся на межѣ, осуществляетъ только свое право собственности и не нарушаетъ права собственности сосѣда, подобно тому, какъ представляется такое нарушеніе напр. при сліяніи воды на чужой дворъ. Но запрещеніе относительно оконъ имѣетъ практическое значеніе: каждому домохозяину болѣе или менѣе непріятно, если совершенно независимо отъ его воли сосѣдъ пуститъ окна на его дворъ. Конечно, сосѣдъ можетъ избавиться отъ такой непріятности: онъ по своему праву собственности можетъ вывести какое-либо зданіе или стѣну у самаго окна. Но законодательство считаетъ возможнымъ прямо ограничить право собственности домохозяина, запретить ему пускать окна на дворъ сосѣда. Однакожь запрещеніе это только и касается оконъ въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ, а по сю сторону межи домохозяинъ въ-правѣ вывести какое угодно строеніе и сдѣлать окна, изъ которыхъ видно на дворъ сосѣда: законодательство считаетъ неумѣстнымъ ограничивать далѣе право собственности, но сосѣдъ также въ-правѣ вывести стѣну на самой межѣ и тѣмъ совершенно отдѣлить и закрыть свой домъ отъ сосѣдняго (43). Разумѣется, особое со-

(43) При такомъ пространствѣ ограниченія относительно оконъ, легко допустить предположеніе, что ограниченіе это, кромѣ своего практическаго значенія, установлено еще подъ вліяніемъ Римскихъ юридическихъ понятій, по которымъ хозяинъ мѣста есть также хозяинъ воздушнаго столба, возвышающагося надъ мѣстомъ, и потому существованіе окна въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ, и пользованіе воздухомъ представляются нарушеніемъ права собственности сосѣда, но нѣтъ такого нарушенія, когда зданіе нахо-

глашеніе, особый договоръ между сосѣдями, надлежащимъ образомъ совершенный, можетъ устранить то или другое законное ограниченіе права собственности правомъ частнаго участія. Но если такого соглашенія нѣтъ, то каждый собственникъ смежнаго недвижимаго имущества осуществляетъ право частнаго участія: перемѣна въ лицѣ собственника того или другаго сосѣдняго имущества не имѣетъ вліянія на право частнаго участія. Въ видахъ безопасности отъ огня, законодательство постановляетъ и нѣкоторыя другія ограниченія въ устройствѣ и содержаніи домовъ (44), но ограниченія эти и правила не представляются правами участія и потому не относятся къ нашему предмету.

§ 11.

Независимо отъ этихъ ограниченій, сопровождающихъ каждое право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограниченія, такъ-что право собственности только и существуетъ въ предѣлахъ установленныхъ ограниченій, независимо, говорю, отъ нихъ, право собственности и внутри своихъ предѣловъ иногда ограничивается по различнымъ основаніямъ, лежащимъ или въ личности отдѣльнаго субъекта права собственности, или въ обстоятельствахъ постороннихъ относительно личности субъекта. Ограниченіе можетъ касаться каждой изъ составныхъ частей права собственности — владѣнія, пользованія и распоряженія, и притомъ можетъ касаться или одной только составной части права собственности, или распространяться и на другія части. Разсмотримъ эти ограниченія относительно каждой составной части права собственности въ отдѣльности.

Ограниченіе права собственности относительно *владѣнія*, безъ ограниченія пользованія и распоряженія представляется

дится не на самой межѣ, ибо воздушный столбъ въ этомъ случаѣ составляетъ уже собственность домохозяина (Dig. L. 43, t. 27).

(44) Уст. строит. разд. VI.

при учрежденіи опеки надъ населеннымъ имѣніемъ съ устраненіемъ собственника отъ всякаго прикосновенія къ нему. Такъ, по нашему законодательству, собственникъ населеннаго имѣнія, отступившій отъ православнаго вѣроисповѣданія, не имѣетъ права въѣзда въ имѣніе (45). Равнымъ образомъ запрещается въѣздъ въ населенное имѣніе собственнику, жестоко обращающемуся съ крѣпостными людьми (46) Въ обоихъ этихъ случаяхъ учреждается опека и владѣетъ за собственника опекунъ, который является и представителемъ государства и представителемъ опекаемаго. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ законодательство не трогаетъ ни права пользованія — собственникъ пользуется доходами, получаемыми отъ имѣнія, ни права распоряженія—собственникъ въ-правѣ продать имѣніе и правительство даже охотно принимаетъ готовность къ отчужденію, а законодательство не допускаетъ только владѣнія. Иногда съ ограниченіемъ владѣнія соединяется и ограниченіе *пользованія*, такъ-что лицо не только не владѣетъ имуществомъ, но и не пользуется имъ или совершенно, или по-крайней-мѣрѣ пользуется не въ полномъ объемѣ, а только часть доходовъ, доставляемыхъ имуществомъ, идетъ на удовлетвореніе потребностей собственника. Такъ, ограниченія относительно владѣнія и пользованія представляются по нашему законодательству при учрежденіи опеки надъ имуществомъ расточителя (47), несовершеннолѣтняго, умалишеннаго (48); при просрочкѣ по закладной крѣпости, когда залогопринимать вводится во владѣніе заложеннымъ недвижимыхъ имуществомъ и пользуется его доходами до продажи или до разсчета съ залодателемъ (49); при закладѣ движимаго имущества, которое обыкновенно хранится въ рукахъ залогопринимателя (50); нако-

(45) Св. уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 49.
(46) Тамъ-же, ст. 362.
(47) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 215.
(48) Св. зак. гр. ст. 253, 347.
(49) Тамъ-же, ст. 2052.
(50) Тамъ-же, ст. 1407.

нецъ ограниченіе относительно владѣнія и пользованія представляется въ томъ случаѣ, когда право собственности на имущество бездѣтно-умершаго лица переходитъ по праву наслѣдованія къ его родственникамъ въ боковой линіи, но владѣніе и пользованіе пожизненно принадлежитъ родителямъ безпотомственно-умершаго (51). Но какъ владѣніе можетъ быть ограничено безъ ограниченія пользованія и распоряженія, такъ и относительно пользованія представляются случаи, въ которыхъ собственникъ ограничивается относительно пользованія, не будучи ограничиваемъ относительно владѣнія. Такъ, при отдачѣ имущества въ закладъ, оно можетъ быть описано, запечатано и оставлено на храненіе у самого залогодателя: владѣніе заложенною вещью для него не ограничивается, но существуетъ ограниченіе относительно пользованія и распоряженія. Въ бо́льшей части случаевъ однако съ ограниченіемъ пользованія соединяется и ограниченіе владѣнія.

§ 12.

Право собственности ограничивается относительно *распоряженія*. Или это ограниченіе соединяется съ ограниченіемъ другихъ частей права собственности: такъ, при учрежденіи опеки надъ имѣніемъ малолѣтнаго, умалишеннаго, расточителя право собственности ограничивается нетолько относительно распоряженія, но и относительно другихъ составныхъ своихъ частей. Или ограниченіе права собственности только и касается распоряженія: такъ при наложеніи запрещенія на имущество. Въ иныхъ случаяхъ право собственности и существуетъ неиначе, какъ съ ограниченіемъ относительно распоряженія. Напр. право собственности на такъ-называемыя *заповѣдныя имѣнія:* лицо, праву собственности котораго подлежитъ заповѣдное имѣніе, владѣетъ имъ, пользуется, но не въ-правѣ подвергнуть его отчужденію и залогу (который также можетъ ве-

(51) Тамъ-же, ст. 960.

сти къ отчужденію), слѣдовательно ограничивается въ распоряженіи (52). Таковы *майораты* (53). Самый важный случай ограниченія права собственности относительно распоряженія представляется при наложеніи *запрещенія* на имущество, по отношенію къ имуществу движимому частно называемаго *арестомъ*. Подъ *запрещеніемъ* разумѣется ограниченіе собственника въ совершеніи какого-либо акта отчужденія относительно его имущества, такъ-что запрещеніе обнимаетъ собою не все распоряженіе, а только важнѣйшій видъ его. По буквальному выраженію законодательства, наложенное запрещеніе ограничиваетъ, правда, собственника только въ совершеніи купли, продажи и залога относительно недвижимаго имущества; законодательство выражается: «*запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ крѣпостей*» (54). Но практика понимаетъ это опредѣленіе распространительно, толкуетъ такъ, что запрещеніе въ письмѣ купчихъ крѣпостей обнимаетъ всѣ акты отчужденія. Практика

(52) Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 363 (по прод. VI) т. 33, 42.

(53) Но съ этимъ правомъ собственности, ограниченнымъ относительно распоряженія, не должно смѣшивать сходнаго съ нимъ по содержанію такъ-называемаго *пожизненнаго владѣнія*. Такъ, наше законодательство предоставляетъ родителямъ пожизненное владѣніе благоприобрѣтеннымъ имуществомъ безпотомственно умершихъ дѣтей; или иногда, по исключенію, верховная власть предоставляетъ переживающему супругу пожизненное владѣніе имуществомъ другаго супруга. Въ обоихъ случаяхъ пожизненное владѣніе обнимаетъ право владѣнія и право пользованія, безъ права распоряженія. Но все-таки пожизненнаго владѣльца нельзя считать собственникомъ имущества, которымъ онъ владѣетъ и пользуется,—собственникомъ, ограниченнымъ въ распоряженіи: собственникъ—наслѣдникъ умершаго лица, безпотомственнаго дитяти или супруга. Практическая сторона такого признанія права собственности за наслѣдникомъ заключается въ томъ, что наслѣдникъ, будучи собственникомъ имущества, подлежащаго пожизненному владѣнію другаго лица, ограниченнымъ во время жизни его во владѣніи и пользованіи, можетъ распорядиться имуществомъ, разумѣется, безъ всякаго ущерба пожизненному владѣльцу,—тогда-какъ, еслибы пожизненнаго владѣльца считать собственникомъ, ограниченнымъ въ распоряженіи, за прямымъ-же наслѣдникомъ признавать лишь право на пріобрѣтеніе права собственности на имущество по смерти пожизненнаго владѣльца, то всякаго распоряженіе наслѣдника относительно имущества, сдѣланное при жизни пожизненнаго владѣльца, должно-бы признать недѣйствительнымъ.

(54) Св. зак. гр. ст. 626.

въ этомъ случаѣ совершенно единодушна: ни одно присутственное мѣсто, совершающее крѣпостные акты, не совершитъ напр. *дарственной записи* на имѣніе, состоящее подъ запрещеніемъ. И должно сказать, что такое толкованіе совершенно сообразно цѣли законодательства, съ которою налагается запрещеніе: цѣль эта, говоря вообще, обезпеченіе взысканія, которое можетъ пасть на собственника; но понятно, что она не была-бы достигнута, еслибы собственникъ, ограниченный въ продажѣ имѣнія, считался въ-правѣ подвергнуть его дарственному отчужденію, которое притомъ способно прикрывать собою и отчужденіе возмездное, продажу. Если-же законодательство говоритъ только о запрещеніи въ письмѣ купчихъ крѣпостей, не упоминая о другихъ актахъ отчужденія, потому-что отчужденіе имуществъ производится всего чаще возмездно и притомъ именно по договору купли-продажи, совершаемому посредствомъ написанія купчей крѣпости. Отдача имущества въ залогъ не составляетъ акта отчужденія; но такъ-какъ залогъ можетъ вести къ отчужденію имущества продажею (при неисправности залогодателя) (55) и древніе источники нашего права безпрестанно объединяютъ залогъ съ продажею (56), то законодательство распространяетъ запрещеніе и на совершеніе закладной крѣпости. Поэтому мы въ-правѣ, кажется, характеризовать запрещеніе, какъ ограниченіе собственника только въ совершеніи акта отчужденія относительно его имущества. Тоже самое составляетъ существо *ареста*, но онъ имѣетъ и нѣкоторыя особенности. Отчужденіе недвижимаго имущества по нашему законодательству совершается посредствомъ написанія крѣпостнаго акта, а его нельзя написать при существованіи запрещенія; поэтому нѣтъ затрудненія оставить недвижимое имущество въ рукахъ собственника, хотя на имущество это и наложено запрещеніе. Но что касается до движимаго имущества, то хотя юридически и нельзя подвергнуть его отчужде-

(55) Тамъ-же, ст. 2061, 2073, 2074.

(56) *Мейера*, Древн. Русс. право залога. Казань. 1855, стр. 6, 7.

нію при существованіи запрещенія — актъ отчужденія юридически-ничтоженъ, — но такъ-какъ для отчужденія движимаго имущества не требуется совершенія крѣпостнаго акта и слѣдов. фактически оно можетъ быть отчуждено, передано отъ собственника въ руки другаго лица, и трудно добраться, къ кому оно перешло, и далѣе, такъ-какъ движимое имущество легко можетъ быть скрыто или подвергнуто уничтоженію, то съ ограниченіемъ права отчужденія относительно движимаго имущества самое имущество обыкновенно описывается, запечатывается и отбирается отъ собственника (57). Такимъ-образомъ арестъ, кромѣ ограниченія собственника въ отчужденіи, лишаетъ его и владѣнія и пользованія, и только по особому соглашенію интерессента имущество, подвергшееся аресту, можетъ быть оставлено въ рукахъ самого собственника. Запрещеніе представляется двоякимъ: *общимъ* и *частнымъ* или *спеціальнымъ*. *Общее запрещеніе* обнимаетъ все имущество лица не только настоящее, но и будущее, не только извѣстное настоящее, но и неизвѣстное, словомъ, когда-бы и гдѣ-бы ни оказалось у лица имущество, какъ-скоро оно явится, считается подлежащимъ запрещенію. Такому общему запрещенію подвергается напр. имущество несостоятельнаго должника (58), имущество расточителя (59) и т. п. *Частное запрещеніе* относится къ извѣстному какому-либо имуществу лица: напр. налагается запрещеніе на такое-то населенное имѣніе лица, находящееся въ такой-то губерніи, въ такомъ-то уѣздѣ, состоящее изъ такого-то числа ревизскихъ душъ. Но это частное запрещеніе представляется опять двоякимъ: или оно обнимаетъ извѣстное имущество въ цѣлости, или только часть его, опредѣляемую количествомъ (60). Положимъ, лицу принадлежитъ недвижимое населенное имѣніе, состоящее изъ 500 ревизскихъ душъ и 2000

(57) Св. зак. гр. ст. 1407, 3806.
(58) Св. уст. торг. ст. 1716—1722. Св. зак. гр. 2079—2081.
(59) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 214.
(60) Св. зак. гр. ст. 3776, 3777.

десятинъ земли; половину этого имѣнія лицо предоставляетъ въ залогъ напр. по питейнымъ откупамъ; вслѣдствіе того на 250 душъ и 1000 десятинъ земли имѣнія налагается запрещеніе; но при этомъ не исчисляется, какіе именно крестьяне и какія десятины земли поступаютъ въ залогъ, а указывается только число душъ и десятинъ земли, подлежащихъ запрещенію. Въ такомъ случаѣ, и собственникъ ограничивается въ отчужденіи лишь той части своего имущества, на какую простирается запрещеніе, а часть излишняя остается въ свободномъ его распоряженіи. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, лицо въ-правѣ продать 50, 100 до 250 душъ и 1000 десятинъ земли, потому-что эта часть имѣнія свободна отъ запрещенія.

По различнымъ поводамъ налагается запрещеніе на недвижимое имущество, запрещеніе въ тѣсномъ смыслѣ. Иногда оно налагается при участіи воли самого собственника, иногда независимо отъ его воли, по опредѣленію какого-либо присутственнаго мѣста. При участіи воли собственника налагается запрещеніе на имущество, когда собственникъ распоряжается имъ для обезпеченія обязательства, представляетъ свое имущество въ залогъ (61). Иногда уже при одномъ только приготовленіи имущества въ залогъ оно подвергается запрещенію. Такъ, при заключеніи какого-либо договора частнымъ лицомъ съ казною, подряда, поставки, займа и т. п., недвижимое имущество нерѣдко принимается въ залогъ для обезпеченія обязательства, какъ съ засвидѣтельствованіемъ подлежащаго присутственнаго мѣста о наличности имущества и его свободности (62). Но отъ выдачи собственнику такого свидѣтельства до представленія имущества въ залогъ можетъ истечь значительное пространство времени, въ которое собственникъ, пожалуй, успѣетъ подвергнуть свое имущество и отчужденію: поэтому при самой выдачѣ свидѣтельства на имущество уже налагает-

---

(61) Тамъ-же, ст. 1383.
(62) Тамъ-же, ст. 1351, 1359.

ся запрещеніе, такъ-что договоръ съ казною еще и не заключенъ, нѣтъ обязательства, которое-бы обезпечивало имущество, а запрещеніе на имущество уже наложено. Независимо отъ воли собственника, по опредѣленію какого-либо присутственнаго мѣста, налагается запрещеніе или на основаніи прямаго опредѣленія законодательства, или по собственному усмотрѣнію присутственнаго мѣста. По прямому опредѣленію законодательства, налагается напр. запрещеніе на имущество несостоятельнаго должника (63), расточителя (64); на имущество, переходящее по духовному завѣщанію, если по вводѣ уже наслѣдника во владѣніе завѣщаннымъ недвижимымъ имуществомъ будетъ предъявленъ споръ противъ духовнаго завѣщанія (65) и т. д. Но такъ-какъ запрещеніе не составляетъ большаго ущерба для собственника, потому-что право собственности осуществляется преимущественно безъ отчужденія, — отчужденіе ведетъ уже къ прекращенію самаго права собственности; то, и независимо отъ прямыхъ указаній законодательства, присутственныя судебныя мѣста, въ случаѣ тяжбы о недвижимомъ имуществѣ, охотно соглашаются на просьбы истцевъ о наложеніи запрещенія на имущество, о которомъ идетъ тяжба, и наложеніи запрещенія. Особенно въ дѣлахъ по претензіямъ казны на частномъ лицѣ присутственныя мѣста, чтобъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, бываютъ очень проворны на наложеніе запрещенія, такъ-что законодательство нашло даже нужнымъ ограничить такой произволъ и постановило, что нельзя налагать запрещенія на имущество лица по одной только возможности взысканія, одному ожиданію, а только при дѣйствительномъ нарушеніи лицомъ чьихъ-либо правъ или, по-крайней-мѣрѣ, при большой вѣроятности нарушенія, и слѣдовательно вѣроятности взысканія, на имущество лица можно налагать

---

(63) Учр. и уст. торгов. ст. 1720. Св. зак. гр. ст. 2079—2081.

(64) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 214.

(65) Св. зак. гр. ст. 917.

запрещеніе (66). Но ни въ какомъ случаѣ не налагается запрещеніе на имущество тѣхъ лицъ, которыя своихъ обязательствъ имуществомъ не обезпечиваютъ и съ которыхъ взысканія не производится посредствомъ продажи ихъ имуществъ. Такъ имущества казны и нѣкоторыхъ другихъ юридическихъ лицъ не подвергаются запрещенію.

Что касается до самаго процесса наложенія запрещенія, то, будучи актомъ власти исполнительной, наложеніе запрещенія должно входить въ кругъ вѣдомства губернскаго правленія, а какъ цѣль наложенія запрещенія—предупрежденіе актовъ отчужденія по недвижимому имуществу, совершаемыхъ въ судебныхъ мѣстахъ, палатахъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судахъ, то эти мѣста должны быть увѣдомлены о наложеніи запрещенія. Итакъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда слѣдуетъ наложить запрещеніе на недвижимое имущество, губернское правленіе той губерніи, гдѣ находится имущество, должно-бы сдѣлать постановленіе о наложеніи запрещанія и увѣдомить о томъ гражданскую палату и уѣздные суды своей губерніи. Но извѣщенія судебныхъ мѣстъ одной губерніи оказалось-бы недостаточно для той цѣли, съ которою налагается запрещеніе на имущество: ибо законодательство находитъ затруднительнымъ для собственниковъ ограниченіе въ выборѣ судебныхъ присутственныхъ мѣстъ для совершенія актовъ отчужденія и закладныхъ крѣпостей по недвижимымъ имуществамъ и предоставляетъ совершать эти акты повсемѣстно, и не въ одной только губерніи, гдѣ находится имущество. Изъ этого не слѣдовало-бы еще большихъ неудобствъ, не слѣдовало-бы губернскому правленію, которое распоряжается о наложеніи запрещенія, увѣдомлять о немъ всѣ судебныя мѣста имперіи, совершающія крѣпостные акты, а было-бы достаточно, еслибы въ законодательствѣ существовало постановленіе, что судебное мѣсто прежде совершенія крѣпостнаго акта по имуще-

(66) Тамъ-же, ст. 3775.

ству, находящемуся въ другой губерніи, должно сдѣлать запросъ о свободности имущества у губернскаго правленія или судебныхъ мѣстъ, вѣдающихъ крѣпостныя дѣла той губерніи, въ которой находится имущество. Но такого постановленія нѣтъ: законодательство, можетъ быть, имѣетъ въ виду, что запросъ о свободности имѣнія повлекъ-бы за собою значительную медлительность въ совершеніи крѣпостныхъ актовъ, а это тягостно для лицъ, совершающихъ акты. Кромѣ-того желательна извѣстная гласность запрещеній, налагаемыхъ на имѣнія, желательно, чтобъ не только присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, знали о запрещеніи, но чтобы зналъ о немъ и всякій, кто пожелаетъ, кто можетъ интересоваться этимъ. Поэтому-то законодательство избираетъ иной путь для наложенія запрещеній, — путь, требующій болѣе труда, болѣе переписки, нежели тотъ, который изложенъ нами и который могъ-бы существовать. По опредѣленію законодательства, запрещеніе налагается повсемѣстнымъ объявленіемъ о немъ посредствомъ напечатанія въ *Сенатскихъ вѣдомостяхъ* (67); запрещеніе на имущество считается наложеннымъ, коль-скоро въ *Объявленіяхъ*, издаваемыхъ при Сенатскихъ вѣдомостяхъ, Петербургскихъ и Московскихъ, является *статья* о запрещеніи. Объявленія эти разсылаются еженедѣльно во всѣ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, а по истеченіи мѣсяца Сенатскія типографіи печатаютъ алфавитъ состоявшихся запрещеній по фамиліямъ лицъ, на имущества которыхъ они наложены, и также разсылаютъ его въ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты. Подобный-же алфавитъ составляется по истеченіи года. Но для присутственныхъ мѣстъ обязателенъ не алфавитъ, а самое объявленіе о запрещеніи, такъ-что если напр. въ алфавитѣ будетъ пропущена какая-либо запретительная статья, напечатанная въ объявленіяхъ, то присутственное мѣсто все-таки подвергается отвѣтственности,

(67) Тамъ-же, ст. 3773—3794.

если совершитъ актъ отчужденія или закладную крѣпость относительно имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ. Присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія на имущество по собственному-ли усмотрѣнію, или по просьбѣ частнаго лица (большею частію мѣсто судебное, какъ разбирающее тяжбы и совершающее закладныя крѣпости), составляетъ *объявленіе* о наложеніи запрещенія: въ объявленіи прописывается званіе, имя, отчество и фамилія лица, на имущество котораго налагается запрещеніе, подробно описывается самое имущество, подвергающееся запрещенію (если это земля, то означается, въ какой губерніи и уѣздѣ она находится, какъ называется, въ какомъ количествѣ десятинъ заключается, какимъ количествомъ душъ населена; если это домъ, то означается городъ, въ которомъ онъ стоитъ, и положеніе его въ городѣ, въ какой части города, на какой улицѣ, подъ какимъ нумеромъ, каменный или деревянный) и наконецъ изъясняется поводъ, по которому налагается запрещеніе (68). Составленное такимъ-образомъ въ двухъ экземплярахъ объявленіе препровождается въ губернское правленіе, а губернское правленіе отсылаетъ его въ сенатскія типографіи, одинъ экземпляръ въ С. Петербургскую, другой въ Московскую, для напечатанія въ издаваемыхъ при сенатскихъ вѣдомостяхъ объявленіяхъ, въ особомъ отдѣлѣ ихъ, извѣстномъ подъ названіемъ *запретительныхъ статей*. Но печатаніе объявленій сопряжено также съ издержками, которыя, по опредѣленію законодательства, падаютъ на счетъ собственниковъ имуществъ или тѣхъ лицъ, которыя просятъ о наложеніи запрещенія на чужое имущество. Требуется поэтому, чтобы каждое присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія, представило и деньги для напечатанія объявленія. За каждую запретительную статью полагается 75 коп. сер., слѣдовательно на двѣ статьи, одну въ Петербургскихъ и другую въ Московскихъ сенатскихъ объявленіяхъ,

(68) Тамъ-же, ст. 3773.

приходится 1 р. 50 коп. сереб. (69). Но такъ-какъ имѣется въ виду, что за наложеніемъ запрещенія когда-либо послѣдуетъ снятіе его, о которомъ также дѣлается объявленіе въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, то обыкновенно при самомъ наложеніи запрещенія взыскиваются деньги и за будущее объявленіе о снятіи запрещенія. За это объявленіе платится также по 75 коп. сер., такъ-что всего взыскивается 3 руб. сер. и 3 коп. на пересылку ихъ по почтѣ, страховыхъ. Деньги эти присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія, прямо отъ себя посылаетъ въ сенатскія типографіи, при увѣдомленіи, за какимъ № отправлено объявленіе о запрещеніи въ губернское правленіе, а губернское правленіе увѣдомляется о времени отсылки денегъ въ сенатскія типографіи. Итакъ, по напечатаніи объявленія о наложеніи запрещенія на имущество, нѣтъ возможности совершить относительно его актъ отчужденія или залога и слѣдов. цѣль запрещенія напечатаніемъ о его наложеніи въ сенатскихъ объявленіяхъ достигается. Въ самомъ процессѣ представляется только тотъ недостатокъ, что между распоряженіемъ о наложеніи запрещенія и появленіемъ запретительной статьи въ сенатскихъ объявленіяхъ проходитъ нѣкоторое, иногда довольно значительное пространство времени, въ которое собственникъ имущества, не ограниченный въ выборѣ мѣста для совершенія крѣпостнаго акта, успѣетъ, пожалуй, совершить относительно имущества тотъ или другой актъ, устраняемый запрещеніемъ. Но опасность эта отклоняется тѣмъ, что присутственныя мѣста, къ которымъ обращаются съ просьбою о совершеніи крѣпостныхъ актовъ относительно имуществъ, находящихся въ другомъ уѣздѣ, или другой губерніи, если невсегда, то обыкновенно, или по крайней мѣрѣ въ сомнительныхъ случаяхъ дѣлаютъ запросъ у присутственныхъ мѣстъ того уѣзда или той губерніи, гдѣ находится имѣніе, не наложено-ли на него запрещеніе, или вообще нѣтъ-ли препятствій къ совершенію предполагаемаго акта (хотя за-

(69) Тамъ-же, п. 5 (Прод. VI), ст. 3779.

просъ такой и не обязателенъ) и въ случаѣ неблагопріятнаго для собственника отвѣта отказываютъ въ его совершеніи.

И такъ, если на имущество наложено запрещеніе, то нѣтъ возможности совершить относительно его актъ отчужденія или закладную крѣпость. Собственникъ ограничивается такимъ образомъ въ важнѣйшей части права распоряженія. Но право владѣнія и право пользованія остаются за нимъ и могутъ быть выдѣлены, раздѣлены съ другимъ лицомъ, только не въ-ущербъ тѣмъ правамъ, которыя пріобрѣтены по поводу, вызвавшему самое запрещеніе. Наприм. имущество представлено въ залогъ и вслѣдствіе того наложено запрещеніе: владѣніе и пользованіе остаются за собственникомъ и онъ въ-правѣ предоставить напр. пользованіе другому лицу, но въ такомъ видѣ, чтобы, въ случаѣ продажи заложеннаго имущества съ публичнаго торга, покупщикъ не былъ лишенъ этого выдѣленнаго пользованія, а получилъ-бы имущество безъ всякихъ ограниченій, наступившихъ по наложеніи запрещенія. Только съ такимъ условіемъ можно передать владѣніе и пользованіе по имуществу, состоящему подъ запрещеніемъ. Но съ такимъ условіемъ можно допустить и самое отчужденіе права собственности на имущество, состоящее подъ запрещеніемъ. Дѣйствительно, при запрещеніи по поводу залога отчужденіе имущества допускается иногда, по исключенію, но съ тѣмъ именно условіемъ, чтобы запрещеніе продолжалось и по пріобрѣтеніи имущества другимъ лицомъ. Для объясненія возьмемъ конкретный случай. Допустимъ, что лицо заключило заемъ подъ залогъ своего недвижимаго имущества, на которое вслѣдствіе того наложено запрещеніе, и собственникъ не въ-правѣ подвергнуть его отчужденію. Но является лицо, желающее пріобрѣсти имущество: если заимодавецъ, которому заложено имущество, изъявляетъ согласіе на отчужденіе, то оно и совершается, и на мѣсто

(70) Нѣкоторыя присутственныя мѣста, впрочемъ, взыскиваютъ только 1 руб. 50 коп. и $1\frac{1}{2}$ коп. на пересылку, имѣя въ виду, что при снятіи запрещенія на припечатаніе разрѣшительной статьи можно взыскать и послѣ.

прежняго собственника, залогодателя, является новый. При этомъ или запрещеніе остается на имуществѣ, или вмѣстѣ съ отчужденіемъ слагается и запрещеніе. Если запрещеніе остается на имуществѣ, то значеніе его то, что новый хозяинъ содѣлывается должникомъ заимодавца на мѣсто прежняго хозяина, слѣдов. недвижимое имущество переходитъ съ переводомъ долга; или значеніе остающагося запрещенія то, что хозяинъ недвижимаго имущества остается должникомъ, а новый собственникъ является лишь залогодателемъ задолжника (71), который до отчужденія имущества обезпечивалъ долгъ своимъ достояніемъ. То или другое значеніе остающагося запрещенія зависитъ отъ ближайшаго опредѣленія участвующихъ лицъ. Если-же съ отчужденіемъ имущества слагается наложенное на него запрещеніе, то это значитъ, что заимодавецъ отказывается отъ права залога. Но обыкновенно заложенное имущество отчуждается съ переводомъ долга на новаго хозяина: долгъ какъ будто неразрывно связывается съ имуществомъ, служащимъ къ его обезпеченію. Такъ напр. опекунскіе совѣты, которымъ всего чаще закладываются имущества, обыкновенно соглашаются на отчужденіе заложеннаго имущества съ переводомъ долга (72). Можно сказать, впрочемъ, что только повидимому совершается отчужденіе недвижимаго имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ; собственно-же, когда совершается отчужденіе такого недвижимаго имущества, запрещеніе прекращается и налагается снова: если заимодавецъ согласенъ на отчужденіе заложеннаго имущества съ переводомъ долга, то, значитъ, нѣтъ препятствія къ отчужденію имущества, такъ-что въ самый моментъ отчужденія запрещеніе не существуетъ, но такъ-какъ существуетъ поводъ къ запрещенію, то въ самый моментъ пріобрѣтенія имущества запрещеніе налагается, только что по-необходимости снова наложитъ его

(71) Имущество можетъ быть представляемо въ залогъ и для обезпеченія чужаго долга (Св. зак. гр. ст. 1355—1358, 1367).

(72) Св. зак. гр. ст. 1148.

вслѣдъ за снятіемъ не считается нужнымъ соблюдать всѣ формальности, связанныя съ наложеніемъ запрещенія на имущество и его разрѣшеніемъ. Независимо отъ этого отчужденія, допускаемаго по исключенію, измѣненіе въ лицѣ собственника недвижимаго имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, можетъ произойдти и другимъ путемъ. Напр. имущество можетъ перейдти къ другому лицу по праву наслѣдованія. По такомъ переходѣ имя собственника имущества уже не будетъ совпадать съ именемъ, значущимся въ запретительной статьѣ, и новый собственникъ имѣетъ возможность совершить актъ отчужденія относительно имущества. Приходится поэтому принять особую мѣру съ цѣлію предупрежденія такого отчужденія. Мѣра состоитъ въ томъ, что составляется новая запретительная статья на имущество по имени новаго собственника и обыкновеннымъ порядкомъ напечатывается въ сенатскихъ объявленіяхъ (73). И этой мѣры совершенно достаточно: цѣль ея достигается вполнѣ, потому-что всякій переходъ недвижимаго имущества отъ одного лица къ другому, по какому-бы поводу онъ ни совершался, происходитъ при участіи общественной власти, которая слѣдов. всегда знаетъ объ измѣненіи лица собственника имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, и можетъ распорядиться о напечатаніи новой запретительной статьи. Равнымъ образомъ, дѣлается измѣненіе въ запретительной статьѣ и въ-случаѣ измѣненія въ самомъ основаніи, по которому наложено запрещеніе (74). Напр. лицо обезпечило обязательство населеннымъ имѣніемъ въ 1000 душъ, но обязательство вполовину исполнено, такъ что для обезпеченія достаточно уже половины заложеннаго имѣнія: тогда является новая запретительная статья, въ которой значится, что на 500 душъ такого-то имѣнія (а не на все имѣніе, какъ прежде) наложено запрещеніе.

Какъ-скоро исчезаетъ поводъ, по которому на имущество наложено запрещеніе, оно снимается. Это снятіе запрещенія

(73) Св. зак. гр. ст. 3793, 3794.

(74) Тамъ-же, ср. ст. 1551, 3789, 3793, 3794.

называется *разрѣшеніемъ*. Но разрѣшеніе происходитъ не само собою, а подобно тому, какъ наложеніе запрещенія совершается напечатаніемъ въ сенатскихъ объявленіяхъ запретительной статьи: оно снимается по распоряженію присутственнаго мѣста, наложившаго запрещеніе, напечатаніемъ *статьи разрѣшительной*. Процедура при разрѣшеніи совершенно такая-же, какъ при наложеніи запрещенія, только-что въ разрѣшительной статьѣ не описывается подробно имущество, разрѣшаемое отъ запрещенія, а дѣлается лишь указаніе на нумеръ запретительной статьи. Разрѣшительныя статьи разсылаются во всѣ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, и переплетаются въ особую книгу, называемую *разрѣшительною;* къ статьямъ составляются въ сенатскихъ типографіяхъ указатели и также разсылаются въ присутственныя мѣста (75). Такимъ образомъ, если представится надобность узнать, не состоитъ-ли такое-то недвижимое имущество подъ запрещеніемъ, то стоитъ только справиться въ запретительныхъ статьяхъ и, если въ нихъ есть объявленіе о запрещеніи, замѣтить нумеръ запретительной статьи и справиться въ разрѣшительныхъ статьяхъ, не послѣдовало-ли снятіе запрещенія.

Что касается до запрещенія движимаго имущества,—*ареста* то поводы для наложенія его тѣ-же, что и для наложенія запрещенія. Но способъ наложенія ареста болѣе простъ: арестуемое имущество описывается (къ описи присоединяется иногда оцѣнка), опечатывается (или каждая вещь отдѣльно, или всѣ вещи въ-совокупности запаковываются, или печать прилагается къ помѣщенію, гдѣ находятся арестуемыя вещи, къ дому или лавкѣ) и отбирается отъ собственника (76). Но такъ-какъ при этомъ порядкѣ ареста, установленномъ законодательствомъ, собственникъ арестуемаго имущества лишается и владѣнія и пользованія имъ, между-тѣмъ-какъ запрещеніе по существу своему имѣетъ цѣлію только устранить отчужденіе или

(75) Тамъ-же ст. 3795—3802.

(76) Тамъ-же, ст. 3806.

уничтоженіе имущества, отбирается-же оно лишь по свойству движимаго имущества, способнаго къ скрытію, уничтоженію и отчужденію безъ вѣдома общественной власти: то въ практикѣ невсегда опечатывается и не всегда отбирается отъ хозяина арестуемое имущество, а нерѣдко оказываютъ довѣріе собственнику, что онъ не уничтожитъ, не скроетъ, не подвергнетъ отчужденію арестованное имущество и оставляютъ его въ рукахъ хозяина. Или стараются согласить опредѣленіе законодательства съ существомъ запрещенія такимъ образомъ, что отобранное у собственника имущество отдаютъ на руки лицу, находящемуся при собственникѣ, напр. женѣ его: тогда вещь остается въ домѣ и собственникъ не лишается пользованія ею (77). Арестъ снимается, какъ-скоро исчезаетъ поводъ, по которому онъ наложенъ: печати сламываются и имущество по описи возвращается собственнику (78). Но если имущество не было опечатано или отобрано отъ собственника, то ему возвращается только актъ обязательства, или объявляется, что онъ въ-правѣ произвести отчужденіе бывшаго въ арестѣ имущества, и тогда отчужденіе не влечетъ уже за собою тѣхъ послѣдствій, какія влекло-бы оно при существованіи ареста. Арестъ или производится по распоряженію присутственнаго мѣста, полицейскаго или судебнаго, по собственному его усмотрѣнію, или по просьбѣ частнаго лица (79), или происходитъ при участіи маклера (80), или совершается совершенно независимо отъ участія общественной власти (81). Но и въ первомъ случаѣ объ арестѣ обыкновенно не дѣлается никакой

---

(77) Когда запрещеніе или, что чаще бываетъ, арестъ соединяется съ устраненіемъ собственника отъ самаго владѣнія имуществомъ, то запрещеніе и арестъ называются также *секвестромъ*.

(78) Тамъ-же, ср. ст. 1412.

(79) Тамъ-же, ст. 3807.

(80) Тамъ-же, ст. 1409.

(81) Но тогда онъ не имѣетъ предъ закономъ того значенія, какое имѣетъ арестъ, налагаемый при участіи общественной власти. Св. зак. ср. ст. 1410, 1411.

публикаціи, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ по особому распоряженію.

Мы разсматрѣли, такимъ образъ, ограниченія относительно каждой составной части права собственности. Отсюда можно усмотрѣть, что на дѣлѣ собственникъ можетъ быть чуждымъ всякаго господства надъ вещью, составляющею его собственность, хотя все-таки онъ пребываетъ и считается собственникомъ; за нимъ остается, какъ говорили Римскіе юристы, *голое право собственности*—nudum jus dominii (82). Мы видѣли, что собственникъ не можетъ выдѣлить изъ права собственности всѣ составныя части, потому-что этимъ уничтожилось-бы самое право собственности; но собственникъ можетъ выдѣлить ту или другую составную часть и быть ограниченнымъ относительно остальной составной части. Напр. собственникъ майората, ограниченный относительно распоряженія, можетъ предоставить другому лицу владѣніе и пользованіе; или напр. владѣніе и пользованіе могутъ быть предоставлены стороннему лицу, когда имущество состоитъ подъ запрещеніемъ. Равнымъ образомъ, ограниченіе можетъ обнимать всѣ составныя части права собственности—владѣніе, пользованіе и распоряженіе, напр. при существованіи опеки надъ умалишенными, малолѣтными. Выдѣлъ всѣхъ составныхъ частей права собственности неудобомыслимъ, но ограниченія всѣхъ составныхъ частей возможно и иногда представляется въ дѣйствительности.

§ 13.

ВИДЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Право собственности представляется по нашему законодательству въ различныхъ видахъ: въ видѣ права собственности *полнаго* и *неполнаго*, *отдѣльнаго* и *общаго*. Дѣленіе права соб-

(82) *Puchta*, Cursus d. Instit. II, § 236.

ственности на полное и неполное основывается на возможности разъединенія права собственности, выдѣла изъ него нѣкоторыхъ составныхъ его частей, владѣнія и пользованія и на способности его подлежать извѣстнымъ ограниченіямъ. Такимъ образомъ, подъ *правомъ собственности полнымъ* законодательство разумѣетъ соединеніе въ лицѣ собственника владѣнія, пользованія и распоряженія (83), а подъ *правомъ собственности неполнымъ*—право собственности, остающееся за выдѣломъ владѣнія или пользованія, или за ограниченіемъ распоряженія (84). Въ практикѣ нашей называется иногда неполнымъ правомъ собственности самый выдѣлъ той или другой составной части права собственности; напр. если лицу принадлежитъ право владѣнія и пользованія вещью, то говорятъ иногда, что лицу этому принадлежитъ по вещи неполное право собственности. Но это несправедливо: право владѣнія и пользованія развѣ въ томъ только смыслѣ можно назвать неполнымъ правомъ собственности, что владѣніе и пользованіе составляютъ части права собственности; но все-таки право владѣнія и право пользованія не составляютъ еще права собственности, и единственнымъ собственникомъ вещи представляется ея хозяинъ, но только его право собственности не существуетъ для него во всемъ своемъ пространствѣ, а представляется *неполнымъ*. Тѣмъ болѣе мы должны отвергнуть это встрѣчающееся иногда въ практикѣ признаніе неполнаго права собственности за лицомъ, которому принадлежитъ право владѣнія и пользованія вещью, что и дѣленіе собственности по позднѣйшему Римскому праву на dominium directum и utile,—дѣленіе, соотвѣтствующее нашему дѣленію права собственности на полное и неполное (въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ иногда практика), новѣйшею юриспруденціею отвергнуто (85): право собственности, будучи по

(83) Св. зак. гр. ст. 391.

(84) Тамъ-же, ст. 400.

(85) *Puchta*, Cursus d. Instit. II, § 243 not e.

существу своему полнѣйшимъ господствомъ лица надъ вещью, не допускаетъ такого раздѣленія, будто когда одно лицо господствуетъ надъ вещью, въ то-же самое время можетъ господствовать и другое лицо, а если это другое лицо и господствуетъ въ извѣстной мѣрѣ надъ вещью, то его господство именно представляется выдѣломъ изъ права собственности, но не правомъ собственности. Право собственности представляется *отдѣльнымъ*, когда принадлежитъ одному лицу, и *общимъ*, когда принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ (86). Но не во всѣхъ случаяхъ, когда представляется отношеніе двухъ или болѣе лицъ къ вещи, представляется общее право собственности. Такъ, право собственности *юридическаго лица*, *совокупности лицъ*, представляется отдѣльнымъ, а не общимъ, ибо хотя держителями юридическаго лица, совокупности лицъ, является множество лицъ, но субъектомъ права собственности по вещи, принадлежащей юридическому лицу, является одно лицо—это юридическое лицо, отдѣльные-же члены совокупности не считаются собственниками вещи. Равнымъ образомъ, нѣтъ общей собственности, когда вещь состоитъ изъ нѣсколькихъ частей и каждая изъ нихъ имѣетъ своего собственника, потому-что какъ-скоро матеріальная часть каждаго собственника можетъ быть опредѣленно указана, то уже нѣтъ общей собственности, а представляется совокупность отдѣльныхъ собственностей. Напр. одному лицу принадлежитъ картина, другому рама картины; одному лицу принадлежитъ алмазъ, другому оправа алмаза; одинъ клочекъ поземельной дачи, состоящей изъ множества отдѣльныхъ участковъ, принадлежитъ одному лицу, другой другому и т. д.; ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣтъ общей собственности, потому-что каждая часть имѣетъ своего особаго собственника и только не опредѣляется каждая часть отдѣльно, а для обозначенія всѣхъ частей употребляется одно

(86) Св. зак. гр. ст. 461.

собирательное имя; вмѣсто-того, чтобы сказать: *картина и рама, перстень и алмазъ*, говорятъ: *картина, перстень*; вмѣсто того, чтобы сказать: *поземельные участки такихъ-то лицъ*, говорятъ: *такая-то поземельная дача*. Точно также нѣтъ общей собственности, когда нѣсколько лицъ сообща владѣютъ и пользуются вещью, а право собственности надъ нею принадлежитъ одному лицу. Напр. селенія казенныхъ крестьянъ владѣютъ и пользуются сообща отведенною имъ землею, но право собственности на эту землю принадлежитъ государству на правѣ отдѣльной собственности. Или напр. въ семействѣ: имуществомъ пользуется все семейство, но право собственности по имуществу, въ цѣломъ его составѣ или по отдѣльнымъ вещамъ, принадлежитъ обыкновенно одному которому-либо члену семейства, всего чаще главѣ его. Для содержанія общей собственности остается, такимъ образомъ, слѣдующее понятіе: *нѣсколько лицъ представляются субъектами одного и того-же права собственности, такъ-что каждому принадлежитъ идеальная доля вещи, матеріальная-же часть каждаго сохозяина не можетъ быть опредѣлена.* Право общей собственности предполагаетъ матеріальную нераздѣльность вещи, не въ томъ смыслѣ, чтобы вещь не могла подлежать раздѣлу, а въ томъ, что она не подвергается раздѣлу; поэтому-то общее право собственности и называется Римскими юристами dominium plurium pro indiviso. Въ каждой матеріальной частичкѣ вещи, подлежащей общему праву собственности, стекается право собственности всѣхъ сохозяевъ; но если въ каждомъ атомѣ каждому сохозяину принадлежитъ извѣстная идеальная доля, то эта доля принадлежитъ хозяину и въ цѣлой вещи, и такимъ образомъ лицу, имѣющему право собственности по вещи обще съ другими лицами, pro indiviso можетъ принадлежать половина, треть, четверть вещи, словомъ, ея идеальная доля, но нельзя указать, которая именно часть вещи принадлежитъ ему. Доли общихъ собственниковъ по вещи могутъ быть одинако-

вы, но могутъ быть и неодинаковы; напр. одному лицу можетъ принадлежать половина вещи и другому половина; одному треть, другому треть и третьему треть; но можетъ быть и такъ, что одному лицу принадлежатъ двѣ трети вещи, а другому одна треть; одному лицу принадлежитъ половина вещи, другому четверть, третьему четверть, и т. д. Что касается до существа общаго права собственности, то оно заключается въ томъ-же, въ чемъ состоитъ и отдѣльное право собственности. Но такъ-какъ при общей собственности не одинъ субъектъ права, какъ при отдѣльной собственности, а нѣсколько, то это развитіе отражается и въ самомъ правѣ общей собственности, именно: осуществленіе общаго права собственности предполагаетъ участіе всѣхъ сохозяевъ, всѣ они владѣютъ, пользуются и распоряжаются вещью соразмѣрно долѣ каждаго сохозяина. Но такъ-какъ отдѣльное со-стороны каждаго сохозяина владѣніе, пользованіе, а отчасти и распоряженіе долею имущества, составляющаго общую собственность нѣсколькихъ лицъ, невозможно, то осуществленіе права собственности по такому имуществу предполагаетъ участіе всѣхъ сохозяевъ, и притомъ требуетъ дѣйствія единогласнаго, а не по большинству голосовъ, котораго при общей собственности нельзя допустить, ибо каждый сохозяинъ есть субъектъ права и всякое дѣйствіе относительно его доли въ общей собственности безъ его согласія было-бы нарушеніемъ его права. Это общее участіе сохозяевъ въ завѣдываніи ихъ общимъ имуществомъ проявляются или въ томъ, что всѣ они по общему между собою согласію управляютъ имуществомъ, или предоставляютъ управленіе одному лицу, доходы-же, доставляемые имуществомъ, дѣлятся между всѣми сохозяевами соразмѣрно долѣ каждаго изъ нихъ (87). Осуществленіе права распоряженія долею во многихъ случаяхъ возможно и отдѣльно для каждаго собственника,

(87) Тамъ-же, ст. 463—465, 472.

независимо отъ осуществленія права распоряженія со-стороны сохозяевъ. Такъ, каждый сохозяинъ въ-правѣ подвергнуть свою долю отчужденію, или употребить ее на обезпеченіе обязательства, представить въ залогъ. Но и при такомъ осуществленіи права на долю имущества, составляющаго общую собственность многихъ лицъ, представляется извѣстное ограниченіе сохозяина. Такъ, въ случаѣ отчужденія доли имущества со-стороны одного изъ сохозяевъ, законодательство предоставляетъ другимъ сохозяевамъ *право преимущественной покупки* (jus praeemtionis), т. е. другіе сохозяева, всѣ вмѣстѣ или и одинъ изъ нихъ, въ-правѣ представить отчуждающему свою долю собственнику продажную цѣну вещи, или плату за нее по оцѣнкѣ и пріобрѣсти его долю въ свою собственность (88). Понятно, что такое право преимущественной покупки установлено по соображенію, что между сохозяевами должно быть согласіе, единодушіе въ осуществленіи права собственности, между-тѣмъ путемъ отчужденія доли, можетъ быть, навяжется безпокойный, своенравный товарищъ по праву собственности. Равнымъ образомъ, существуетъ для сохозяевъ *право предпочтительнаго залогопринимательства* (89), по тому соображенію, что отдачею въ залогъ можно обойдти предпочтительное владѣніе сохозяевъ: стоитъ только одному сохозяину заложить свою долю и не выкупить въ срокъ, тогда она будетъ продана съ публичнаго торга, а при залогѣ недвижимаго имѣнія залогопринимать, въ-случаѣ неисправности залогодателя, вводится во владѣніе залогомъ впредь до продажи и продажа все-таки должна наступить въ-случаѣ несправности залогодателя (90). Стѣснительно при этихъ ограниченіяхъ для сохозяина только то, что, какъ залогодатель, онъ можетъ иногда

---

(88) Тамъ-же, ст. 466, 467, 473.
(89) Тамъ-же, ст. 473.
(90) Тамъ-же, ст. 2073, 2074, 2052, 2061.

болѣе получать отъ стороняго залогопринимателя, нежели отъ сохозяевъ; но таково свойство общаго права собственности, что при осуществленіи его должно принимать во вниманіе и права сохозяевъ. Притомъ-же, если права стороняго лица принимаются въ сообраніе при осуществленіи отдѣльнаго и полнаго права собственности, которое подвергается поэтому различнымъ ограниченіямъ, то тѣмъ умѣстнѣе, конечно, ограниченія относительно общаго права собственности.

Скажемъ, наконецъ, о прекращеніи общаго права собственности, т.-е. о прекращеніи общности права собственности безъ прекращенія самаго права собственности. Въ этомъ смыслѣ общее право собственности прекращается: 1) *выбытіемъ сохозяевъ до одного невыбывающаго*, 2) *раздѣломъ вещи между сохозяевами*. 1) Что касается до *выбытія сохозяевъ*, то понятно, что, при существованіи общаго права собственности, каждый изъ сохозяевъ, если онъ не ограниченъ какимъ-либо обязательствомъ, въ-правѣ выйдти изъ общества: онъ можетъ продать, уступить свою долю одному изъ сохозяевъ, или стороннему лицу, не принадлежащему къ числу сохозяевъ, или наконецъ сохозяевамъ въ совокупности, если они не согласятся предоставить его долю стороннему лицу (91). 2) Независимо отъ выбытія, каждый сохозяинъ въ-правѣ требовать, чтобъ общая вещь была раздѣлена на части, требовать *раздѣла*. Но относительно этого способа прекращенія права собственности имѣетъ рѣшительное значеніе дѣленіе вещей на *раздѣльныя* и *нераздѣльныя*: только первыя подлежатъ раздѣлу, относительно-же вещей нераздѣльныхъ раздѣлъ въ смыслѣ способа прекращенія общаго права собственности безъ прекращенія самаго права собственности не имѣетъ мѣста (92). Такъ, если крѣпостное семейство при-

(91) Тамъ-же, ст. 466, 467, 473.

(92) Наше законодательство придаетъ такое важное значеніе дѣленію вещей на *раздѣльныя* и *нераздѣльныя*, что все изложеніе объ общемъ правѣ собственности общей дѣлитъ на два отдѣла: въ одномъ говоритъ о правѣ

надлежитъ, какъ общая собственность, нѣсколькимъ лицамъ, то сохозяинъ не въ-правѣ требовать раздѣла семейства, потому-что крѣпостное семейство принадлежитъ къ имуществамъ нераздѣльнымъ (93). Точно также, если имущество такого рода, что совокупность частей его по цѣнности составляетъ имущество меньшее того, которое представляется при цѣлостности, нераздѣльности имущества, то отдѣльный сохозяинъ также не въ-правѣ требовать выдѣла (94): напр. если зеркало принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ сообща, то отдѣльный сохозяинъ не можетъ требовать части зеркала, потому-что части зеркала въ совокупности цѣнностію своею не равняются цѣнности зеркала въ цѣлости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество можетъ быть раздѣлено матеріально и требуется раздѣлъ, имущество дѣйствительно раздробляется на части такъ, чтобы каждая часть соотвѣтствовала долѣ собственника: собственникъ половины или трети имѣетъ право на половину или треть вещи. Но и при этомъ матеріальномъ раздробленіи имущества раздѣленіе вещи производится пропорціонально долямъ въ общемъ правѣ собственности не въ-отношеніи къ самой вещи, а въ-отношеніи къ ея цѣнности, такъ-что всегда должно обращать вниманіе на цѣнность вещи (95). Напр. двумъ лицамъ принадлежитъ поземельный участокъ, стоющій 1000 рублей, каждому лицу принадлежитъ половина: при раздѣлѣ участка заботятся не столько о томъ, чтобы каждому лицу досталось равное количество десятинъ земли, а чтобы каждая изъ двухъ частей равнялась половинѣ цѣнности поземельнаго участка, и потому обращается

собственности общемъ въ имуществахъ нераздѣльныхъ, въ другомъ—о правѣ собственности общемъ въ имуществахъ раздѣльныхъ. По дѣленіе это проявляетъ свое значеніе только при прекращеніи общаго права собственности, а пока оно существуетъ, все равно — раздѣльно имущество, подлежащее общему праву собственности нѣсколькихъ лицъ, или нераздѣльно.

(93) Св. зак. гр. ст. 361—363, 1093.

(94) Тамъ-же, ст. 1090—1092.

(95) Тамъ-же, ст. 1088, 1090.

вниманіе не на одно количество земли, а также на количество и удобство каждаго поземельнаго участка. Если съ правомъ собственности по имуществу, подлежащему раздѣлу, соединяются какія-либо повинности, тягости, то и онѣ также распредѣляются между сохозяевами по соразмѣрности. Раздѣлъ производится или по-взаимному согласію сохозяевъ, или при участіи суда, и потому раздѣляется на *добровольный* или *полюбовный* и *судебный* (96). При раздѣлѣ полюбовномъ нѣтъ необходимости соблюдать изложенныя правила раздѣла, кромѣ только законныхъ опредѣленій о нераздѣльности нѣкоторыхъ имуществъ, хотя впрочемъ успѣшнаго раздѣла, справедливаго только и можно ожидать при приложеніи указанныхъ правилъ. Но правила эти непремѣнно приходится прилагать, когда сохозяева не могутъ условиться относительно раздѣла, или нѣкоторые изъ сохозяевъ уклоняются отъ раздѣла и вслѣдствіе того судъ, по просьбѣ всѣхъ сохозяевъ или одного изъ нихъ, вступается въ раздѣлъ и производитъ его независимо отъ воли участниковъ (97). О раздѣлѣ составляется особый актъ, называемый *раздѣльною записью*. Когда раздѣлъ касается недвижимаго имущества, актъ этотъ свидѣтельствуется *у крѣпостныхъ дѣлъ*, а если раздѣлъ касается имущества—*у маклера*, или совершается *домашнимъ порядкомъ* (98). Близко подходитъ къ раздѣлу, но не должно смѣшивать съ нимъ полную или неполную *уступку права* въ общей собственности со-стороны одного сохозяина другому за извѣстное вознагражденіе. Этотъ случай уступки права тѣмъ болѣе подходитъ къ раздѣлу, что нерѣдко бываетъ

---

(96) Тамъ-же, ст. 1081.

(97) Тамъ-же, ст. 1083, 1084.

(98) Тамъ-же, ст. 1105—1109. Наше законодательство постановляетъ особо о раздѣлѣ общаго права собственности и особо о раздѣлѣ наслѣдства. Но, постановляя о раздѣлѣ наслѣдства, законодательство повторяетъ себя, отчасти-же опредѣленія, касающіяся раздѣла наслѣдства, относятся и къ раздѣлу права собственности.

въ-связи съ раздѣломъ. Напр. дѣлится недвижимое имущество; положимъ два дома подлежатъ раздѣлу — одинъ домъ втрое большей цѣнности, нежели другой: каждому изъ сохозяевъ слѣдуетъ половина: если каждому изъ сохозяевъ достается по дому, то, значитъ, пріобрѣтателю меньшаго по цѣнности дома нужно додать что-либо, чтобы части были уравнены. Если имѣть въ виду строгую послѣдовательность права, то слѣдуетъ сказать, что пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома въ отдѣльную собственность все-таки остается еще общимъ собственникомъ по дому большей цѣнности, только уже относительно меньшей доли, и именно доля его составляетъ четверть, тогда-какъ до пріобрѣтенія въ отдѣльную собственность дома меньшей цѣнности она состояла въ половинѣ, ибо четверть цѣнности всего общаго имущества пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома получилъ уже въ цѣнности этого дома: эту-то недостающую четверть цѣнности и нужно свести при раздѣлѣ къ извѣстной долѣ въ отношеніи къ цѣнности бо̀льшаго по цѣнѣ дома, составляющаго три четверти цѣнности всего общаго имущества. Но въ дѣйствительности, если имѣютъ въ виду раздѣлъ общей собственности, разрѣшеніе ея въ собственности отдѣльныя, то бо̀льшею частію относительно недостающей доли дѣлается особое условіе объ уступкѣ права, и само законодательство установляетъ иногда такую уступку обязательною, когда нѣтъ возможности матеріально раздробить вещь или когда такое раздробленіе было-бы слишкомъ невыгодно (99). Отъ этого нерѣдко случается, что въ составъ раздѣльнаго акта входитъ сдѣлка о правѣ, непосредственно некасающемся общей собственности. Такъ въ нашемъ примѣрѣ пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома получаетъ вознагражденіе за отходящую отъ него долю въ домѣ большей цѣнности извѣстную сумму денегъ. Но точно также онъ можетъ получить въ вознагра-

(99) Тамъ-же, ст. 1090.

жденіе и другое имущество пріобрѣтателя дома большей цѣнности, напр. поземельный участокъ его, или домъ, принадлежащій ему, въ отдѣльную собственность, такъ-что есть возможность путемъ раздѣла заключить и другую какую-либо сдѣлку, собственно къ раздѣлу неотносящуюся, а можно сказать только, что посторонняя сдѣлка въ раздѣльномъ актѣ всегда сводится къ уступкѣ доли въ общемъ правѣ собственности. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о прекращеніи общаго права собственности раздѣломъ тамъ, гдѣ нѣтъ настоящаго общаго права собственности, а если и говорятъ иногда о раздѣлѣ въ такомъ случаѣ, то не должно понимать этого раздѣла въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, въ смыслѣ разрѣшенія общей собственности въ собственности отдѣльныя. Такъ, говорятъ о раздѣлѣ при прекращеніи чрезполосности, но истиннаго раздѣла тутъ нѣтъ, а есть только отводъ поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ одному и тому-же лицу, къ однимъ мѣстамъ. При существованіи чрезполосицы у одного и того-же лица оказываются участки въ разныхъ мѣстахъ, что очень невыгодно для хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для общества. Чтобы прекратить это состояніе, дача, въ которой оказывается чрезполосица, раздѣляется на извѣстное число отдѣльныхъ участковъ, такъ-чтобы пространство земли въ дачѣ, принадлежащее одному лицу, было въ одномъ мѣстѣ. При этомъ происходитъ обмѣнъ участковъ: участки, принадлежавшіе одному лицу, отходятъ къ другому и наоборотъ (100); но раздѣла, т.-е. обращенія общей собственности въ собственности отдѣльныя тутъ вовсе нѣтъ.

§ 14.

ПРІОБРѢТЕНІЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Общія условія пріобрѣтенія правъ имѣютъ значеніе и для права собственности; но существуютъ еще и особыя условія

(100) Тамъ-же, ст. 469, 470, 1135.

для пріобрѣтенія этого права. Такъ, законодательство дѣлаетъ ограниченія относительно лицъ, пріобрѣтающихъ право собственности, — ограниченія, находящіяся впрочемъ въ связи съ самыми вещами пріобрѣтенными: законодательство постановляетъ, что населенныя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы въ собственность только потомственными дворянами (101), а лавки исключительно лицами городскаго сословія (102). Первое постановленіе, о населенныхъ имуществахъ, развилось исторически изъ того правила древняго нашего права и государственнаго устройства, на основаніи котораго государственныя земли раздавались служилымъ людямъ съ правомъ селить на нихъ свободныхъ крестьянъ на особыхъ, заключаемыхъ съ ними условіяхъ; впослѣдствіи крестьяне были объявлены крѣпкими къ землѣ, а служилые люди древняго времени образовали сословіе потомственнаго дворянства. Второе постановленіе, о лавкахъ, основывается преимущественно на соображеніи казеннаго интереса; оно явилось въ нашемъ законодательствѣ въ то время, когда дома развѣ по исключенію составляли собственность прибыльную, доставляющую доходъ, обыкновенно-же не приносили дохода, а служили только для удовлетворенія собственной потребности хозяина въ жилищѣ; но другое дѣло лавки: онѣ всегда приносили доходъ и поэтому было желательно, чтобъ лицо, имѣющее лавки, принадлежало къ городскому сословію, такъ-какъ принадлежность лица къ городскому сословію составляетъ доходъ для государства. Но, кажется, было еще для

---

(101) Св. зак. о сост. ст. 204.

(102) До послѣдняго времени запрещалось также мѣщанамъ пріобрѣтать въ столицахъ дома цѣною выше 7500 р.: законодательство хотѣло тѣмъ побудить мѣщанъ ко вступленію въ гильдіи, что сопряжено съ платою гильдейскихъ пошлинъ и слѣдов. съ доходомъ для казны. Но въ недавнее время законодательство отмѣнило это ограниченіе, принимая въ соображеніе, что дома сами по себѣ обложены извѣстными пошлинами и слѣдов. нѣтъ надобности побуждать мѣщанъ ко вступленію въ гильдіи для пріобрѣтенія домовъ значительной цѣнности (Св. зак. о сост. ст. 566. Прод. XVI).

этого опредѣленія и другое основаніе: императрица Екатерина II, которая именно и признала лавки исключительною собственностію городскаго сословія (103), желала тѣмъ предоставить ему нѣчто исключительное, подобно тому, какъ потомственному дворянству предоставлено было исключительное право на пріобрѣтеніе населенныхъ имуществъ. Значеніе этихъ ограниченій то, что право собственности не считается пріобрѣтеннымъ, если пріобрѣтается вопреки существующимъ ограниченіямъ, а по-прежнему числится за тѣмъ лицомъ, которому принадлежало. Исключеніе представляютъ только крѣпостные люди, пріобрѣтаемые съ землею или безъ земли: слѣдствіемъ отчужденія ихъ лицу, неимѣющему права владѣть ими, является свобода крѣпостныхъ людей (104).

§ 15.

Но обратимся къ самому пріобрѣтенію права собственности. Какъ и всякое право, право собственности имѣетъ опредѣленное начало. Тѣ пути, которыми открывается это начало, которыми пріобрѣтается право собственности, называется *способами* его *пріобрѣтенія*. Внимательное разсмотрѣніе ихъ для юриста особенно важно, потому-что легко смѣшать способы пріобрѣтенія права собственности съ способами пріобрѣтенія другихъ правъ, что и бываетъ нерѣдко въ дѣйствительности— принимается за способъ пріобрѣтенія права собственности то, что само собою не даетъ права собственности. Напр. договоры признаются иногда способами пріобрѣтенія права собствен-

---

(103) Но подъ лавками законодательство здѣсь разумѣетъ лишь особыя строенія, назначенныя исключительно для помѣщенія и продажи товаровъ, а если лавка устроена при домѣ, то она можетъ быть собственностію и лица не городскаго сословія.

(104) Св. зак. гр. ст. 1167.

ности, въ-особенности куплѣ-продажѣ нерѣдко придаютъ такое значеніе,— тогда-какъ по существу своему и по смыслу законодательства купля-продажа вовсе не способъ пріобрѣтенія права собственности, и, заключивъ договоръ купли-продажи, покупщикъ еще не въ-правѣ считать себя собственникомъ вещи. Но въ дѣйствительности многіе не даютъ себѣ отчета въ юридическихъ явленіяхъ, не привыкли анализировать ихъ, и замѣчая, что, вслѣдствіе купли-продажи, пріобрѣтается право собственности, заключаютъ, что оно именно пріобрѣтается куплею-продажею. Разумѣется, послѣдствія смѣшенія способовъ пріобрѣтенія права собственности съ способами пріобрѣтенія другихъ правъ довольно значительны: нерѣдко случается, что именно вслѣдствіе такого смѣшенія процессъ получаетъ ложное направленіе и ложное значеніе. Бываетъ напр., что покупщикъ, не получая купленной имъ вещи, открываетъ противъ продавца искъ о правѣ собственности, тогда-какъ покупщикъ въ-правѣ требовать отъ продавца только вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора, но не самую вещь, находящуюся въ рукахъ продавца. Итакъ, есть юридическія отношенія, слѣдствіемъ которыхъ обыкновенно бываетъ пріобрѣтеніе права собственности; но эти юридическія отношенія должно отличать отъ тѣхъ, которыя непосредственно порождаютъ право собственности и представляются способами его пріобрѣтенія. Они подлежатъ различнымъ классификаціямъ. Положительное законодательство въ основаніе своей классификаціи полагаетъ понятіе о возмездіи и дѣлитъ способы правъ на *безмездные* и *возмездные* (105). Въ понятіи о возмездіи есть юридическая сторона, но для пріобрѣтенія права собственности это понятіе не существенно: если даже и до-

(105) Классификація *Свода законовъ* не относится, правда, исключительно къ праву собственности, а обнимаетъ способы пріобрѣтенія имущественныхъ правъ вообще, однакожь главнымъ образомъ имѣетъ въ виду право собственности и способа его пріобрѣтенія (см. Оглавл. III кн. Св. зак. граж.).

пустить, что право собственности пріобрѣтается возмездно или безмездно, то окажется, что и при отсутствіи возмездія, слѣдующаго за пріобрѣтеніе права собственности, оно пріобрѣтается или не пріобрѣтается. Если право собственности пріобрѣтается, то значитъ оно пріобрѣтается не смотря на отсутствіе возмездія; если право собственности не пріобрѣтается при отсутствіи возмездія, то, значитъ, нѣтъ способа пріобрѣтенія права собственности. Итакъ, понятіе о возмездіи не можетъ служить основаніемъ дѣленія способовъ пріобрѣтенія права собственности. Въ учебникахъ гражданскаго права встрѣчаются другія основанія классификаціи способовъ пріобрѣтенія права собственности. Самая обыкновенная классификація ихъ — дѣленіе на *непосредственные* или *первообразные* и *посредственные* или *производные*. Первоначальными или непосредственными способами считаются тѣ, которыми установляется право собственности по вещи, прежде несуществовавшей или несоставлявшей чьей-либо собственности; непосредственными-же или производными считаются тѣ способы, которыми пріобрѣтается право собственности по вещи, состоявшей въ чьей-либо собственности и притомъ въ самый моментъ, предшествовавшій пріобрѣтенію, такъ-что право собственности не возникаетъ вновь, а только переходитъ отъ одного лица къ другому. Такая классификація встрѣчается между-прочимъ въ сочиненіи *Кранихфельда* «Начертаніе Россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи». По ученію автора, къ *первоначальнымъ* способамъ пріобрѣтенія права собственности принадлежатъ: *находка*, *ловля*, *добыча*, *давность* и *приращеніе*, всѣ-же другіе способы принадлежатъ къ *производнымъ* (106). Но скажемъ прежде всего, что раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на первообразные и производные не имѣетъ никакого практическаго интереса: съ понятіемъ о первоначаль-

(106) *Кранихфельда*, Начерт. Росс. гр. права. С. Пб. 1843, стр. 95, 96.

номъ или производномъ пріобрѣтеніи права собственности наше право не связываетъ никакихъ юридическихъ опредѣленій. Самое раздѣленіе оказывается поэтому праздным, излишнимъ, а въ учебникѣ даже вреднымъ, потому-что различіе въ юридическихъ понятіяхъ всегда даетъ поводъ думать о различіи въ юридическихъ опредѣленіяхъ, а если этого нѣтъ, то различіе ведетъ только къ ошибочному представленію. Но кромѣ-того, раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на первообразные и производные не выдерживаетъ критики: исходная точка раздѣленія невѣрна, ибо въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей, никому не принадлежащихъ, а если онѣ, хотя и существуютъ въ мірѣ, то совершенно чужды юридическимъ опредѣленіямъ, таковы напр. планеты, или онѣ до извѣстнаго времени вовсе не существуютъ (и слѣдов. странно говорить о нихъ, какъ никому непринадлежащихъ), но въ самый моментъ появленія въ мірѣ становятся уже чьею-либо собственностью, таковы напр. новорожденныя животныя. Оказывается такимъ-образомъ, что *первоначальныхъ способовъ* пріобрѣтенія права собственности въ нашемъ юридическомъ быту вовсе нѣтъ: вещи, существующія въ юридическомъ быту, всегда состоятъ въ чьей-либо собственности; если вещь не подлежитъ ничьему праву собственности, то она вовсе не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ.

§ 16.

Разсматривая въ отдѣльности тѣ способы пріобрѣтенія права собственности, которые г. Кранихфельдъ считаетъ *первообразными*, мы дѣйствительно убѣждаемся въ настоятельности его классификаціи, въ невѣрности мысли, будто есть такіе способы, которыми пріобрѣтается право собственности на вещи, прежде никому не принадлежащія. Такъ, *находку* нельзя считать первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія права собствен-

ности. О находкѣ въ нашемъ законодательствѣ постановляется, что находчикъ обязанъ представить найденную вещь ближайшему мѣсту, которое объявляетъ о ней во всеобщее вѣдѣніе или чрезъ вѣдомости, или чрезъ особыя повѣстки, или чрезъ глашатая (107), и далѣе постановляется, что если въ-теченіе извѣстнаго срока явится хозяинъ вещи и докажетъ, что она дѣйствительно принадлежитъ ему, то вещь отдается потерявшему, но онъ въ видѣ вознагражденія находчика обязанъ уплатить ему треть цѣны вещи; если-же лицо, потерявшее вещь, не явится въ опредѣленный срокъ, не смотря на сдѣланное объявленіе, или явившись не докажетъ, что вещь дѣйствительно принадлежитъ ему, то она обращается въ собственность находчика (108). Въ этомъ опредѣленіи законодательства не-только нѣтъ никакого указанія на пріобрѣтеніе находкою вещи, никому не принадлежавшей, напротивъ именно указывается, что пріобрѣтается вещь, принадлежавшая другому лицу: требуя объявленія о находкѣ и распоряженія полиціи объ отысканіи потерявшаго лица, законодательство именно высказываетъ, что оно не признаетъ потерю прекращеніемъ права собственности и найденную вещь не считаетъ за находчикомъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ необходимости съ потерею вещи связывать прекращеніе права собственности по этой вещи, ибо съ потерею сопрягается только затрудненіе въ осуществленіи права собственности, но не устраняется всякая возможность осуществленія этого права: не признается-же право собственности прекратившимся, если вещь затеряна въ домѣ самого хозяина. Равнымъ образомъ, если законодательство установляетъ право на вознагражденіе за находку, то этимъ высказываетъ, что оно не признаетъ находчика за собственника, иначе вещь должна-бы оставаться въ его рукахъ. Правда, въ-случаѣ неявки лица

(107) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай выставлять найденную вещь у входа въ полицейское мѣсто.

(108) Св. зак. гр. ст. 456, 457.

потерявшаго или непредставленія съ его стороны доказательствъ о принадлежности вещи находчикъ получаетъ ее въ собственность, но до послѣдняго момента срока явки вещь считается собственностію потерявшаго, такъ-что право собственности переходитъ къ находчику отъ хозяина потерянной вещи. Г. Крашхфельдъ увлекся, кажется, тѣмъ, что въ большей части случаевъ о находкѣ не объявляется полиціи и не дѣлается розысковъ о ея хозяинѣ, а всего чаще она просто остается у находчика. Но всего чаще теряются вещи малоцѣнныя, и если нерѣдко встрѣчается, что въ-случаѣ кражи вещи хозяинъ ея отступается отъ розыска, то тѣмъ естественнѣе это при потерѣ вещи, въ-особенности при ея незначительной цѣнности. Но и въ этомъ случаѣ находка содѣлывается какъ-бы собственностію находчика не потому, что онъ нашелъ ее, а потому, что владѣлецъ-находчикъ не собственникъ, никто не оспориваетъ его предполагаемаго права собственности (109). Юристы наши, кажется, увлекаются еще Римскимъ правомъ, въ которомъ occupatio (завладѣніе вещью безхозяйною) является способомъ пріобрѣтенія права собственности (110): полагаютъ, что если Римское право допускаетъ такое состояніе вещи, въ которомъ она не принадлежитъ никому, то и въ нашемъ юридическомъ быту можно найдти такое состояніе, и вотъ принимаютъ, что вещь потерянная не принадлежитъ никому, найденная-же становится собственностію находчика, что находка, такимъ-образомъ, есть способъ пріобрѣтенія права собственности и притомъ первообразный. Но въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей безхозяйныхъ, такъ-какъ по ст. 374 *Свода гражд. законовъ* вещи, непринадлежащія никому въ-особенности, принадлежатъ государству. Въ древнемъ юридическомъ быту, конечно, и у насъ были вещи безхозяйныя; но съ той поры, какъ установилось это правило, юридическія опредѣленія обнимаютъ весь міръ вещей, находящихся на территоріи Русскаго госу-

(109) Тамъ-же, ст. 452.
(110) Dig. L. 41. t. 1, 2—6.

дарства, и нѣтъ такой вещи, которая-бы способна была подлежать юридическимъ опредѣленіямъ и не составляла чьей-либо собственности. Напрасно указываютъ на находку *клада*, какъ на доказательство, что и у насъ есть вещи безхозяйныя, впервые пріобрѣтаемыя: подъ кладомъ разумѣется имущество, когда-то закопанное въ землю; но по нашему законодательству собственникъ земли есть и собственникъ клада, находчикъ-же его получаетъ только вознагражденіе, слѣдов. кладъ считается частію земли и находка не представляется первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности. — *Ловля* дикихъ животныхъ (111) и рыбы, по нашему законодательству, ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности на пойманнаго звѣря и заловленную рыбу, точно также, какъ и *охота* за птицею ведетъ къ праву собственности на убитую птицу (112); но ловля и охота не представляются въ нашемъ юридическомъ быту первообразными способами пріобрѣтенія права собственности. Дѣло въ томъ, что право собственности на поземельный участокъ, по опредѣленію нашего законодательства, обнимаетъ все находящееся въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности, и на этомъ основаніи собственникъ лѣснаго поземельнаго участка есть также собственникъ животныхъ, живущихъ на немъ, собственникъ рѣки, озера или пруда есть также собственникъ и рыбы, которая водится въ водѣ. Дикія животныя, какъ птицы и рыбы, разсматриваются, какъ принадлежности поземельнаго участка. Итакъ, если собственникъ самъ производитъ охоту за животными, находящимися на его землѣ, или ловлю рыбы, находящейся въ его водѣ, то онъ не пріобрѣтаетъ права собственности на пойманное животное, а только осуществляетъ его. Что собственникъ не во всякое мгновеніе господствуетъ надъ животнымъ,

(111) Въ юридическомъ отношеніи дикое животное характеризуется свободою перехода съ мѣста на мѣсто: хотя и дикіе звѣри обыкновенно имѣютъ свои болѣе или менѣе постоянныя логовища, берлоги, норы, но тѣмъ не менѣе, такъ-сказать, юридическое ихъ жительство не связано съ опредѣленнымъ мѣстомъ.

(112) Св. зак. гр. ср. ст. 392, 521 (Прод. XV) п. 64.

находящимся на его поземельномъ участкѣ, что собственникъ, быть-можетъ, и не знаетъ о его существованіи, это происходитъ отъ самаго свойства принадлежности; но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ животныя, находящіяся на поземельномъ участкѣ, составляютъ принадлежность участка и подлежатъ праву собственности его хозяина. И еслибы ловля представлялась только въ такомъ видѣ, то не вздумали-бы считать ее самостоятельнымъ и притомъ непосредственнымъ, первообразнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности. Но приверженцы такого воззрѣнія на юридическую природу ловли увлекаются тѣмъ, что ловля (въ-особенности охота) нерѣдко производится на чужомъ поземельномъ участкѣ и ловецъ становится собственникомъ заловленнаго животнаго, и вотъ представляютъ себѣ, что животное, добываемое охотою или ловлею, до поимки никому не принадлежитъ и впервые становится собственностію ловца. Ловецъ дѣйствительно становится собственникомъ животнаго, заловленнаго на чужомъ поземельномъ участкѣ, но не потому, чтобы ловля была способомъ пріобрѣтенія права собственности по вещи, никому не принадлежащей, а по другимъ основаніемъ. При ловлѣ могутъ имѣть мѣсто два случая: или она производится съ соизволенія собственника поземельнаго участка, или безъ его соизволенія. Въ первомъ случаѣ, когда ловля производится съ согласія собственника, это согласіе обнимаетъ и предоставленіе ловцу права собственности на пойманное животное, слѣдов. здѣсь, очевидно, переходъ права собственности, а не первоначальное его пріобрѣтеніе. Во-второмъ случаѣ, когда ловля производится безъ согласія собственника поземельнаго участка, должно различать также два случая: или ловля производится безъ согласія хозяина потому, что согласія не было спрошено, или она производится вопреки его несогласію. Въ-первомъ случаѣ ловецъ вовсе не становится собственникомъ пойманнаго животнаго, а только незаконнымъ его владѣльцемъ, и только предполагается собственникомъ, какъ владѣлецъ движимаго имущества, пока настоящій собственникъ

животнаго, хозяинъ поземельнаго участка, не докажетъ противнаго (113). Но обыкновенно право собственности надъ дикимъ животнымъ, звѣремъ или птицею, не представляетъ значительнаго интереса, поэтому не возникаетъ обыкновенно спора о правѣ собственности ловца и фактически владѣніе его представляется равносильнымъ собственности. Можно сказать даже, что именно по отсутствію значительнаго интереса въ ловлѣ и охотѣ и представляется въ большей части случаевъ отсутствіе согласія землевладѣльца: потому не испрашивается его согласія, что нѣтъ сомнѣнія въ немъ, и поэтому-то у насъ отсутствіе прямаго запрещенія ловли и охоты со стороны хозяина поземельнаго участка обыкновенно считается равнозначущимъ дозволенію. Но когда ловля, или охота производится вопреки явному несогласію землевладѣльца, она составляетъ прямое нарушеніе его права собственности и, законно-доказанное, это нарушеніе повлечетъ за собою всѣ тѣ-же послѣдствія, какъ и нарушеніе всякаго другаго права собственности. Итакъ, во всѣхъ случаяхъ ловли: во-первыхъ, есть хозяинъ животнаго; нѣтъ мгновенія, когда-бы дикое животное было вещью безхозяйною; во-вторыхъ, ловецъ пріобрѣтаетъ право собственности надъ животнымъ или на основаніи какой-нибудь сдѣлки съ хозяиномъ поземельнаго участка, или на основаніи предполагаемаго отреченія его отъ преслѣдованія своего права собственности. Мысль, будто дикое животное есть вещь безхозяйная, основывается на томъ, что дикое животное мѣняетъ

(113) Замѣтимъ однако, что въ настоящее время наши землевладѣльцы, говоря вообще, почти нисколько не дорожатъ правомъ охоты и не вступаются, когда охота производится стороннимъ лицомъ безъ ихъ разрѣшенія, а охраняютъ лишь право ловли рыбы въ водахъ своихъ. Только тамъ, гдѣ звѣри или птицы имѣютъ особую экономическую цѣнность, встрѣчаются случаи охраненія права охоты, напр. въ окрестностяхъ столицъ. Но за то въ этихъ мѣстахъ установилось даже особое обычное право относительно преслѣдованія самовольной охоты: по обычаю, землевладѣлецъ считается въ правѣ присвоить себѣ себѣ ружье охотника и его собаку (не говоря уже о самой добычѣ), охотникъ-же считается въ-правѣ представить выкупъ за эти вещи и требовать ихъ обратно.

свое мѣстожительство и нѣтъ возможности услѣдить за нимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ возможности услѣдить и за правомъ собственности по животному. Но это воззрѣніе ошибочно. Если юридическій бытъ допускаетъ понятіе о безхозяйныхъ вещахъ, то дикое животное, пожалуй, можно считать безхозяйнымъ, на томъ основаніи, что юридическое отношеніе хозяина лѣса къ животному, находящемуся въ немъ, чуждо сознанія хозяина. Но если юридическій бытъ отвергаетъ понятіе о безхозяйныхъ вещахъ, то какъ-бы ни было затруднительно опредѣленіе права собственности, оно можетъ и должно быть опредѣлено. Въ большей части случаевъ, конечно, юридическія отношенія собственника поземельнаго участка къ животнымъ, находящимся на немъ, останутся безъ опредѣленій; но когда представится интересъ опредѣлить ихъ, они должны быть опредѣлены по соображенію собственности того поземельнаго участка, на которомъ находятся животныя. Справедливо, что звѣрь, быть можетъ, безпрестанно переходитъ съ одного поземельнаго участка на другой, птица перелѣтаетъ съ одного мѣста на другое, но за этой безпрестанной перемѣной пребыванія слѣдуетъ только безпрестанная перемѣна права собственности относительно звѣря и птицы, а не безхозяйность ихъ. Поэтому-то и называются дикія животныя *собственностію переходящею* (proprieté ambulante). По мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ, это особый видъ права собственности. Намъ же кажется, что нѣтъ надобности признавать здѣсь и особаго вида права собственности: потому-что особенность, представляющаяся въ правѣ собственности по дикому животному или птицѣ, не такого свойства, чтобъ была въ-состояніи произвести особый видъ права собственности. Особенность состоитъ въ безпрестанномъ прекращеніи одного права собственности и возникновеніи другаго; но природа права собственности опредѣляется не временемъ его продолженія, а существомъ самаго права: господство А надъ вещью одинаково, будетъ-ли оно продолжаться 10 минутъ или столѣтіе; съ юри-

дической точки зрѣнія это все равно. *Военная добыча*, имущество, захваченное у непріятеля на сушѣ, *добыча* въ тѣсномъ смыслѣ, или на водѣ, *призъ*, также неправильно принимаются за первоначальный способъ пріобрѣтенія права собственности. Извѣстно, что, при непріязненныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ, лицамъ, принадлежащимъ къ войску или и непринадлежащимъ къ нему, какъ напр. арматорамъ, предоставляется при нѣкоторыхъ условіяхъ захватывать имущество непріятеля, которое и становится собственностію или лица, захватившаго имущество, или государства, которому принадлежитъ это лицо. Такое правило, общее всѣмъ законодательствамъ, существуетъ и у насъ (114): военная добыча, такимъ образомъ, и въ нашемъ юридическомъ быту представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности, но не первообразнымъ. Юристы, принимающіе военную добычу за первоначальный способъ пріобрѣтенія права собственности, полагаютъ, будто во время войны между двумя государствами каждая изъ воюющихъ сторонъ признаетъ непріятеля неимѣющимъ никакихъ правъ и поэтому каждую вещь, находящуюся у непріятеля, разсматриваетъ какъ безхозяйную, а какъ безхозяйная, она содѣлывается собственностію перваго захватившаго. Военная добыча такимъ образомъ, по воззрѣнію этихъ юристовъ, составляетъ видъ *завладѣнія*, occupatio, и отличается отъ него только тѣмъ, что при завладѣніи дѣйствительно нѣтъ хозяина вещи, а при добычѣ есть хозяинъ вещи, но его право собственности не признается. Но это воззрѣніе невѣрно въ приложеніи къ современному общественному быту. По античному взгляду, непріятель дѣйствительно не имѣетъ правъ и вещи, находящіяся у непріятеля, юридически не числятся за нимъ, а разсматриваются какъ res nullius и становятся собственностію перваго оккупанта. И сообразно этому античному, Греческому и Римскому, взгляду военная добыча, дѣйствительно, представляется

(114) Св. зак. гр. *прилож.* къ ст. 378.

первообразнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности. Но далеко отъ античнаго взгляда современное воззрѣніе на международныя непріятельскія отношенія: христіанскому воззрѣнію чуждо отрицаніе права за непріятелемъ, и хотя учрежденіе добычи удерживается и въ настоящее время, однакожь взглядъ на ея значеніе измѣнился. Въ настоящее время добыча допускается только по-необходимости, какъ одно изъ средствъ лишить непріятеля способовъ къ продолженію войны, тѣмъ болѣе, что предметы добычи сами собою состоятъ главнымъ образомъ въ вещахъ, которыми ведется борьба. Но если законодательство допускаетъ добычу, то это не значитъ еще, что оно не признаетъ права собственности непріятеля, а значитъ только, что право собственности непріятеля по вещамъ, отнятымъ у него, прекращается. Точно также, какъ общество требуетъ отъ каждаго своего члена, чтобъ онъ въ случаѣ надобности отказался отъ какого-либо интереса, права, чтобъ онъ на общую пользу принесъ свое достояніе, точно также общество допускаетъ, что непріятеля, приносящаго вредъ государству, можно лишить извѣстныхъ вещей и тѣмъ, быть можетъ, предуготовить прекращеніе самой войны. Такимъ образомъ, при добычѣ, по нашему мнѣнію, представляется прекращеніе права собственности непріятеля и возникновеніе права собственности для другаго лица, или для государства воюющаго, или для лица, захватившаго добычу, и самая добыча поэтому, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, представляется способомъ пріобрѣтенія производнымъ, а не первообразнымъ. *Давность* считается первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности на томъ основаніи, будто въ давности выражается отреченіе собственника отъ вещи, будто потому пріобрѣтается давностію право собственности по вещи, что она безхозяйная и вслѣдствіе того содѣлывается собственностію оккупанта. Но это воззрѣніе совершенно ложно и противорѣчитъ дѣйствительности. Для того, чтобы давность можно было признать первоначальнымъ способомъ пріобрѣте-

нія права собственности, нужно, чтобы между прекращеніемъ права собственности хозяина вещи и пріобрѣтеніемъ этого права стороны давностнаго владѣльца существовалъ такой промежутокъ времени, въ который-бы вещь никому не принадлежала. Но такого промежутка нѣтъ, а до послѣдняго момента давностнаго срока вещь, состоящая въ давностномъ владѣніи, считается собственностію ея хозяина (115). Слѣдов. и давность представляется производнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности: и при давности право собственности по вещи отъ одного лица собственника переходитъ къ другому лицу—давностному владѣльцу, точно также, какъ переходитъ право собственности отъ одного лица къ другому на основаніи какой-либо сдѣлки. Наконецъ, *приращеніе* выдается за первообразный способъ пріобрѣтенія права собственности. Но не справедливо: по приращенію дѣйствительно иногда пріобрѣтается право собственности по вещи, которая прежде никому не принадлежала, но не принадлежала или потому, что ея вовсе не было, или хотя она и существовала, но была внѣ круга юридическихъ опредѣленій. Напр. по приращенію хозяинъ животнаго становится собственникомъ приплода: здѣсь право собственности пріобрѣтается впервые, но не по безхозяйной вещи, а по такой, которая до того времени, какъ она стала собственностію, вовсе не существовала, по крайней мѣрѣ самостоятельно. Или напр. по приращенію прибрежный поземельный владѣлецъ пріобрѣтаетъ право собственности на поземельный участокъ, образовавшійся отъ наплывшаго песку, отъ наноса илу: и здѣсь право собственности возникаетъ впервые, до возникновенія-же поземельнаго участка его вовсе не было, а были только отдѣльныя земляныя частицы, но онѣ внѣ юридическихъ опредѣленій, по-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакого интереса въ юридическомъ опредѣленіи отдѣльныхъ земляныхъ частицъ. И такъ, ни одинъ изъ указываемыхъ *первообразныхъ*

(115) Тамъ-же, ср. ст. 475, 479, 1025.

способовъ пріобрѣтенія права собственности не выдерживаетъ критическаго разсмотрѣнія, и мы отвергаемъ самое раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на первообразные и производные.

§ 17.

Раздѣляютъ также способы пріобрѣтенія права собственности, принимая за основаніе волю лицъ, прикосновенныхъ къ пріобрѣтенію, и находятъ, что въ иныхъ случаяхъ правс собственности пріобрѣтается по волѣ интересентовъ, въ иныхъ независимо отъ ихъ воли, въ иныхъ наконецъ по стеченію воли интересентовъ и другихъ обстоятельствъ. Находятъ именно, что право собственности пріобрѣтается *по волѣ интересентовъ*, когда пріобрѣтается вслѣдствіе какой-либо сдѣлки, напр. даренія, духовнаго завѣщанія и т. п. Или право собственности пріобрѣтается *на основаніи закона*, независимо отъ воли интересентовъ, напр. въ случаѣ приращенія: законъ признаетъ приращеніе собственностію хозяина вещи, къ которой дѣлается приращеніе, и воля хозяина совершенно безразлична. Или, наконецъ, право собственности пріобрѣтается *на основаніи совокупнаго дѣйствія воли интересентовъ и закона*, напр. при законномъ наслѣдованіи: законъ опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія, но наслѣдникъ можетъ и отказаться отъ пріобрѣтенія права собственности на основаніи принадлежащаго ему права наслѣдованія. Но и это дѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности несостоятельно: прежде всего должно сказать, что это дѣленіе обнимаетъ не одни способы пріобрѣтенія права собственности, а также и способы пріобрѣтенія всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ, напр. по духовному завѣщанію, по законному наслѣдованію пріобрѣтается не только право собственности, но пріобрѣтаются самыя разнородныя имущественныя права; далѣе, должно замѣтить, что пріобрѣтеніе права собственности по волѣ интересентовъ должно найдти себѣ основаніе въ законѣ или обычаѣ,

иначе ихъ воля не будетъ уважена, такъ-что, можно сказать, всякое пріобрѣтеніе права собственности по волѣ интересентовъ есть пріобрѣтеніе по закону или обычаю; наконецъ, это раздѣленіе не имѣетъ никакого практическаго значенія и для системы права отъ него нѣтъ никакой пользы.

Практическое различіе способовъ пріобрѣтенія права собственности, намъ кажется, заключается въ томъ, что однимъ способамъ присуще владѣніе, такъ-что нѣтъ и пріобрѣтенія права собственности, если пріобрѣтатель не вступаетъ во владѣніе вещью; другими-же способами право собственности пріобрѣтается независимо отъ владѣнія, такъ-что лицо можно признать собственникомъ вещи, хотя-бы оно къ ней и не прикасалось. На этомъ основаніи способы пріобрѣтенія права собственности можно раздѣлить на *способы, требующіе посредства владѣнія*, и *способы, независящіе отъ владѣнія*. Этого дѣленія мы будемъ держаться. Но замѣтимъ, что вопросъ о классификаціи способовъ пріобрѣтенія права собственности пользуется незаслуженнымъ значеніемъ въ системѣ права, потому-что въ наукѣ права существенно опредѣлить каждый способъ пріобрѣтенія права собственности, но нисколько не существенно обазначать общія черты нѣсколькихъ способовъ пріобрѣтенія, несущественно потому, что нельзя остановиться на этихъ общихъ чертахъ, а приходится опредѣлять каждый способъ въ точности, и потому все равно, въ какомъ-бы порядкѣ ни опредѣлять ихъ. Разумѣется, основное правило всякой системы— однородное соединять вмѣстѣ; но въ самыхъ разнообразныхъ юридическихъ учрежденіяхъ всегда найдется что-нибудь общее, подъ которое подходятъ они; поэтому чрезвычайно трудно избрать то общее, подъ которое именно подвести извѣстныя учрежденія, и лучше всего избирать то общее, которое имѣетъ практическую цѣну, хотя и нельзя сказать, чтобы можно было довольствоваться указаніемъ практическихъ чертъ.

§ 18.

СПОСОБЫ ПРІОБРѢТЕНІЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ПОСРЕДСТВѢ ВЛАДѢНІЯ.

Сюда относятся: *передача*, *давность* и *военная добыча*.

Передачею называется актъ, по которому вещь изъ владѣнія одного лица переходитъ во владѣніе другаго, пріобрѣтающаго надъ нею право собственности. Это послѣднее условіе существенно для передачи, какъ способа пріобрѣтенія права собственности, потому-что передача сама-по-себѣ возможна и не какъ способъ пріобрѣтенія права собственности: напр. передается вещь для пользованія, передается залогопринимателю, передается какъ поклажа, и т. п., но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ передача не представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности. При передачѣ въ смыслѣ способа пріобрѣтенія права собственности представляются: 1) лицо, передающее право собственности, 2) лицо, пріобрѣтающее это право; 3) законное основаніе (justus titulus), по которому передача составляетъ переходъ права собственности, и 4) самый актъ передачи, состоящій въ переходѣ владѣнія отъ одного лица къ другому. Относительно лицъ, встрѣчающихся при передачѣ, мы не можетъ сказать ничего особеннаго, новаго, а должны повторить только, что субъективныя условія дѣйствительности сдѣлки имѣютъ значеніе и для дѣйствительности передачи: лицо передающее должно быть въ-правѣ совершить отчужденіе, передать право собственности; лицо пріобрѣтающее должно быть способно къ пріобрѣтенію не только имущественныхъ правъ вообще, но и права собственности на данную вещь въ-особенности. Намъ слѣдуетъ поэтому остановиться лишь на законномъ основаніи и актѣ передачи. Передача права собственности всегда исходитъ изъ какой либо сдѣлки или, общѣе, изъ какого-либо юридическаго отношенія. Большею частію эта сдѣлка существуетъ до передачи, но иногда совпадаетъ съ нею. Напр. когда совершается купля продажа на не-

движимое имущество, то сдѣлка существуетъ задолго до передачи имущества; но когда одно лицо даетъ другому милостыню, то сдѣлка (дареніе) совпадаетъ съ передачею. Эта-то сдѣлка или, общѣе, юридическое отношеніе, на основаніи котораго переходитъ право собственности, и есть *законное основаніе* передачи. У насъ оно нерѣдко принимается даже за самый способъ пріобрѣтенія права собственности, но несправедливо: законное основаніе передачи установляетъ лишь право на перечу, а передача уже составляетъ способъ пріобрѣтенія самаго права собственности. Напр. совершена купля-продажа: покупщикъ въ-правѣ требовать только передачи себѣ купленной вещи, но до передачи не имѣетъ еще надъ нею права собственности. Тѣмъ не менѣе законное основаніе передачи существенно для ея дѣйствительности: недостаточно намѣренія лицъ, участвующихъ въ перечѣ, одного—передать право собственности, другаго—пріобрѣсти его; недостаточно также и перехода самаго владѣнія; необходимо еще и законное основаніе для того, чтобы передача составляла переходъ права собственности, такъ-что тамъ, гдѣ нѣтъ этого основанія, нѣтъ и перехода права собственности. Напр. я передаю вещь лицу А, имѣя въ виду, что дарю ему эту вещь, такъ-что мнѣ *дареніе* представляется законнымъ основаніемъ передачи; но лицо А имѣетъ въ виду, что пріобрѣтаетъ право собственности по мѣнѣ, такъ-что по его понятію *мѣна* составляетъ законное основаніе передачи: въ такомъ случаѣ право собственности не переходитъ съ передачею, ибо дареніе и мѣна, подобно другимъ договорамъ, существенно предполагаютъ взаимное соглашеніе контрагентовъ, а какъ такого соглашенія нѣтъ, то нѣтъ ни даренія, потому-что А не изъявляетъ согласія на принятіе дара, нѣтъ ни мѣны, потому-что я дарю, а не заключаю договоръ мѣны, нѣтъ слѣдов. и законнаго основанія для перехода права собственности. Конечно, можно сказать, что и дареніе и мѣна представляютъ въ нашемъ примѣрѣ то общее, что имѣютъ въ виду установить переходъ права собственности, но сдѣлка есть нѣчто единое, цѣльное,

нераздѣльное, нельзя изъ нея взять одну часть, а другую оставить, и нельзя поэтому признать, что право собственности все-таки переходитъ на томъ основаніи, что хотя интересенты имѣютъ въ виду разныя сдѣлки, но сходятся въ томъ, чтобъ перешло право собственности, а должно сказать, что хотя передача и совершается, но право собственности не переходитъ.

Обращаясь къ самому *акту* передачи, состоящему въ переходѣ владѣнія вещью изъ рукъ одного лица въ руки другаго, мы находимъ, что въ иныхъ случаяхъ этотъ актъ дѣйствительно совершается, въ иныхъ-же нѣтъ, а только подразумѣвается. И случаевъ послѣдняго рода встрѣчается немало въ практической жизни: очень часто вещь на-самомъ-дѣлѣ не передается пріобрѣтателю, а право собственности все-таки считается пріобрѣтеннымъ, отошедшимъ отъ прежняго хозяина и именно по передачѣ. Такая *подразумѣваемая* передача представляется, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда передача составляетъ до такой степени непосредственное, необходимое послѣдствіе сдѣлки, на основаніи которой должна произойдти передача, что она, какъ слѣдствіе, подразумѣвается сама собою, хотя-бы и не была совершена на самомъ дѣлѣ. Напр. такіе случаи встрѣчаются при покупкѣ движимаго имущества: очень нерѣдко бываетъ, что заключается договоръ купли-продажи, покупщикъ уплачиваетъ продажную цѣну, но купленная вещь остается пока въ рукахъ продавца, а все-таки считается уже собственностію покупателя. Передача здѣсь подразумѣвается, и если искать наружнаго знака, выражающаго ее, то развѣ заключается онъ въ томъ, что проданная вещь запаковывается, или по-крайней-мѣрѣ выдѣляется изъ массы другихъ товаровъ; но и это невсегда бываетъ. Во-вторыхъ, случаи подразумѣваемой передачи представляются тогда, когда пріобрѣтателю права собственности передается не самая вещь, а знакъ ея, представитель. Напр. въ торговомъ быту передача фактуры (вѣдомости о товарѣ) замѣняетъ передачу самаго товара: купецъ, получившій фактуру, распоряжается означеннымъ въ

ней товаромъ, какъ своею собственностію, хотя-бы товаръ и не былъ еще въ его рукахъ. Или напр. въ торговомъ быту нерѣдко бываетъ, что передается не самый товаръ, а ключъ отъ анбара или, вообще, помѣщенія, въ которомъ находится товаръ, и передача ключа считается передачею самаго товара. Такая передача знака вмѣсто передачи самой вещи есть остатокъ древней символической передачи, которая въ-особенности имѣла мѣсто относительно имуществъ недвижимыхъ; напр. въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту передача глыбы земли считалась передачею поземельнаго участка (116). Настоящее время, разумѣется, неблагопріятно для символовъ, они все болѣе и болѣе вытѣсняются; но если символъ соотвѣтствуетъ существу дѣла, то очень естественно удержаться ему и въ настоящее время; такъ напр. передачѣ ключа отъ помѣщенія проданнаго товара естественно замѣнять собою передачу самаго товара. Наконецъ, къ случаямъ подразумѣваемой передачи должно отнести тѣ случаи, когда переча вещи излишни, потому-что вещь уже находится въ рукахъ пріобрѣтателя, такъ-какъ вещь можетъ находиться въ рукахъ и такого лица, которое не имѣетъ надъ нею права собственности. Напр. вещь передается, какъ закладъ, а впослѣдствіи залогопринимать пріобрѣтаетъ надъ нею право собственности: такъ-какъ вещь уже находится въ рукахъ пріобрѣтателя, то было-бы пустою формальностію взять ее обратно отъ залогопринимателя и потомъ снова предать ему, какъ пріобрѣтателю права собственности (117). Эти-то случаи подразумѣваемой передачи въ-особенности и внушаютъ нерѣдко мысль, что право собственности пріобрѣтается независимо отъ передачи, на основаніи самой сдѣлки; но это несправедливо, какъ увидимъ впослѣдствіи, а именно передача установляетъ переходъ права собственности,

(116) Ср. впрочемъ *Неволина*. Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 44, 116, 117.

(117) Въ Римскомъ правѣ такая передача называется brevi manutraditio (передача короткою рукою), а изъ Римскаго права это выраженіе перешло и въ юридическій языкъ новыхъ западныхъ народовъ.

только-что невсегда она совершается на дѣлѣ, а во многихъ случаяхъ лишь подразумѣвается. Дѣйствительное совершеніе акта передачи въ нашемъ юридическомъ быту неодинаково, но различается по роду имуществъ, относительно которыхъ совершается актъ: иначе совершается передача имуществъ недвижимыхъ, иначе имуществъ движимыхъ; въ томъ и другомъ случаѣ существенно передача остается переходомъ владѣнія. Передача имущества недвижимаго состоитъ въ томъ, что лицо, пріобрѣтающее право собственности, поставляется въ возможность владѣть имуществомъ: самую вещь нельзя передать въ его руки, она остается недвижимою, но лицо придвигается къ вещи, тогда-какъ лицо, передающее право собственности, отдаляется отъ нея. Очень удачно поэтому передача недвижимаго имущества называется *вводомъ во владѣніе*. По важности, которую приписываетъ законодательство недвижимому имуществу, передача его (вводъ во владѣніе) совершается у насъ при участіи общественной власти или, лучше сказать, ею самою. Актъ совершается такимъ образъ (118): лицо, пріобрѣтшее право на передачу извѣстнаго недвижимаго имущества, обращается къ подлежащему судебному мѣсту низшей инстанціи (уѣздному суду или городовому магистрату, смотря по тому, находится имущество въ уѣздѣ, или въ городѣ) и проситъ о вводѣ во владѣніе. Судебное мѣсто разсматриваетъ, имѣетъ-ли лицо законное основаніе на передачу недвижимаго имущества, и если находитъ, что законное основаніе существуетъ, дѣлаетъ постановленіе о вводѣ во владѣніе и предписываетъ произвести его подлежащему полицейскому мѣсту (земскому суду, если имущество находится въ уѣздѣ, или городской полиціи, если оно въ городѣ). На основаніи такого предписанія, полицейскій чиновникъ въ извѣстное время является къ тому недвижимому имуществу, относительно котораго долженъ быть произведенъ вводъ во владѣніе, сюда-же являются заблаговре-

118) Св. зак. гр. ст. 751—755.

менно приглашенные: прежній хозяинъ имущества (иногда впрочемъ онъ и не приглашается), новый пріобрѣтатель и нѣсколько свидѣтелей изъ сосѣдей имущества, принадлежащихъ къ сословію лица, вводимаго во владѣніе, и въ присутствіи этихъ лицъ полицейскій чиновникъ совершаетъ письменный актъ о вводѣ во владѣніе, такъ-называемый *вводный листъ*, въ которомъ означается, что такое-то лицо вводится во владѣніе такихъ-то недвижимымъ имуществомъ; листъ этотъ подписывается полицейскимъ чиновникомъ, производящимъ вводъ, и свидѣтелями и предъявляется тому судебному мѣсту, по распоряженію котораго совершился вводъ во владѣніе (119). При вводѣ во владѣніе имуществомъ населеннымъ созываются также крестьяне и дворовые люди, принадлежащіе къ имѣнію, и полицейскій чиновникъ внушаетъ имъ послушаніе новому собственнику. Такое внушеніе ведетъ начало свое отъ того времени, когда лица, поселенныя на землѣ, не считались собственностію ея владѣльца, и могъ обязывать ихъ къ послушанію только особый актъ со-стороны правительства, который и повторялся при каждой перемѣнѣ землевладѣльца, а отъ этого и письменный актъ о вводѣ во владѣніе, нынѣшній вводный листъ, на древнемъ юридическомъ языкѣ назывался *послушною грамотою* (120). Въ настоящее время отношенія крестьянъ къ поземельному собственнику не тѣ, какія были прежде, и обязанность повиноваться вытекаетъ для нихъ изъ крѣпостнаго права, принадлежащаго помѣщику; но и въ настоящее время законодательство предписываетъ полицейскому чиновнику внушать крестьянамъ и дворовымъ людямъ, принадлежащимъ къ имѣнію, быть въ послушаніи ихъ собственника (121). Самое участіе правительства при передачѣ недвижимыхъ имуществъ, быть можетъ, проявлялось сначала только относительно иму-

(119) Свидѣтели, впрочемъ, принимаются большею частію только при вводѣ во владѣніе имуществами населенными.

(120) *Неволина*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 174.

(121) Св. зак. гр. ст. 755.

ществъ населенныхъ (122); но по важности, какую постоянно придавало наше законодательство вообще недвижимымъ имуществамъ, участіе правительства при передачѣ ихъ изъ рукъ въ руки впослѣдствіи распространилось также и на земли ненаселенныя и на недвижимыя имущества городскія, зданія. Должно сказать однако, что, по историческому происхожденію цѣлаго учрежденія, по связи его первоначально только съ имуществами населенными, въ нашемъ юридическомъ быту образовалось воззрѣніе, будто вводъ во владѣніе особенно существенъ только относительно населенныхъ имѣній, такъ-что во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества относительно имуществъ городскихъ вводъ во владѣніе по обычаю не совершается, да и по-отношенію къ землямъ ненаселеннымъ весь актъ ввода во владѣніе во многихъ случаяхъ заключается лишь въ написаніи вводнаго листа.

Независимо отъ ввода во владѣніе, законодательство упоминаетъ еще объ *отказѣ*, какъ учрежденіи, которымъ дополняется передача недвижимаго имущества. Законодательство опредѣляетъ именно, что по вводѣ во владѣніе судебное мѣсто, по распоряженію котораго онъ произведенъ, выставляетъ на дверяхъ своихъ объявленіе о вводѣ, приглашая тѣмъ лицъ, имѣющихъ на то право, въ-теченіе двухъ лѣтъ, предъявить споръ противъ новаго собственника, по истеченіи-же двухлѣтняго срока дѣлаетъ распоряженіе объ отказѣ, точно также, какъ дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ во владѣніе, т.-е. предписываетъ объ отказѣ подлежащему полицейскому мѣсту, члены котораго въ самомъ недвижимомъ имуществѣ совершаютъ актъ объ *отказѣ*, и затѣмъ уже, по опредѣленію законодательства, всякій споръ о пріобрѣтенномъ правѣ собственности устраняется (123). На дѣлѣ однакожь выходитъ, что отказъ не устраняетъ спора по пріобрѣтенному праву собственности, потому-что сверхъ давности, представляющейся при отказѣ, на-

(122) Тамъ-же, см. *примѣч.*

(123) Тамъ-же, ст. 756—759.

ше законодательство установляетъ еще давность десятилѣтнюю (124) и только истеченіе срока этой давности, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно устраняетъ споръ объ имущественныхъ правахъ вообще, и въ-частности о правѣ собственности. Такимъ образомъ, отказъ не представляетъ непосредственнаго практическаго значенія, и этимъ объясняется, почему во многихъ судебныхъ мѣстахъ довольствуются однимъ вводомъ во владѣніе, отказа-же обыкновенно не дѣлается, развѣ по особому настоянію собственниковъ; но и сами собственники только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ судебному мѣсту съ просьбою объ отказѣ. Довольно любопытно поэтому изслѣдовать, почему-же существуетъ въ нашемъ законодательствѣ учрежденіе отказа, откуда явилось оно? Оно дошло до насъ изъ древняго права, которое разумѣло подъ отказомъ актъ, предоставлявшій недвижимое имущество власти лица, уже владѣвшаго имъ фактически, безъ права или и по праву, но не по праву собственности. Такъ, обыкновенно совершался отказъ тогда, когда помѣстье по смерти отца справлялось за его дѣтьми, продолжавшими между-тѣмъ владѣть имъ (125), или когда помѣстье лица обращалось ему въ вотчину (126). Слѣдов. отказъ въ древнемъ Русскомъ правѣ имѣлъ значеніе, если не тожественное, то близкое къ нынѣшнему вводу во владѣніе. Но когда помѣстья слились съ вотчинами (127), отказъ уже не могъ имѣть мѣста и оказался лишнимъ, какъ и принимаетъ его современная юридическая практика. Между-тѣмъ законодательство все-таки хотѣло сохранить учрежденіе отказа, и вотъ, подмѣтивъ въ немъ ту сторону, что отказъ относится къ владѣнію уже готовому, оно придало ему значеніе акта, которымъ окончательно укрѣпляется за лицомъ право

---

(124) Тамъ-же, ст. 479.

(125) *Неволина*, Ист. Росс. гр. зак. II, стр. 242, III, стр. 368.

(126) Ср. впрочемъ *Неволина*, II, стр. 174.

(127) Что, какъ извѣстно, произошло вслѣдствіе указа о единонаслѣдіи (*Неволина*, II, стр. 255).

собственности пріобрѣтенному имуществу и устраняется всякій споръ о правѣ. На дѣлѣ однако, какъ мы и сказали уже, споръ, и при томъ успѣшный споръ о правѣ собственности, возможенъ и по совершеніи отказа, и если случается иногда въ судебной практикѣ, что выводится на сцену отказъ, какъ актъ, устраняющій всякій споръ о правѣ собственности лица на его недвижимое имущество, то это дѣлается всегда по вліянію какого-нибудь юриста-крючка, который думаетъ извлечь пользу для себя или для отстаиваемой имъ стороны изъ существованія учрежденія въ законодательствѣ; но такая посылка въ нашей практикѣ считается наглою недобросовѣстностію и рѣдко бываетъ удачна.

По-отношенію къ движимому имуществу, передача называется *врученіемъ* и совершается безъ всякаго участія общественной власти, одними лицами, прикосновенными къ сдѣлкѣ, на основаніи которой происходитъ пріобрѣтеніе права собственности (128). Актъ вручения очень простъ: онъ заключается лишь въ томъ, что вещь изъ рукъ лица, отчуждающаго право собственности, передается въ руки лица, пріобрѣтающаго это право по вещи.

Какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, передача имѣетъ обширное примѣненіе въ нашемъ юридическомъ быту: пожалованіе, дареніе, духовное завѣщаніе, купля-продажа и вообще всѣ тѣ сдѣлки, которыя клонятся къ установленію перехода права собственности отъ одного лица къ другому, а также и другіе способы пріобрѣтенія имущественныхъ правъ, какъ-скоро они ведутъ къ пріобрѣтенію права собственности, напр. наслѣдованіе по закону, сопровождаются передачею. Но спрашивается, почему-же передача существенна для пріобрѣтенія права собственности, для чего это посредствующее звѣно между сдѣлкою, ведущею къ пріобрѣтенію права собственности, и самымъ пріобрѣтеніемъ его? Мы видѣли, что во мно-

(128) Св. зак. гр. см. напр. ст. 816, 1140.

гихъ случаяхъ передача только подразумѣвается. Почему-же, спрашивается, не сводить пріобрѣтенія права собственности къ сдѣлкѣ, на основаніи которой происходитъ передача, а именно къ передачѣ и притомъ иногда только подразумѣваемой? Нѣкоторые юристы, дѣйствительно, принимаютъ, что право собственности пріобрѣтается независимо отъ передачи, на основаніи самой сдѣлки о переходѣ права собственности, и находятъ, что передача — одна формальность, которая, если въ прежнее время и почиталась существенною при нѣкоторыхъ сдѣлкахъ, то потому только, что въ прежнее время вообще болѣе дорожили формальностію, нежели дорожатъ ею нынѣ. Но если обратить вниманіе на то, что передача составляетъ переходъ владѣнія, а владѣніе—существенная составная часть самаго права собственности и предполагаетъ передачу одною сдѣлкою, лицо-же, пріобрѣтающее на основаніи ея право на передачу вещи, еще не становится владѣльцемъ, — если обратить, говорю, вниманіе на это, то должно согласиться, что передача болѣе, чѣмъ одна простая формальность, а именно—основаніе пріобрѣтенія права собственности. Въ-особенности таково ея значеніе въ нашемъ юридическомъ быту. Нѣтъ, правда, существенной необходимости требовать акта передачи для пріобрѣтенія права собственности, а можно связать это пріобрѣтеніе съ самою сдѣлкою, на основаніи которой происходитъ передача. Такъ, дѣйствительно, и поступаетъ современное Французское законодательство, постановляя напр., что по совершеніи купли-продажи право собственности на вещь переходитъ къ покупщику независимо отъ передачи, на основаніи уже договора (129). Но ни наше законодательство не постановляетъ этого, а именно сводитъ пріобрѣтеніе права собственности къ передачѣ; ни юридическое воззрѣніе нашего общества не требуетъ, чтобы самой сдѣлкѣ предоставлена была сила передавать право собственности, напротивъ, въ общественномъ сознаніи считается

(129) *Troplong*, Le droit civil expliqué suiv. l'ordre des art. du code: de la Vente. 3-me éd. Paris, 1837. I, стр. 5—12.

необходимымъ для пріобрѣтенія права собственности по вещи пріемъ ея, сдача, а это и есть ни что иное, какъ передача. Но, кромѣ-того, значеніе, придаваемое передачѣ законодательствомъ, и согласное съ нимъ общественное воззрѣніе на нее объясняются исторически. Извѣстно, что въ неразвитомъ юридическомъ быту право собственности смѣшивается обыкновенно съ владѣніемъ и безъ владѣнія не понимается: поэтому существенно, чтобы вещь поступила во владѣніе лица, и только тогда лицо считается собственникомъ, хозяиномъ. Такое воззрѣніе было присуще и нашему древнему юридическому быту; слѣды его сохранились донынѣ, и вотъ между прочимъ въ воззрѣніи на передачу, какъ существенное дополненіе къ сдѣлкѣ о переходѣ права собственности или, лучше сказать, какъ на способъ его пріобрѣтенія.

§ 19.

Другой способъ пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія — *давность*. Она, какъ извѣстно, не есть учрежденіе единичное, но ея существо, ея свойства различны, смотря по тому, о какихъ правахъ идетъ рѣчь. Мы разсматриваемъ давность, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. По опредѣленію нашего законодательства, безспорное, спокойное непрерывное владѣніе вещью въ видѣ собственности вътеченіе десяти лѣтъ обращается въ право собственности (130). Отсюда съ перваго взгляда видно, что въ давности именно владѣніе есть тотъ путь, который ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности, а самое владѣніе это называется *владѣніемъ давностнымъ*. Какія-же принадлежности давностнаго владѣнія? Въ опредѣленіи законодательства, установляющемъ свойства владѣнія, которое ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности по вещи, подлежащей владѣнію, оно характеризуется прежде

(130) Св. зак. гр. ст. 451.

всего какъ *безспорное*, *спокойное* и *непрерывное*. Подъ владѣніемъ *безспорнымъ* разумѣется владѣніе, неоспариваемое искомъ (131). Слѣдов. не всякій споръ противъ владѣнія лишаетъ его возможности доставить по давности права собственности по вещи, а только такой споръ, который имѣетъ значеніе иска, т.-е. такой, который предъявленъ лицомъ, имѣющимъ право вчинать искъ о правѣ собственности по вещи, и предъявленъ притомъ надлежащему судебному мѣсту. Итакъ, понятіе о безспорности давностнаго владѣнія—понятіе опредѣленное, юридическое и болѣе или менѣе тѣсное. Трудно опредѣлить, что разумѣетъ законодательство подъ владѣніемъ *спокойнымъ*. Можно разумѣть подъ нимъ спокойствіе фактическое. Но неужели всякое нарушеніе спокойствія владѣльца, всякая тревога обращаетъ давностное владѣніе въ безспокойное, разрушаетъ его? Едва-ли таково значеніе спокойнаго владѣнія, характеризующаго владѣніе давностное: въ самомъ законодательствѣ нѣтъ указанія на то, чтобы каждая фактическая тревога давностнаго владѣльца разрушала его владѣніе, а независимо отъ прямаго указанія законодательства, a priori, такого значенія спокойному владѣнію придать нельзя. Можно думать, что владѣніе спокойное значитъ то-же, что безспорное: законодательство наше не отличается строгою точностію рѣчи, оно не даетъ себѣ отчета въ каждомъ словѣ, имъ употребляемомъ, и поэтому, если слово «*спокойное*» поставлено рядомъ съ словами «*безспорное и непрерывное*», то не слѣдуетъ еще, чтобы каждое изъ этихъ словъ имѣло свой опредѣленный смыслъ. И, намъ кажется, можно принять, что спокойствіе владѣнія значитъ его безспорность. Если-же настаивать на самостоятельномъ значеніи спокойнаго владѣнія, то должно придать ему такой смыслъ: законодательство, допуская пріобрѣтеніе права собственности по давности, все-таки не имѣетъ въ виду сдѣлать давность способомъ слишкомъ легкимъ, удобнымъ и

(131) Тамъ-же, ст. 476, 477.

вотъ находя, что понятіе о безспорномъ владѣніи слишкомъ тѣсно, слишкомъ расширяло-бы значеніе давности, требуетъ, чтобы давностное владѣніе было не только безспорное, но и спокойное, т.-е. чтобы не было и такихъ нападковъ на владѣніе, которые фактически представляются споромъ, хотя и не составляютъ спора въ юридическомъ смыслѣ. Понимая спокойное владѣніе въ такомъ смыслѣ, должно сказать, что и споръ, предъявленный противъ давностнаго владѣльца не собственникомъ, но съ его согласія, или споръ со стороны собственника, но предъявленный не надлежащему судебному мѣсту, или даже и простое заявленіе собственника полиціи о неправильномъ владѣніи давностнаго владѣльца, уже лишаютъ владѣніе свойства владѣнія спокойнаго и тѣмъ разрушаютъ давностное владѣніе. Требуется также для давностнаго владѣнія, чтобъ оно было *непрерывное* (132). Это значитъ, чтобы владѣніе было постоянное, чтобы въ-теченіе всего давностнаго срока лицо не переставало владѣть вещью, но, разумѣется, владѣть въ смыслѣ юридическомъ, юридическое-же владѣніе, какъ извѣстно, не предполагаетъ ежеминутнаго фактическаго отношенія владѣльца къ вещи, подлежащей его владѣнію. Непрерывностію такимъ образомъ, какъ принадлежностію давностнаго владѣнія, требуется, чтобы давностный владѣлецъ въ-теченіе всего давностнаго срока не переставалъ состоять въ юридическомъ владѣніи вещью, чтобъ оно не прекращалось для него и не начиналось для другаго лица, будетъ-ли то стороннее лицо или самъ собственникъ вещи (133). Но очевидно, что непрерывность, какъ принадлежность давностнаго владѣнія, не исключаетъ предоставленія владѣнія со стороны давностнаго владѣльца другому лицу. Положимъ, лицо отдаетъ въ наемъ поземельный участокъ, состоящій въ его давностномъ владѣніи: поземельный участокъ по-

(132) Тамъ-же, стр. 451.

(133) Владѣніе собственника, конечно, не будетъ владѣніемъ фактическимъ, а владѣніемъ по праву собственности, но тѣмъ не менѣе и владѣніе собственника прекращаетъ юридическое владѣніе давностнаго владѣльца.

ступаетъ во владѣніе нанимателя, но тѣмъ не менѣе числится за юридическимъ владѣльцемъ, и давностное владѣніе его не прерывается. Мало того, непрерывность давностнаго владѣнія не исключаетъ даже перемѣны въ лицѣ владѣльца: въ извѣстныхъ случаяхъ допускается такъ-называемая *преемственность* давностнаго владѣнія, т.-е. лицо владѣльца хотя измѣняется, но владѣніе считается тѣмъ-же, а не новымъ, такъ-что послѣдній давностный владѣлецъ вещи пріобрѣтаетъ на нее право собственности по давности, не провладѣвъ вещью въ-теченіе полнаго давностнаго срока. Такая преемственность владѣнія допускается именно тогда, когда новый владѣлецъ пріобрѣтаетъ владѣніе отъ прежняго на основаніи какого-либо юридическаго отношенія, такъ-что новый владѣлецъ становится юридическимъ преемникомъ прежняго или titulo universali или titulo singulari, т.-е. новый владѣлецъ или потому является юридическимъ преемникомъ предшественника, что вступаетъ во всѣ его юридическія отношенія, или потому, что встрѣчаетъ въ его юридическія отношенія только по данному владѣнію. Итакъ, наслѣдникъ давностнаго владѣльца, лицо, пріобрѣтшее вещь, подлежащую давностному владѣнію, по отчужденію, продолжаютъ владѣніе своихъ предшественниковъ: и въ томъ и другомъ случаѣ владѣніе остается единымъ, непрерывнымъ и потому не перестаетъ быть давностнымъ. Повидимому, въ этомъ преемствѣ владѣнія представляется аномалія, ибо преемственность, какъ понятіе юридическое, относится къ правамъ, а мы имѣемъ въ виду не право владѣнія, а владѣніе, какъ состояніе фактическое. Если напр. лицо, не будучи собственникомъ вещи, подлежащей его давностному владѣнію, отчуждаетъ ее, какъ свою собственность, то все-таки не передаетъ права собственности и въ юридическомъ смыслѣ nihil agit. Но тѣмъ не менѣе должно сказать, что при такой передачѣ фактическое отношеніе одного лица переходитъ къ другому и этому фактическому отношенію въ его движеніи сопутствуетъ мысль о правѣ, — мысль ложная, тѣмъ не менѣе однако дѣйствительная. По по-

вторымъ, что преемственность давностнаго владѣнія допускается не безусловно, не во всѣхъ случаяхъ, когда вещь, подлежащая давностному владѣнію, переходитъ отъ одного лица къ другому, а только тогда, когда переходу сопутствуетъ сознаніе, что переходитъ именно то, что принадлежало предшественнику, ибо только тогда преемникъ совершенно вступаетъ въ данное юридическое сознаніе своего предшественника. Поэтому напр. лицо, которое нанимаетъ поземельный участокъ, состоящій въ чьемъ-либо давностномъ владѣніи, не становится преемникомъ давностнаго владѣльца, ибо юридическое сознаніе пріобрѣтателя участка по найму иное, нежели юридическое сознаніе отдавателя. Подтвержденіемъ этому служитъ дальнѣйшая принадлежность давностнаго владѣнія, которое, по опредѣленію законодательства, должно быть также владѣніемъ «*въ видѣ собственности*» (134). Но что значитъ владѣніе въ видѣ собственности? — это понимаютъ различно. Одни, напр. понимаютъ выраженіе законодательства въ томъ смыслѣ, будто давностный владѣлецъ долженъ питать въ себѣ сознаніе о правѣ собственности по владѣемой вещи, и на этомъ основаніи принимаютъ *добросовѣстность* (bona fides), какъ принадлежность давностнаго владѣнія по нашему праву, и притомъ принадлежность, необходимую не только для начала владѣнія, какъ по Римскому праву — mala fides superveniens non nocet (135), но и во все продолженіе давностнаго срока, какъ опредѣляетъ каноническое право (136). На такую мысль о тожественности условія владѣнія *въ видѣ собственности* съ *добросовѣстностію* владѣнія наводитъ прежде всего сближеніе нашего права съ другими правами, напр. съ Римскимъ и каноническимъ, которыя полагаютъ добросовѣстность однимъ изъ существенныхъ условій давностнаго владѣнія, т.-е. такого владѣнія, которое ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности. Но, и независи-

(134) Св. зак. гр. ст. 451.

(135) Dig. L. 41, t. 3, fr. 43 pr.

(136) *Savigny*, System d. heut. römisch. Rechts, V, стр. 327 — 352.

мо отъ такого сближенія, пріобрѣтеніе права собственности состороны недобросовѣстнаго владѣльца кажется нѣсколько предосудительнымъ для общественнаго быта: это значило-бы, полагаютъ, увѣнчать успѣхомъ недобросовѣстность. И вотъ, не находя въ законодательствѣ прямаго указанія на добросовѣстность, какъ принадлежность давностнаго владѣнія, желаютъ видѣть это указаніе въ томъ условіи законодательства, чтобы владѣніе давностное было владѣніемъ *въ видѣ собственности*. Но противъ этого можно возразить, что понятіе добросовѣстности обширное: можно владѣть добросовѣстно, по праву, напр. по найму, по залогу или иначе, и все-таки не считать себя собственникомъ. Можно сказать также, что если и недобросовѣстный владѣлецъ имѣетъ возможность сдѣлаться собственникомъ по давности, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что добросовѣстность вознаграждается со стороны законодательства, а тогда представится только одинъ изъ нерѣдкихъ случаевъ, что недобросовѣстность имѣетъ успѣхъ. Другое дѣло, еслибы законодательство полагало недобросовѣстность условіемъ давностнаго владѣнія; но выходитъ только, если не принимать выраженіе законодательства *«въ видѣ собственности»* за требованіе добросовѣстности, что недобросовѣстность не составляетъ препятствія для пріобрѣтенія права собственности по давности, а это еще далеко не то, чтобы недобросовѣстность вознаграждалась со стороны законодательства. Другіе понимаютъ владѣніе *въ видѣ собственности*, какъ условіе давностнаго владѣнія, въ томъ смыслѣ, будто давностный владѣлецъ долженъ считаться собственникомъ владѣемой вещи во мнѣніи другихъ лицъ, хотябы на-самомъ-дѣлѣ и не былъ ей собственникомъ и даже самъ не считалъ себя за собственника. Слова: *«владѣніе въ видѣ собственности»*, дѣйствительно, такъ общи, что можно понимать ихъ и въ этомъ смыслѣ. Наконецъ разсматриваемую принадлежность давностнаго владѣнія понимаютъ такъ, будто давностный владѣлецъ долженъ дѣйствовать, какъ собственникъ, все равно, считаетъ-ли онъ себя собственникомъ владѣ-

емой вещи, считаютъ-ли его другіе за собственника, или нѣтъ, только чтобы давностное владѣніе представляло всю видимость права собственности; итакъ, пусть давностный владѣлецъ владѣетъ вещью подъ извѣстными условіями—владѣніе фактическое по наружному правленію не отличается отъ владѣнія права; пусть владѣлецъ пользуется вещью—естественное послѣдствіе владѣнія; пусть онъ распоряжается вещью, насколько распоряжается и собственникъ, воздерживающійся отъ уничтоженія и отчужденія вещи. Всѣ эти воззрѣнія на значеніе *вида собственности* при давностномъ владѣніи встрѣчаются въ нашей практикѣ. Понятно, что когда возникаетъ споръ о правѣ собственности и владѣлецъ основываетъ свое право на давности, тогда онъ для охраненія своего права отстаиваетъ тотъ смыслъ выраженія *«въ видѣ собственности»*, который наиболѣе ему благопріятенъ. Но судебныя мѣста, рѣшая споръ о правѣ собственности, основывающемся на давности, сколько намъ извѣстно, большею частію имѣютъ въ виду только давностный срокъ и мало обращаютъ вниманія на принадлежность давностнаго владѣнія, какъ владѣнія въ видѣ собственности. Наиболѣе соотвѣтственно воззрѣнію практики будетъ поэтому такое толкованіе выраженія *«въ видѣ собственности»*, которое ближе всего подходитъ къ условію о срокѣ, т.-е. которое наименѣе стѣсняетъ практическое рѣшеніе спора въ пользу давностнаго владѣнія. Тогда требованіе законодательства, чтобы давностное владѣніе было владѣніемъ въ видѣ собственности, должно быть изъясняемо въ смыслѣ осуществленія права собственности независимо отъ сознанія самого владѣльца и сознанія другихъ лицъ. И такимъ-образомъ, если давностный владѣлецъ поступаетъ какъ собственникъ, то хотя-бы онъ и не считалъ себя собственникомъ, хотя-бы и другіе не принимали его за собственника, однакожь владѣніе его можетъ быть признано давностнымъ, какъ-скоро оно соотвѣтствуетъ другимъ условіямъ давностнаго владѣнія. Выраженіе: *«въ видѣ собственности»* вполнѣ допускаетъ это толкованіе и можно сказать даже, что оно всего болѣе подходитъ къ

буквальному смыслу закона (137). Послѣдняя принадлежность давности, какъ способа пріобрѣтенія права собственности — *давностный срокъ*, по опредѣленію нашего законодательства, *десятилѣтній* (138). Принадлежность эта, какъ уже сказано, по воззрѣнію нашей практики, самая существенная, такъ-что практика мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности давностнаго владѣнія, а главнымъ образомъ только на истеченіи или не истеченіе десятилѣтняго срока давностнаго владѣнія (139). Когда лицо ссылается на давность, какъ основаніе своего права собственности, и доказываетъ, что владѣніе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, судебныя мѣста обыкновенно довольствуются этимъ и не требуютъ доказательствъ безспорности, непрерывности владѣнія и т. д., такъ-что если противная сторона укажетъ на перерывъ давностнаго владѣнія, то судебное мѣсто потребуетъ, пожалуй, доказательствъ не отъ того лица, которое ссылается на давность, а отъ того, которое отвергаетъ ее, хотя должно быть наоборотъ: лицо, утверждающее за собою право собственности на основаніи давности, должно доказать, что вещь дѣйствительно состояла въ его владѣніи въ-теченіе давностнаго срока и что владѣніе его соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ давностнаго владѣнія. Но въ нашей практикѣ нерѣдко даже разумѣютъ подъ давностію именно давностный срокъ, говорятъ напр. «*прошла давность*, *прошли*

---

(137) Намъ кажется, владѣніе вещью въ видѣ собственности, какъ условіе давностнаго владѣнія, есть ни что иное, какъ только требованіе законодательства, чтобы владѣніе было *юридическое*, т.-е. такое, которому присуще намѣреніе владѣльца распоряжать вещью, какъ своею, такъ-что выраженіе «*въ видѣ собственности*» соотвѣтствуетъ выраженію «animus rem sibi habendi». И дѣйствительно, еслибы не было условія, что владѣніе давностное должно быть владѣніемъ *въ видѣ собственности*, то и естественное владѣніе, detentio, подходило-бы подъ условія давностнаго владѣнія, такъ-какъ и оно можетъ продолжаться безспорно, спокойно и непрерывно въ-теченіе десяти лѣтъ.

Изд.

(138) Св. зак. гр. ст. 479.

(139) Точно также, если идетъ рѣчь о давности иска, наша практика главнымъ образомъ имѣетъ въ виду десятилѣтній срокъ осуществленія права иска и мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности учрежденія.

двѣ, три давности» и т. п.; всѣ эти выраженія указываютъ только на срокъ. Теченіе давностнаго срока начинается отъ начала владѣнія и продолжается, говоря вообще, непрерывно, т.-е. въ счетъ давностнаго срока входитъ все время, всѣ дни продолжающагося давностнаго владѣнія, такъ-что если владѣніе переходитъ въ руки наслѣдника владѣльца, то въ счетъ давностнаго срока включаются и все время такъ-называемаго *лежачаго наслѣдства* (hereditas jacens), ибо смертію владѣльца не прерывается давностное владѣніе, а переходитъ преемственно къ его наслѣднику. Въ одномъ только случаѣ теченіе давностнаго срока прерывается — это тогда, когда собственникомъ вещи, подлежащей давностному владѣнію, является лицо несовершеннолѣтнее: тогда, по опредѣленію законодательства, на все время несовершеннолѣтія собственника теченіе давностнаго срока прерывается, но съ наступленіемъ совершеннолѣтія собственника оно продолжается, такъ-что давностному владѣльцу зачитается время владѣнія при юридическомъ предшественникѣ настоящаго собственника (140). Такимъ-образомъ положимъ, лицо владѣетъ вещью съ условіями давностнаго владѣнія въ-теченіе пяти лѣтъ, потомъ *собственникъ* вещи умираетъ и наслѣдникомъ его является лицо несовершеннолѣтнее: все время несовершеннолѣтія въ счетъ давностнаго срока не входитъ, и давностный владѣлецъ для пріобрѣтенія права собственности по вещи долженъ владѣть ею еще пять лѣтъ современи наступленія совершеннолѣтія *собственника.* Такое опредѣленіе законодательства о перерывѣ теченія давностнаго срока на время несовершеннолѣтія собственника постановлено по особому уваженію къ интересамъ малолѣтныхъ, тогда-какъ можно-бы обойдтись и безъ него, по-крайней-мѣрѣ оно не требуется существомъ юридическаго положенія несовершеннолѣтняго. Онъ имѣетъ представителя въ опекунѣ, который обязанъ охранять его права и отвѣчаетъ предъ нимъ за всѣ убытки,

(140) Св. зак. гр. ст. 479 (Прод. VI).

происшедшіе по его (опекуна) нерадѣнію: опекунъ обязанъ между прочимъ прерывать теченіе давностнаго срока; если-же онъ доведетъ до того, что давностный владѣлецъ успѣетъ пріобрѣсти право собственности по вещи опекаемаго, то становится обязаннымъ вознаградить его за убытки. Но законодательство имѣетъ въ виду, что опекунъ легко можетъ не знать, что какая-либо вещь, принадлежавшая юридическому предшественнику опекаемаго, состоитъ въ давностномъ владѣніи стороннаго лица, между-тѣмъ невѣдѣніе факта съ юридической точки зрѣнія извиняется, и поэтому было-бы несправедливо подвергнуть опекуна отвѣтственности. Но когда давностное владѣніе *прекращается* и потомъ снова возстановляется, то время прежняго владѣнія не входитъ въ счетъ давностнаго срока, а владѣніе разсматривается, какъ новое, и для доставленія давностному владѣльцу права собственности по вещи должно продолжаться со всѣми условіями давностнаго владѣнія въ-теченіе полнаго десятилѣтняго давностнаго срока. Можетъ однако возникнуть вопросъ о времени, съ котораго должно считать начало давностнаго срока новому владѣнію. Разрѣшеніе вопроса зависитъ отъ способа прекращенія прежняго давностнаго владѣнія. Оно можетъ прекратиться или потому, что дѣлается спорнымъ, или потому, что прерывается: въ первомъ случаѣ начало новаго давностнаго срока должно считать съ начала срока для *давности иска;* во второмъ — со времени новаго пріобрѣтенія вещи въ давностное владѣніе.

Кромѣ указанныхъ принадлежностей, исключительно свойственныхъ давности, какъ способу пріобрѣтенія права собственности, давностное владѣніе, будучи владѣніемъ юридическимъ, должно соотвѣтствовать также всѣмъ условіямъ юридическаго владѣнія, какъ субъективнымъ, касающимся лица владѣльца, такъ и объективнымъ, касающимся вещи, подлежащей владѣнію. Но въ-особенности при давности относительно лица представляется лишь вопросъ о томъ, могутъ-ли пріобрѣтать право собственности по давности *лица юридическія?* Однако,

очевидно, вопросъ этотъ сводится къ вопросу о способности юридическаго лица къ юридическому владѣнію, ибо если можно признать за юридическимъ лицомъ способность къ юридическому владѣнію, то должно признать за нимъ и способность къ пріобрѣтенію права собственности по давности, въ противномъ случаѣ — наоборотъ. По соображенію нашей дѣйствительности мы признали за юридическимъ лицомъ способность къ юридическому владѣнію, разумѣется, чрезъ представителя, съ тѣмъ вмѣстѣ должны признать и способность къ пріобрѣтенію права собственности по давности. И въ-самомъ-дѣлѣ, наши городскія и сельскія общества, монастыри въ процессахъ нерѣдко указываютъ на давность, какъ на способъ пріобрѣтенія ими права собственности по вещи, и оно признается за ними на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ признается пріобрѣтеніе права собственности по давности *лицами физическими*. Относительно вещи, подлежащей давностному владѣнію, вообще замѣтимъ, что вещь должна быть способна подлежать праву собственности. Не всѣ вещи, какъ извѣстно, имѣютъ такую способность. Но кромѣ-того, законодательство въ-особенности указываетъ на нѣкоторыя вещи, какъ не подлежащія давности, только-что при этомъ законодательство указываетъ и на такія вещи, которыя не только не могутъ подлежать давности, по исключенію, но къ которымъ вообще не примѣняется даже понятіе о правѣ собственности. Напр. законодательство указываетъ на свободныхъ людей и постановляетъ, что они не не могутъ быть обращены въ крѣпостныхъ по давности владѣнія (141): но свободные люди никакимъ способомъ не могутъ сдѣлаться предметомъ права собственности. Постановленіе законодательства, впрочемъ, вызвано дѣйствительною жизнію. Въ дѣйствительности нерѣдко встрѣчаются искушенія примѣнить понятіе о правѣ собственности и къ свободѣ людей, нерѣдко встрѣчаются случаи, что свободные люди *фактически* со-

(141) Тамъ-же, ст. 478.

стоятъ въ чьемъ-либо владѣніи наравнѣ съ крѣпостными людьми и впослѣдствіи уравниваются съ ними или по-крайней-мѣрѣ дѣлаются попытки уравнять ихъ и *юридически*. Такіе-то случаи и побудили законодательство въ-особенности указать, что свободные люди не пріобрѣтаются въ крѣпостное право и по давности (142). Еще указываетъ законодательство на *межи генеральнаго межеванія*, какъ на предметы, не подлежащіе давности (143). Что-значитъ это опредѣленіе законодательства? *Межа* составляетъ идеальную линію, разграничивающую два поземельные участка; *межою* называется также знакъ, обозначающій эту границу, направленіе линіи. Что касается до грани, самой линіи идеальной, то, конечно, понятіе о давности не примѣняется къ ней: идеальная линія не вещь. Что-же касается до межи въ смыслѣ знака, то она составляетъ или государственную, или частную собственность: но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ основанія, почему-бы не допустить къ межевому знаку примѣненіе давности, развѣ только именно можно указать на это опредѣленіе законодательства, что межевые знаки не подлежатъ давности. Но случаи завладѣнія межевымъ знакомъ, конечно, весьма рѣдки, ибо самое завладѣніе представляетъ слишкомъ мало интереса, и едва-ли законодательство имѣетъ въ виду это завладѣніе, а смыслъ постановленія заключается, кажется, въ слѣдующемъ. При производствѣ генеральнаго межеванія, какъ и межеванія спеціальнаго, дачи обводятся межею, которая означается на межевомъ планѣ и въ межевой книгѣ, и вотъ законодательство постановляетъ, что если землевладѣлецъ будетъ считать межею поземельнаго участка не межу, установленную по генеральному межеванію, а другую черту, и вслѣдствіе того будетъ владѣть поземельнымъ участкомъ, ему не принадлежащимъ, то хотя-бы съ этимъ владѣніемъ были соединены всѣ условія давностнаго владѣнія, межа гене-

(142) Въ-особенности указываетъ законодательство на вольноотпущенныхъ, военноплѣнныхъ, выходцевъ изъ-за границы и бѣглыхъ.

(143) Св. зак. гр. ст. 478 (Прод. VI).

ральнаго межеванія все-таки не измѣняется, по давности не переходитъ. Это не значитъ, что поземельный участокъ, лежащій за чертою генеральнаго межеванія, не можетъ быть пріобрѣтенъ по давности: если оказываются всѣ условія давностнаго владѣнія относительно этого участка, то онъ можетъ быть пріобрѣтенъ въ собственность по давности, точно такъ-же, какъ можетъ быть пріобрѣтенъ въ собственность по передачѣ (напр. на основаніи купли-продажи, дарепія и т. д.), только-что границы дачи по генеральному межеванію не измѣняются. Практика паша, на основаніи опредѣленія о неподлежательности межи генеральнаго межеванія давности, иногда хочетъ, правда, совершенно устранить давность относительно поземельныхъ участковъ за межею, но это неосновательно: мысль законодательницы была та, чтобы, по затруднительности генеральнаго межеванія, устранить измѣненіе его межи; но этимъ не устраняется пріобрѣтеніе его въ собственность другими способами. Итакъ, еслибы лицо стало утверждать, что поземельный участокъ составляетъ его собственность потому, что лицо постоянно считало границу этого участка межею своей сосѣдней дачи по генеральному межеванію, тогда-какъ межа эта ближе, то на этомъ только основаніи поземельный участокъ за межею нельзя признать собственностію лица, ибо межи генеральнаго межеванія не подлежатъ давности, но если владѣніе поземельнымъ участкомъ, находящимся за чертою генеральнаго межеванія, представляетъ всѣ условія давностнаго владѣнія, то и поземельный участокъ пріобрѣтается въ собственность по давности.

Если всѣ условія давностнаго владѣнія на лицо, то, по истеченіи десятилѣтняго срока, право собственности по вещи, подлежавшей давностному владѣнію, пріобрѣтается само собою. Но обыкновенно пріобрѣтеніе права собственности по давности не обнаруживается немедленно: въ дѣйствительности, если пріобрѣтается право собственности по давности, то оно не *укрѣпляется* даже и тогда, когда касается имущества недвижи-

маго, а лицо по-прежнему продолжаетъ владѣть, пользоваться и распоряжаться вещью, какъ и до истеченія давностнаго срока, и только вслѣдствіе какого-либо столкновенія съ общественною властію, когда ей приходится дать какое-либо постановленіе о вещи, напр. по-случаю отчужденія недвижимаго имущества со-стороны давностнаго владѣльца, или по-случаю спора о его правѣ собственности со-стороны прежняго хозяина, право собственности *признается* пріобрѣтеннымъ по давности. Такъ обыкновенно бываетъ. Но можетъ быть и иначе, особенно по-отношенію къ имуществу недвижимому, по которому право собственности въ другихъ случаяхъ всегда укрѣпляется, тогда-какъ право собственности по движимому имуществу не нуждается въ укрѣпленіи. Лицо, пріобрѣтшее по давности право собственности на движимое имущество, можетъ обратиться къ надлежащему судебному мѣсту, представить докательства, что всѣ условія давностнаго владѣнія въ данномъ случаѣ соблюдены, и просить признанія за нимъ права собственности, акта о пріобрѣтеніи имущества. Но такая просьба давностнаго владѣльца повседетъ его къ процессу съ прежнимъ собственникомъ, котораго, конечно, судебное мѣсто должно увѣдомить о притязаніи давностнаго владѣльца, должно спросить, не имѣетъ-ли собственникъ привести какихъ-либо опроверженій противъ доказательствъ давностнаго владѣльца. Понятно, что давностный владѣлецъ, совершенно свободно и безпрепятственно распоряжающій вещью, развѣ по исключенію захочетъ навязать себѣ безъ надобности тѣ неудобства и непріятности, которыя сопровождаютъ каждый процессъ. Поэтому-то и бываетъ, какъ уже сказано, что только по особымъ какимъ-либо обстоятельствамъ заходитъ дѣло о признаніи пріобрѣтенія права собственности по давности со стороны общественной власти.

§ 20.

Способомъ пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія представляется также *добыча*, подъ которою раз-

умѣется отнятіе вещей у непріятеля съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, принятыхъ въ международномъ правѣ и установленныхъ въ положительномъ законодательствѣ (144). *Добычею* называются также и самыя вещи, отнятыя у непріятеля. Обыкновенно ученіе о добычѣ вносится въ область международнаго права, на томъ основаніи, что право войны составляетъ существенную составную часть этого предмета, а право войны опредѣляетъ между-прочимъ и права воюющаго на имущество, захваченное у противника. Но такъ-какъ добыча представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности, то существо ея должно быть разсмотрѣно также и въ гражданскомъ правѣ. Намъ приходится поэтому обратить вниманіе на лица, которыя захватываютъ добычу, на вещи, подлежащія захвату, на лица, у которыхъ отнимаются вещи, и наконецъ, еще на нѣкоторыя условія, отъ соблюденія которыхъ зависитъ правомѣрность добычи и ея дѣйствительность, какъ способа пріобрѣтенія права собственности. Что касается до лицъ, которымъ предостовляется пріобрѣтать добычу, то законодательство наше, согласно началамъ международнаго права, предоставляетъ право пріобрѣтенія добычи членамъ войска (145). Но подъ членами войска разумѣются не всѣ лица, извѣстныя въ международномъ правѣ подъ именемъ комбатантовъ, т.-е. лица, снабженныя оружіемъ и принимающія непосредственное участіе въ войнѣ (146). Такъ, ни врачи, ни аудиторы, ни коммиссаріатскіе чиновника и т. д. не считаются субъектами добычи, т.-е. не могутъ захватывать вещи непріятеля и пріобрѣтать надъ ними право собственности. Но по особому распоряженію общественной власти, или по ея полномочію, и не комбатанты получаютъ иногда право пріобрѣтать добычу. Такъ, когда всѣ граждане призываются къ участію въ войнѣ, то всѣмъ имъ

---

(144) Добыча морская, т.-е. пріобрѣтаемая въ морской войнѣ, называется также *призомъ*.

(145) Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 378, п. 2, 5, 16, 17.

(146) *Heffter*, Das Europ. Völkerrecht (Berlin, 1844), стр. 211—213.

предоставляется право пріобрѣтать добычу. Или, что чаще бываетъ, всѣ граждане не призываются къ участію въ войнѣ, а только нѣкоторымъ лицамъ, принадлежащимъ къ войску, дозволяется принимать въ ней участіе, которое преимущественно и выражается именно въ захватѣ имущества непріятеля (147). Напр. во время морской войны нерѣдко предоставляется частнымъ лицамъ снаряжать суда и захватывать непріятельскіе корабли, какъ военные, такъ и частные (148). Предметъ добычи составляютъ только вещи движимыя, недвижимыя-же не подлежатъ добычѣ, а *завоеванію*, и обсуживаются иначе (149). Добыча, такимъ образомъ, состоитъ преимущественно въ оружіи, платьѣ, деньгахъ и т. п., добыча-призъ—въ кораблѣ и вещахъ, находящихся на немъ, въ-особенности въ товарахъ. Но для понятія добычи существенно только, чтобы вещь была *захвачена* у непріятеля, а нѣтъ надобности, чтобы вещь была *собственностію* непріятеля: не только вещи государства нейтральнаго, находящіяся у непріятеля, но и вещи, принадлежавшія прежде тому самому государству, которое производитъ захватъ, но отнятыя у него противною воюющею стороною, могутъ составлять предметъ добычи, только-что относительно послѣднихъ требуется истеченіе извѣстнаго (суточнаго) срока нахожденія вещей въ рукахъ непріятеля для того, чтобы вещи эти могли быть признаны добычею, а не собственностію ихъ прежняго хозяина (150). Что касается до лицъ, у которыхъ предоставляется захватывать добычу, то слѣдовало-бы дозволять захватъ ея только у комбатантовъ (151), подобно тому, какъ комбатантамъ только предоставляется захватывать добычу; всякую-же вещь, отнятую у не комбатанта, не должно-бы признавать за-

(147) Тамъ-же, стр. 227, 228, 232.

(148) Такія лица называются *арматорами* или *каперами*.

(149) Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 378, п. 2, 8. *Heffter.* стр. 220, 221, 307—310.

(150) Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 378, п. 3, 10.

(151) Конечно, также и у всѣхъ тѣхъ, на которыхъ распространяется понятіе комбатантовъ, хотя они собственно и не принадлежатъ къ войску, именно у арматоровъ.

конною добычею. Но правило это до-сихъ-поръ еще не получило всеобщаго признанія въ международной практикѣ, и обыкновенно въ положительныхъ законодательствахъ отдѣльныхъ Европейскихъ государствъ, а также и въ нашемъ законодательствѣ понятіе добычи не принимается такъ тѣсно. Оно не ограничивается вещами, находящимися въ рукахъ комбатантовъ, но обнимаетъ всѣ вещи, находящіяся при войскѣ, въ лагерѣ или крѣпости. Оно распространяется, далѣе, не только на вещи, отнятыя у войска, но и на все имущество правительства, отнятое у непріятеля; напр. если войско вступаетъ въ непріятельскій городъ и захватываетъ тамъ казенныя суммы, то эти суммы считаются добычею (152). Наконецъ, иногда понятіе добычи распространяется на все движимое имущество непріятеля, или по-крайней-мѣрѣ на все имущество, находящееся въ извѣстномъ городѣ: тогда дозволяется захватывать добычу у каждаго лица, принадлежащаго воюющей державѣ, или по-крайней-мѣрѣ, и это чаще бываетъ, у каждаго лица, живущаго въ извѣстномъ городѣ (153). Въ-особенности при морской войнѣ понятіе добычи очень распространено: тогда-какъ при войнѣ сухопутной отнятіе вещей у частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ войску, считается непозволительнымъ и разрѣшается только въ рѣдкихъ случаяхъ, при войнѣ морской обыкновенно дозволяется захватъ купеческихъ кораблей непріятеля. Но при извѣстныхъ условіяхъ вещи захватываются также и у нейтральнаго и признаются законною добычею: именно, когда нейтральный совершаетъ какое-либо дѣйствіе, которое считается нарушеніемъ нейтралитета, напр. когда провозитъ контрабанду, когда старается проникнуть въ непріятельскую крѣпость

---

(152) Но здѣсь понятіе о добычѣ переходитъ уже въ понятіе о завоеваніи: если войско вступаетъ въ непріятельскій городъ и ему представляется возможность захватить казну, то этотъ захватъ соединяется большею частію съ завоеваніемъ самаго города и уже вслѣдствіе завоеванія города переходитъ къ непріятельскому правительству (*Heffter*, Das Europ. Völkerrecht, стр. 220, 221).

(153) *Heffter*, стр. 221 — 223.

или гавань, состоящую въ блокадѣ, и т. п. (154). Нейтральный, нарушающій нейтралитетъ, разсматривается, какъ непріятель. Наконецъ, законодательство установляетъ еще нѣкоторыя принадлежности относительно самаго пріобрѣтенія добычи. Такъ, по самому существу добычи, какъ способа пріобрѣтенія права собственности на вещи непріятеля, требуется фактическій переходъ вещи изъ рукъ непріятеля въ руки комбатанта (155), требуется захватъ, почему и самая добыча называется также *захватомъ*. Это-то условіе и характеризуетъ именно добычу, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія. Но одного захвата нѣкоторыя законодательства не считаютъ достаточнымъ для пріобрѣтенія права собственности на захваченной вещи, а требуютъ еще, чтобы въ-теченіе извѣстнаго времени вещь находилась въ рукахъ захватившаго, только-что условіе это въ различныхъ положительныхъ законодательствахъ опредѣляется неодинаково: иныя законодательства требуютъ, чтобы вещь была принесена въ безопасное мѣсто, другія, чтобы въ-теченіе извѣстнаго времени (обыкновенно однѣхъ сутокъ) она только была въ рукахъ захватившаго (156). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется даже признаніе законности добычи со стороны общественной власти, и тогда только она становится собственностію захватившаго. Такъ, корабль, захваченный у непріятеля, признается призомъ и становится собственностію захватившаго нешаче, какъ по опредѣленію призоваго суда, предварительно изслѣдовавшаго законность захвата (157). Это послѣднее условіе соблюдается и у насъ, тогда-какъ о времени владѣнія захваченною вещью наше законодательство ничего не постановляетъ, а требуетъ только захвата. Наконецъ, указываются еще нѣкоторыя какъ-бы дополнительныя обстоятельства, при которыхъ захваченная

---

(154) Тамъ-же, стр. 252—282. Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 378, п. 10, 3.
(155) Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 378, п. 2, 5.
(156) *Hoeffter*, das Europ. V.-recht, стр. 230, not. 3, 4.
(157) Тамъ-же, ст. 233.

вещь становится добычею: вещь должна быть отнята вооруженною рукою или дозволенною военною хитростію, должна быть отнята у человѣка вооруженнаго, имѣющаго возможность защищаться, поэтому не отнимается добыча у плѣннаго и раненнаго и т. д. (158).

Добыча, соотвѣтствующая установленнымъ принадлежностямъ, составляетъ или собственность лица захватившаго, или собственность государства, которому принадлежитъ это лицо, такъ-что добыча представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности какъ для частнаго лица, такъ и для государства. Иные полагаютъ даже, что во всякомъ случаѣ добыча есть собственность государства, потому-что отдѣльное лицо, завладѣвшее добычею, есть ни что иное, какъ только орудіе государства. И дѣйствительно, въ наше время война представляется отношеніемъ между государствами, отдѣльныя-же граждане воюющихъ державъ непосредственно не состоятъ между собою ни въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ, а принимаютъ участіе въ войнѣ только какъ орудія правительства и только въ этомъ качествѣ прикосновенны праву войны. Далѣе, самое основаніе добычи въ наше время не то, что непріятель считается чуждымъ всякихъ правъ, какъ было въ древнее время, а добыча допускается въ томъ смыслѣ, что захватомъ вещей непріятель лишается средствъ къ веденію войны и тѣмъ облегчается разрѣшеніе спорнаго вопроса. Наконецъ, не смотря на то, что законодательство даетъ опредѣленіе о добычѣ, правительству (начальнику арміи или отряду) въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется разрѣшать или не разрѣшать захватъ добычи. Оказывается такимъ образомъ, что взглядъ на добычу, какъ на собственность государства, болѣе соотвѣтствуетъ современному воззрѣнію на войну. Отъ государства, конечно, зависитъ уже удержать добычу въ своей собственности, или предоставить ее тѣмъ лицамъ, которыя ею завладѣли, и въ

(158) Св. зак. гр. *прил.* къ ст. 378, п. 5, 6, 12.

большей части случаевъ, разумѣется, государство сочтетъ болѣе благоразумнымъ предоставить добычу захватившимъ ее лицамъ, чтобы поощрить тѣмъ военные подвиги. Опредѣленія нашего законодательства о добычѣ сообразны этому: оно вообще называетъ добычу имуществомъ государственнымъ (159), слѣдов. признаетъ ее собственностію государства; но только немногіе предметы удерживаетъ государство за собою, большею-же частію добыча предоставляется въ собственность лица захватившаго. Такъ, только военные припасы и снаряды и деньги, захваченныя въ непріятельскихъ казначействахъ и общественныхъ заведеніяхъ, остаются собственностію государства, всѣ-же прочія вещи предоставляются въ собственность лица захватившаго (160). Еще менѣе присвоиваетъ себѣ государство въ морской войнѣ: всѣ призы почитаются добычею тѣхъ лицъ, которыя ими завладѣли. Адмиралтейству предоставляется, правда, взять въ свое распоряженіе каждый захваченный корабль съ его снастями и находящимися на немъ военными снарядами и припасами, но не иначе какъ за вознагражденіе, сообразное стоимости захваченнаго корабля и находящихся на немъ воинскихъ снарядовъ и припасовъ (161). Добыча, особенно морская, захватывается обыкновенно нѣсколькими лицами: въ тѣхъ случаяхъ, когда она предоставляется въ собственность частныхъ лицъ, захватившихъ добычу, она дѣлается сначала ихъ общею собственностію и потомъ раздѣляется между хозяевами, по особо установленнымъ на то правиламъ, соразмѣрно званію (рангу) лицъ, участвовавшихъ въ захватѣ добычи (162).

§ 21.

Въ Римскомъ правѣ способомъ пріобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія представляется еще *спе-*

(159) Св. зак. гр. ст. 378.
(160) Тамъ-же, *прил.* къ ст. 378, п. 7.
(161) Тамъ-же, п. 13, 14.
(162) Тамъ-же, п. 13.

цификація (specificatio): при извѣстныхъ условіяхъ вещь становится собственностію лица, которое переработываетъ ее, измѣняетъ ея форму, такъ-что съ изготовленіемъ издѣлія связывается переходъ права собственности и слѣдовательно изготовленіе, спецификація становится способомъ его пріобрѣтенія. Именно, въ Юстиніановомъ законодательствѣ встрѣчается такое опредѣленіе: когда лицо изъ чужаго матеріала приготовитъ какое-либо издѣліе, вещь, то если вещь эта можетъ быть обращена въ прежнюю форму, она составляетъ собственность хозяина матеріала. а если прежнюю форму вещи нельзя возстановить, то спецификантъ становится ея собственникомъ и обязывается вознаградить хозяина матеріала за нарушеніе его права собственности (163). И поэтому напр. серебряникъ, выдѣлавшій изъ чужаго серебра посуду, не пріобрѣтаетъ права собственности на серебро и не становится хозяиномъ посуды, потому-что серебро, употребленное на посуду, можно перелить въ прежнюю форму, и собственникъ серебра становится собственникомъ посуды; а напр. портной, приготовившій одежду изъ чужаго сукна, становится хозяиномъ одежды, т. е. пріобрѣтаетъ на сукно право собственности, потому-что изрѣзанное сукно нельзя привести къ прежнему виду, только что портной обязывается вознаградить хозяина сукна. Такъ разрѣшилъ императоръ Юстиніанъ знаменитый въ Римскомъ правѣ споръ между двумя школами относительно спецификаціи. Одна изъ этихъ школъ разсуждала, что форма, которую получаетъ матеріалъ, несущественна для опредѣленія по матеріалу права собственности, ибо во всякомъ случаѣ матеріалъ имѣетъ какую-либо форму и господство надъ вещью означаетъ господство надъ матеріаломъ, а не надъ формою. Сообразно этому юристы, послѣдователи этой школы, полагали, что если издѣліе изготовлено изъ чужаго матеріала, то право собственности и по издѣлію должно быть признано за хозяиномъ матеріала. Другая

(163) Inst. L. II, t. 2, § 25.

школа, напротивъ, разсуждала, что въ издѣліи существенъ трудъ человѣческій, но трудъ проявляется именно въ формѣ, которая дается вещи. Напр. изъ сукна изготовлена одежда: понятіе о матеріалѣ, изъ котораго сдѣлана одежда, дѣло второстепенное, а существенно то, что является одежда—вещь, удовлетворяющая извѣстной человѣческой потребности. Поэтому юристы, послѣдователи другой школы, полагали, что собственникомъ издѣлія должно признавать спецификанта, автора издѣлія, только-что онъ обязанъ вознаградить хозяина за лишеніе его собственности (164). Но рѣшеніе Юстиніана и заимствованное отъ него правило новѣйшаго Римскаго права чуждо строгой юридической послѣдовательности и матеріально-несправедливо. Оно чуждо послѣдовательности права, потому-что хотя матеріалъ, употребленный на издѣліе, и испорченъ, но юридическое господство надъ матеріаломъ остается неприкосновеннымъ. Возможность или невозможность обратить матеріалъ, употребленный на издѣліе, въ прежнюю форму—это обстоятельства совершенно случайныя, неимѣющія никакого значенія въ области права, и слѣдовательно не могутъ обусловливать юридическихъ опредѣленій, ибо только юридическое различіе въ состояніи произвести различіе въ юридическомъ разрѣшеніи данныхъ случаевъ Матеріально-несправедливо рѣшеніе потому, что производитъ неравенство: въ одномъ случаѣ признается за спецификантомъ право собственности, а въ другомъ не признается, тогда-какъ данныя, условія юридическія въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ-же: въ одномъ случаѣ употребляется чужой матеріалъ и въ другомъ употребляется чужой матеріалъ, въ одномъ случаѣ прилагается трудъ и въ другомъ прилагается трудъ. Правда, въ одномъ случаѣ представляется возможность установить такой порядокъ, какъ будто-бы спецификаціи не было, въ другомъ случаѣ нѣтъ этой возможности. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Отнюдь не то, что во второмъ случаѣ са-

(164) *Gaji*, Inst. II, 79.

мое право собственности хозяина матеріала должно быть отвергнуто, не признано, напротивъ тогда-то въ-особенности и нужно отстоять право собственности, когда наносится ему такой сильный ударъ. Право собственности хозяина матеріала представляется только нарушеннымъ, а не прекратившимся, и какъ нарушеніе всякаго другаго права, нарушеніе права собственности хозяина матеріала даетъ ему право на вознагражденіе со-стороны спецификанта за тѣ убытки, которые понесены имъ отъ самовольнаго употребленія матеріала на издѣліе, а если нѣтъ убытка, то нѣтъ и права на вознагражденіе. Оказывается такимъ образомъ, что, по строгой послѣдовательности права, спецификація не составляетъ способа пріобрѣтенія права собственности, а можетъ вести къ нему только по особому опредѣленію законодательства, или по обычаю. Но ни опредѣленія такого въ законодательствѣ, ни обычая нѣтъ у насъ, и поэтому мы, основываясь на юридическихъ началахъ, на самомъ понятіи о правѣ собственности, не признаемъ спецификацію способомъ его пріобрѣтенія. Но слышится нерѣдко и противное мнѣніе, и даже нѣкоторые юристы отстаиваютъ спецификацію, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. Они имѣютъ въ виду, что трудъ, искусство, какъ это и бываетъ дѣйствительно, нерѣдко берутъ перевѣсъ надъ матеріаломъ, и поэтому больно отказать спецификанту въ правѣ собственности на произведеніе труда. Напр. изъ чужаго мрамора изваяно художественное произведеніе: кусокъ мрамора самъ по себѣ представляетъ незначительную цѣнность, но какъ статуя, онъ, можетъ быть, предметъ неоцѣнимый. Какъ-же, говорятъ, не обратить вниманіе на эту перемѣну, произведенную въ мраморѣ ваяніемъ, а сухо и холодно отзываться, что право собственности принадлежитъ хозяину мрамора? И вотъ юристы стараются найдти какое-либо юридическое основаніе для признанія права собственности за спецификантомъ и въ-особенности нерѣдко полагаютъ это основаніе въ оккупаціи, утверждаютъ, что съ измѣненіемъ формы матеріала является новая

вещь, никому непринадлежащая; спецификантъ завладѣваетъ этою вещью и чрезъ то содѣлывается ея собственникомъ. Но какъ ни похвально воздать должное труду, какъ ни обидно подчинить право художника праву хозяина матеріала, съ юридической точки зрѣнія все-таки должно сказать, что собственникъ матеріала остается собственникомъ его, какой-бы видъ ни принялъ матеріалъ. Много такихъ случаевъ, въ которыхъ строгая послѣдовательность права расходится съ соображеніями другаго рода, много такихъ случаевъ, въ которыхъ безусловное служеніе правдѣ требуетъ матеріальныхъ пожертвованій, равнодушія къ дарованіямъ: право сурово и различія, имѣющія значеніе въ области труда, вкуса, иногда совершенно ничтожны въ области права. Я не полагаю даже, чтобы для опредѣленія юридическаго значенія спецификаціи слѣдовало допустить *естественную* справедливость, отличную отъ строгой *юридической* послѣдовательности: и по естественной справедливости должно сказать, что хозяинъ матеріала также и хозяинъ издѣлія, изготовленнаго изъ матеріала. Еслибы хозяинъ матеріала вздумалъ извлекать какія-либо выгоды изъ случившейся съ матеріаломъ перемѣны, то справедливость требуетъ, конечно, дать вознагражденіе, когда хозяинъ матеріала не извлекаетъ выгодъ изъ спецификаціи.

§ 22.

СПОСОБЫ ПРІОБРѢТЕНІЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НЕЗАВИСИМО ОТЪ ВЛАДѢНІЯ.

Сюда относятся: *пользованіе*, *приращеніе* и *смѣшеніе*.

Право пользованія вещью, отдѣльное отъ права собственности, когда состоитъ преимущественно въ употребленіи произведеній вещи, рождаетъ для пользователя право собственности на эти произведенія: такъ, когда лицу предоставляется право пользованія землею, фруктовымъ садомъ, лицо пріобрѣтаетъ

право собственности на произведеніе земли, на плоды сада (165). Такое пріобрѣтеніе права собственности на произведенія вещи со-стороны пользователя объясняется такъ: право пользованія состоитъ въ употребленіи плодовъ вещи, а плоды ея вещи потребляемыя, потребленіе-же предполагаетъ право уничтоженія вещи, но право уничтоженія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ правомъ собственности, слѣдов. въ самомъ правѣ пользованія заключается уже право собственности на плоды. Другое дѣло, когда лицу принадлежитъ право пользованія по такой вещи, которая сама собою удовлетворяетъ какой-либо потребности, независимо отъ приносимыхъ ею плодовъ: тогда пользованіе не направляется къ пріобрѣтенію права собственности на произведенія вещи; такъ, право пользованія животными, крѣпостными людьми не ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности на ихъ приплодъ. Но и въ этомъ случаѣ законодательство, имѣя въ виду, что право пользованія естественно ведетъ къ праву собственности на произведенія вещи, полагаетъ извѣстный (годовой) срокъ, въ-теченіе котораго собственникъ вещи, предоставленной въ пользованіе, можетъ требовать отъ пользователя выдачи приплода (166). Только на приплодъ крѣпостной женщины не распространяется этотъ срокъ, и сколько-бы времени она ни находилась въ пользованіи стороняго лица, все-таки дѣти ея принадлежатъ ея господину (или господину ея мужа), ибо юридическія отношенія крѣпостныхъ людей опредѣляются не однимъ гражданскимъ правомъ, но и правомъ государственнымъ, правомъ состояній. Равнымъ образомъ, право пользованія не ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности

(165) Съ правомъ пользованія соединяется нерѣдко и право владѣнія, но все-таки мы считаемъ пользованіе способомъ пріобрѣтенія права собственности безъ посредства владѣнія, ибо пользованіе возможно и безъ владѣнія. И даже тогда, когда пользованіе вещью, доставляющее право собственности на ея произведенія, соединяется съ владѣніемъ, все-таки не владѣніе даетъ это право собственности, а именно пользованіе, тогда-какъ напр. при давности именно владѣніе составляетъ основаніе пріобрѣтенія права собственности по вещи со стороны давностнаго владѣльца.

(166) Св. зак. гр. ст. 399.

на *гражданскіе плоды*: хотя и по нимъ пользователь пріобрѣтаетъ иногда право собственности, но по передачѣ, а не по праву пользованія. Напр. лицу предоставлено право пользованія домомъ и лицо осуществляетъ свое право тѣмъ, что отдаетъ домъ въ наймы: лицо получаетъ за то извѣстную наемную плату и, конечно, становится собственникомъ денегъ, но не потому, что лицу предоставлено пользованіе домомъ, а по передачѣ ему денегъ отъ нанимателя. Можетъ казаться, что и пріобрѣтеніе права собственности на естественныя произведенія вещи со-стороны пользователя слѣдуетъ сводить къ передачѣ, ибо можно сказать, что какъ-скоро пользованіе вещью состоитъ въ употребленіи ея произведеній, то собственникъ, предоставляя стороннему лицу пользованіе вещью, тѣмъ самымъ передаетъ ему право собственности на ея произведенія. Но дѣло въ томъ, что передача по самому существу своему можетъ имѣть мѣсто лишь въ-отношеніи къ вещамъ, уже существующимъ въ моментъ передачи, пользованіе-же нерѣдко ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности по такимъ вещамъ, которыя еще не существуютъ въ моментъ установленія права пользованія. Напр. раннею весною предоставляется фруктовый садъ въ пользованіе: осенью пользователь пріобрѣтаетъ право собственности на плоды, но во время установленія права пользованія плодовъ еще нѣтъ. Спрашивается однако, съ какого-же момента пользователь пріобрѣтаетъ право собственности на произведенія вещи? Пока плодъ соединенъ съ самою вещью, которая даетъ его, онъ составляетъ часть ея и, какъ часть, принадлежитъ собственнику вещи. Слѣдов. пользователь пріобрѣтаетъ право собственности на плодъ только тогда, когда плодъ становится самостоятельною вещью. И такъ, моментъ отдѣленія плода отъ вещи, которая приноситъ его, есть моментъ пріобрѣтенія права собственности на плодъ со стороны пользователя, все равно, произойдетъ-ли это отдѣленіе само собою (напр. плодъ упадетъ съ дерева), или оно произойдетъ при участіи пользователя.

§ 23.

Между различными видами имуществъ, установляемыми нашимъ законодательствомъ, встрѣчается дѣленіе ихъ на *главныя* и *принадлежностныя* (167). Практическое значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что вещь принадлежностная обсуживается, какъ главная, судьба ея слѣдуетъ судьбѣ послѣдней. И такимъ образомъ, если вещь, принадлежащая извѣстному собственнику, присоединается къ другой вещи, принадлежащей другому собственнику, и получаетъ значеніе ея принадлежности, то собственникъ главной вещи, къ которой присоединяется другая, какъ принадлежность, пріобрѣтаетъ право собственности надъ этою принадлежностною вещью, конечно, съ вознагражденіемъ ея хозяина, если только есть возможность опредѣлить какъ самое право собственности на присоединяющейся вещи, такъ и вознагражденіе за присоединеніе. Но, разумѣется, не каждое присоединеніе одной вещи къ другой, какъ принадлежности къ главной, ведетъ къ пріобрѣтенію права собственности на принадлежность для хозяина главной вещи, а только такое присоединеніе, которое не можетъ быть тотчасъ-же уничтожено, которое, разъ совершившись, оставляетъ свой слѣдъ и не прекращается безъ извѣстной перемѣны установившихся отношеній. Такъ нельзя признать пріобрѣтенія права собственности, напр. когда птица будетъ посажена въ чужую клѣтку, ружье уложено въ чужой футляръ и т. п., ибо въ этихъ случаяхъ присоединеніе принадлежности можно немедленно уничтожить и не останется отъ него никакого слѣда. Но когда напр. чужое зеркало вставлено въ стѣну и нельзя его вынуть безъ поврежденія стѣны, то за хозяиномъ дома признается пріобрѣтеніе права собственности на зеркало. Этотъ способъ пріобрѣтенія права собственности называется *приращеніемъ*. Обыкновенно различаются три вида приращенія

(167) Св. зак. гр. ст. 355—360.

и каждый видъ разсматривается отдѣльно: 1) приращеніе недвижимаго имущества къ недвижимому, 2) приращеніе движимаго имущества къ недвижимому и 3) приращеніе движимаго имущества къ движимому.

1) *Приращеніе недвижимаго имущества къ недвижимому.* Сюда относятся обыкновенно слѣдующіе случаи, хотя и не въ каждомъ изъ нихъ представляется приращеніе: а) *увеличеніе прибрежнаго поземельнаго участка отъ примыванія земли* (alluvio): часть поземельнаго участка, составляющая приращеніе, образуется изъ множества различныхъ земляныхъ частицъ, на происхожденіе которыхъ указать трудно или даже невозможно. Частицы эти, конечно, существовали и прежде и, строго говоря, подлежали праву собственности какого-либо лица, но въ дѣйствительности вопросъ о правѣ собственности возникаетъ только тогда, когда отдѣльныя земляныя частицы образуютъ изъ себя сплошную массу, поземельный участокъ, и тогда право собственности приписывается собственнику той дачи, къ которой прирастаетъ поземельный участокъ, и приписывается независимо отъ всякаго завладѣнія, по приращенію (168). *Увеличеніе прибрежнаго поземельнаго участка отъ обнаженія воднаго пространства:* вода измѣняетъ свое вмѣщеніе, напр. рѣка измѣняетъ русло, озеро отступаетъ отъ береговъ, дно воднаго пространства вслѣдствіе того обнажается и прибрежный поземельный участокъ увеличивается. Но если водное пространство составляетъ собственность прибрежнаго владѣльца, то приращеніе его дачи отъ обнаженія дна воды вовсе не представляетъ пріобрѣтенія права собственности, ибо право собственности по прирастающему пространству существовало и прежде, но только пространство это было покрыто водою. Если водное пространство принадлежитъ другому лицу и происходитъ указанное явленіе, то также нельзя допустить, чтобы перемѣна въ помѣщеніи воды влекла за собою перемѣну въ

(168) Тамъ-же, ст. 396.

правѣ собственности, по-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакой необходимости признавать обнажающуюся землю собственностію прибрежнаго владѣльца по приращенію, развѣ по прямому указанію законодательства. Такъ, когда водное пространство, напр. судоходная рѣка принадлежитъ государству, то, по опредѣленію законодательства (169), обнажающееся дно пріобрѣтается прибрежнымъ собственникомъ по такъ-называемому *береговому праву* т. е. по приращенію: само государство отступается отъ права собственности на обнажающееся дно воды и не требуетъ себѣ за то никакого вознагражденія, потому-что государству для его цѣлей нужна самая масса воды, а не дно ея. Послѣ этого легко опредѣлить юридическія отношенія, возникающія съ перемѣною теченія рѣки. Въ-особенности обращаетъ на себя вниманіе тотъ случай, когда рѣка составляетъ границу двухъ дачъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ, такъ-что по одну сторону рѣки земля принадлежитъ одному лицу, а по другую другому. Тогда, если рѣка измѣняетъ теченіе, обращаетъ русло свое въ правую или въ лѣвую сторону, очевидно, она уже перестаетъ быть смежною и становится собственностію того прибрежнаго владѣльца, чрезъ дачу котораго пролагаетъ новое теченіе. Но для владѣльца противоположной дачи представляется обнаженіе берега: если рѣка принадлежала ему, то онъ становится собственникомъ обнаженнаго русла рѣки; если-же рѣка принадлежала другому собственнику, то дача перваго только перестаетъ быть прибрежною. То-же самое должно сказать, когда рѣка несовершенно измѣняетъ теченіе, а только нѣсколько отходитъ отъ одного берега и вдается въ другой. Но чаще бываетъ, что если рѣка составляетъ границу двухъ дачъ, то межу составляетъ линія, проходящая посреднѣ теченія рѣки: тогда, при перемѣнѣ теченія рѣки, обнажающееся дно до этой линіи признается собственностію прибрежнаго владѣльца (170). Спрашивается только, какой-же мо-

(169) Тамъ-же, ст. 397.
(170) Тамъ-же, ст. 396.

ментъ времени взять для опредѣленія линіи, проходящей чрезъ средину рѣки, какъ границы между противуположными прибрежными дачами? Русло нашихъ рѣкъ измѣняется очень часто, а граница должна быть неизмѣнна. По производствѣ генеральнаго межеванія, межи его установлено принимать на будущее время за неизмѣнное основаніе для опредѣленія величины дачи (171). Но если рѣка служила границею между двумя дачами, то при производствѣ генеральнаго межеванія не опредѣлялось прежнее теченіе рѣки, а принималось именно то теченіе, которое имѣла рѣка въ то время, и линія, проходящая чрезъ средину теченія, назначалась границею (172). Поэтому, если рѣка составляла границу между дачами при производствѣ генеральнаго межеванія, то моментъ производства генеральнаго межеванія и опредѣляетъ пограничную линію, т. е. линія, значущаяся на планѣ генеральнаго межеванія, должна служить неизмѣнною границею. Но если при производствѣ генеральнаго межеванія рѣка не служила границею двухъ дачъ, а по обѣ стороны ея была дача одного собственника и раздѣлена только впослѣдствіи, при чемъ границею назначена рѣка, то для опредѣленія пограничной линіи должно взять то теченіе рѣки, которое имѣла она при раздѣленіи поземельнаго участка. с) *Къ прибрежному поземельному участку пристаетъ полоса земли, оторванная силою воды отъ чужаго участка.* Но при этомъ не происходитъ никакой перемѣны въ правѣ собственности, ибо есть возможность услѣдить за движеніемъ оторванной полосы земли и сохранить по ней право собственности. Еслибы напр. лодка, привязанная къ кораблю, силою вѣтра была оторвана отъ него и брошена на берегъ, то нѣтъ надобности признавать эту лодку собственностію прибрежнаго владѣльца и она все-таки остается собственностію хозяина корабля. То-же самое должно сказать и о поземельномъ участкѣ, оторванномъ отъ одной

(171) Тамъ-же, ст. 395, 478 (прод. VI).

(172) *Неволина*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 396.

дачи и приставшемъ къ другой: какъ-бы крѣпко ни пристадъ этотъ участокъ къ чужой дачѣ, все-таки право собственности по нему признается неизмѣнившимся, пока оно не будетъ пріобрѣтено какимъ-либо другимъ способомъ, напр. давностію, что въ настоящемъ случаѣ въ-особенности легко. Само собою разумѣется, что не можетъ быть рѣчи объ отторженіи поземельнаго участка отъ дачи, къ которой онъ пристадъ, и объ отводѣ его на прежнее мѣсто, но на новомъ мѣстѣ поземельный участокъ остается собственностію прежняго хозяина. д) *Часть воднаго пространства мелѣетъ и образуется островъ* (insula nata). Право собственности по такому острову опредѣляется правомъ собственности по водному пространству: если водное пространство принадлежитъ одному лицу, то лицо это и становится собственникомъ острова; если-же водное пространство числится за разными лицами, такъ-что линія, проходящая по срединѣ рѣки, составляетъ границу двухъ дачъ, то островъ принадлежитъ тому лицу, въ дачѣ котораго онъ образовался; если-же онъ простирается въ той и другой половинѣ рѣки, то пріобрѣтается обоими собственниками прибрежныхъ дачъ, т.-е. каждый изъ нихъ пріобрѣтаетъ ту часть острова, которая находится въ его половинѣ воднаго пространства (173). Но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ право собственности не пріобрѣтается по приращенію, а прибрежный владѣлецъ потому становится собственникомъ острова, что онъ и прежде былъ собственникомъ воднаго пространства. Другое дѣло, если образуется островъ не отъ обмелѣнія воднаго пространства, а отъ намыванія песку или илу, что̀ также бываетъ: право собственности по такому острову опредѣляется точно также, какъ и въ первомъ случаѣ, но здѣсь оно пріобрѣтается дѣйствительно по приращенію, ибо собственникъ прибрежной дачи до образованія острова не былъ собственникомъ тѣхъ частицъ, изъ которыхъ составился островъ.

---

(173) Тамъ-же, ст. 395.

2) *Приращеніе движимаго имущества къ недвижимому имуществу* представляетъ три вида: а) *застроеніе* (inaedificatio), б) *насажденіе* (plantatio) и в) *засѣвъ* (satio). Всѣ эти виды представляютъ нѣкоторыя общія характеристическія черты: 1) собственникъ имущества прирастающаго не есть въ то-же время собственникъ имущества недвижимаго, къ которому прирастаетъ движимое: ибо, понятно, только при этомъ условіи можетъ быть рѣчь о застроеніи, насажденіи и засѣвѣ, какъ о случаяхъ приращенія, разсматриваемаго въ смыслѣ способа пріобрѣтенія права собственности. 2) Во всѣхъ трехъ видахъ приращенія движимаго имущества къ недвижимому представляется также, что недвижимое имущество считается главнымъ, а движимое принадлежностнымъ, и потому, если пріобрѣтается право собственности по приращенію, то пріобрѣтается собственникомъ имущества недвижимаго. Наконецъ, 3) застроеніе, насажденіе, засѣвъ могутъ быть произведены собственникомъ мѣста, употребляющимъ чужое движимое имущество, или хозяиномъ строеваго матеріала, растеній, сѣмянъ на чужомъ поземельномъ участкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ застроеніе, насажденіе и засѣвъ могутъ быть произведены на основаніи какой-либо сдѣлки между собственникомъ недвижимаго имущества и собственникомъ движимаго, или независимо отъ сдѣлки. Мы будемъ разсматривать только послѣдній случай, ибо въ первомъ юридическія отношенія между собственникомъ недвижимаго имущества и собственникомъ движимаго опредѣляются ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Итакъ, прежде всего скажемъ а) о *застроеніи*. Зданіе, воздвигнутое на землѣ, представляется имуществомъ недвижимымъ, но самый матеріалъ, изъ котораго строится зданіе, представляется имуществомъ движимымъ: этотъ-то матеріалъ мы и имѣемъ въ виду, говоря о застроеніи, какъ способѣ пріобрѣтенія права собственности по приращенію движимаго имущества къ недвижимому. Какъ уже сказано, при застроеніи могутъ встрѣтиться два случая: 1) *собственникъ мѣста строитъ зданіе изъ чужаго матеріала.* Должно сказать,

что собственникъ мѣста становится и собственникомъ зданія, не смотря на то, что оно возведено изъ чужаго матеріала, т.-е. собственникъ мѣста пріобрѣтаетъ по приращенію право собственности на матеріалъ, ибо нѣтъ возможности немедленно разъединить матеріалъ съ мѣстомъ, такъ чтобы разъединеніе не оставило слѣдовъ (174), между-тѣмъ мѣсто, на которомъ воздвигнуто зданіе, дворъ, считается главнымъ имуществомъ, а строеніе, находящееся на немъ, — его принадлежностію — superficies solo cedit (175). Можетъ казаться страннымъ, что зданіе считается принадлежностію мѣста, на которомъ построено, тогда-какъ цѣнностію своею зданіе можетъ превосходить, и часто дѣйствительно превосходитъ цѣнность того клочка земли, на которомъ построено зданіе. Но тѣмъ не менѣе и по нашему и по другимъ законодательствамъ это такъ, что зданіе считается принадлежностію мѣста (176). Притомъ-же можно замѣтить, что въ юридическихъ отношеніяхъ отъ цѣны вещи ничего не зависитъ: цѣна имѣетъ только то вліяніе, что ею обусловливается юридическій интересъ, такъ-что вещь, неимѣющая никакой цѣны, не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ, по-крайней-мѣрѣ каждому имущественному праву существенно имѣть извѣстную цѣну; но какъ-скоро цѣна, интересъ, существуетъ, то этого и довольно, и на величину цѣны не обращается вниманія. Такимъ образомъ и собственникъ мѣста, какъ главной вещи, становится собственникомъ матеріаловъ, употребленныхъ на постройку зданія, хотя-бы зданіе своею цѣнностію и далеко превышало цѣнность мѣста. Но разумѣется, что употребленіе чужаго матеріала составляетъ нарушеніе права собственности хозяина матеріала: поэтому, хозяинъ мѣста обязывается представить ему полное вознагражденіе за убытки и

(174) Мы имѣемъ въ виду именно такія строенія, которыя соединяются съ землею, на которой воздвигнуты, а не такія, которыя не прикрѣпляются къ землѣ и легко могутъ быть перенесены съ одного мѣста на другое, напр. срубы.

(175) Dig. L. 41, t. 1, fr. 7 § 10.

(176) Св. зак. гр. ст. 355—360.

вообще подвергается всѣмъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ нарушеніемъ права, только-что все-таки онъ становится собственникомъ матеріала. 2) *Собственникъ матеріала застроиваетъ чужое мѣсто.* И въ этомъ случаѣ должно сказать, что хозяинъ мѣста пріобрѣтаетъ по приращенію право собственности на сооруженное зданіе (177). Но собственникъ матеріала въ-правѣ требовать вознагражденія за постройку или снести строеніе. Спрашивается, какъ юридически оправдать это опредѣленіе? Если собственникъ мѣста по приращенію пріобрѣтаетъ право собственности на строеніе, возведенное безъ его согласія, то, казалось-бы, онъ и пользуется строеніемъ по праву собственности, казалось-бы, что строитель уже не въ-правѣ требовать вознагражденія, или коснуться собственности хозяина мѣста, снести строеніе. Однакожь, если приращеніе есть способъ пріобрѣтенія права собственности, то отсюда не слѣдуетъ еще, что оно должно быть безмезднымъ способомъ пріобрѣтенія: напротивъ, если вещь, принадлежащая лицу, отходитъ въ собственность другаго лица и не имѣется въ виду дарственнаго отчужденія, то, конечно, для лица, пріобрѣтающаго право собственности по вещи, является обязательство вознаградить прежняго собственника. Но если собственникъ мѣста отказываетъ въ вознагражденіи, или не можетъ представить его, то собственникъ матеріала по-крайней-мѣрѣ въ-правѣ требовать обратно употребленный имъ матеріалъ, т.-е. снести строеніе: при отказѣ въ вознагражденіи хозяину матеріала только и остается снести самый матеріалъ, такъ-что это право строителя уже заключается въ его правѣ на вознагражденіе со-стороны собственника мѣста. Только само собою разумѣется, что застроеніе чужаго мѣста составляетъ нарушеніе права собственности хозяина мѣста и можетъ нанести ему какія-либо убытки, и потому собственникъ матеріала, хотя и снесетъ зданіе, все-таки обязывается вознаградить хозяина мѣста

(177) Тамъ-же, ст. 521 (прод. XV), п. 3, 14, 20.

за понесенные ему убытки. б) *Насажденіе растеній.* 1) *Собственникъ земли садитъ чужое растеніе.* Растеніе составляетъ принадлежность земли, на которой оно находится (178); но нѣтъ затрудненія отдѣлить растеніе отъ земли. Поэтому, хотя для хозяина мѣста и возникаетъ право собственности по растенію, по такъ-какъ это пріобрѣтеніе права собственности соединяется съ нарушеніемъ права собственности хозяина на растеніе, то для него возникаетъ право требовать возвращенія своей собственности. Отсюда видно, что въ результатѣ все равно, признается-ли растеніе собственностію землевладѣльца, или нѣтъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ обязанъ возвратить чужое растеніе и кромѣ-того вознаградить собственника растенія за убытки, понесенные отъ нарушенія его права собственности. Но если собственникъ растенія не требуетъ выдачи самаго растенія, а только вознагражденія за нарушеніе права собственность, то пріобрѣтеніе права собственности по приращенію проявляетъ свое дѣйствіе: собственникъ земли не въ-правѣ настаивать на томъ, чтобы собственникъ растенія взялъ свое растеніе обратно, а по требованію хозяина растенія обязывается вознаградить его, самъ-же пріобрѣтаетъ право собственности по растенію. 2) *Собственникъ растенія засаживаетъ чужую землю.* Для хозяина земли возникаетъ право собственности на растеніе по приращенію. Но хозяинъ растенія въ-правѣ требовать, чтобъ ему дозволено было вынуть растеніе изъ земли, иначе, если это не будетъ дозволено, онъ имѣетъ право на вознагражденіе со-стороны хозяина земли, пріобрѣтающаго растеніе по приращенію. Юридическія отношенія слѣдов. въ этомъ случаѣ опредѣляются такъ-же, какъ и при застроеніи чужаго мѣста. с) *Засѣвъ* представляетъ отношенія нѣсколько иныя, нежели какія представляются при застроеніи и насажденіи, ибо не можетъ быть рѣчи объ извлеченіи сѣмени изъ земли и эта невозможность оказываетъ вліяніе на самыя юридическія опре-

(178) Тамъ-же, ст. 556.

дѣленія о засѣвѣ. Случаи и при засѣвѣ тѣ-же: 1) *хозяинъ поля засѣваетъ его чужимъ сѣменемъ.* Сѣмя, находящееся въ землѣ, разсматривается, какъ часть ея, и слѣдующій за посѣвомъ всходъ считается принадлежностію земли (179). Хозяинъ поля становится поэтому собственникомъ сѣмени по приращенію; но такъ-какъ онъ нарушаетъ право собственности хозяина сѣмени, то подвергается отвѣтственности за совершенное имъ дѣйствіе и обязывается вознаградить собственника сѣмени. 2) *Хозяинъ сѣмени засѣваетъ чужое поле.* Сѣмя и въ этомъ случаѣ становится по приращенію собственностію хозяина поля. Но хозяинъ сѣмени не въ-правѣ требовать возвращенія сѣмени, или дозволенія снять всходъ, ибо нѣтъ возможности выбрать сѣмя, брошенное въ землю, самый-же всходъ разсматривается, какъ принадлежность земли, безъ всякаго отношенія къ сѣмени, и притомъ всходъ не то, что сѣмя. Поэтому, хозяинъ сѣмени не въправѣ требовать и вознагражденія за сѣмя, такъ-что для него безвозвратно утрачивается всякое право. Относительно строенія и растенія мы признаемъ право на обладаніе матеріаломъ, но относительно посѣва нельзя допустить этого права. Напротивъ, если хозяинъ поля докажетъ, что отъ засѣва произошелъ ему убытокъ, то, пріобрѣтая право собственности на сѣма, онъ пріобрѣтаетъ еще право на вознагражденіе за убытокъ. Итакъ, казалось-бы, отношенія одинаковы, связано-ли съ чужою землею строеніе, растеніе или сѣмя, а между-тѣмъ юридическій выводъ въ послѣднемъ случаѣ представляетъ особенность.

3) *Приращеніе движимаго имущества къ движимому.* Случаи, сюда относящіеся, чрезвычайно разнообразны, но юридическое разрѣшеніе ихъ одинаково, и потому мы укажемъ только на самые главные. Прежде всего замѣтимъ, что не вездѣ, гдѣ соединяются движимыя вещи, принадлежащія разнымъ собственникамъ, представляется приращеніе: оно представляется толь-

(179) Тамъ-же.

ко тогда, когда одна вещь присоединяется къ другой въ качествѣ принадлежности; но нѣтъ приращенія, когда соединяются двѣ вещи и ни одна изъ нихъ не имѣетъ для другой значенія принадлежности. Напр. соединяются зерна хлѣба, принадлежащія разнымъ лицамъ: здѣсь представляется пріобрѣтеніе права собственности, но не по приращенію. Положеніе, по которому принадлежностная вещь слѣдуетъ главной и становится по приращенію собственностію хозяина главной вещи, имѣетъ примѣненіе и къ случаямъ приращенія движимаго имущества къ движимому. Но разнообразные случаи этого рода раздѣляются на два вида: а) *въ иныхъ случаяхъ принадлежность можно разсматривать, какъ самостоятельную вещь, и отдѣлить ее отъ главной.* Такіе случаи представляются, напр., когда картина отдѣлывается въ чужую раму, ящикъ употребляется въ качествѣ футляра для другой вещи, въ ожерелье вставляется чужой драгоцѣнный камень и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ хозяинъ главной вещи пріобрѣтаетъ по приращенію право собственности на принадлежность: хозяинъ картины становится собственникомъ рамы, хозяинъ вещи, для которой ящикъ употребленъ въ качествѣ футляра, становится собственникомъ футляра, хозяинъ ожерелья—собственникомъ драгоцѣннаго камня. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прирастающая принадлежность представляется отдѣльною самостоятельною вещью, и есть возможность отдѣлить принадлежность отъ главной вещи, хозяинъ принадлежностной вещи въ-правѣ требовать выдачи ея отъ хозяина главной вещи и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращенія для него права собственности по принадлежности, точно также, какъ при насажденіи хозяинъ растенія въ-правѣ требовать отдѣленія растенія отъ земли. Такимъ образомъ, хотя приращеніе и составляетъ въ этихъ случаяхъ способъ пріобрѣтенія права собственности, но способъ ненадежный, потому-что право это по требованію другаго лица можетъ прекратиться. б) *Въ другихъ случаяхъ приращеніе нельзя разсматривать, какъ самостоятельную матеріальную*

вещь, и нельзя отдѣлить ее отъ главной вещи. Между случаями этого вида въ-особенности обращаютъ на себя вниманіе *письмо на чужой бумагѣ* и *употребленіе чужаго холста для написанія картины.* Оба случаѣ разрѣшаются, впрочемъ, совершенно одинаково, ибо въ томъ и другомъ матеріалъ, употребляемый для самаго письма или картины (чернила, краски), по употребленіи совершенно ускользаетъ отъ юридическихъ опредѣленій, перестаетъ быть самостоятельною матеріальною вещью. Отношенія юридическія въ этихъ случаяхъ обсуживаются также, какъ и при засѣвѣ чужаго поля. Да и самыя отношенія по существу своему тожественны, только-что разница между матеріаломъ исписаннымъ, разрисованнымъ и матеріаломъ неисписаннымъ, неразрисованнымъ еще болѣе рѣзка, нежели разница между полемъ засѣяннымъ и незасѣяннымъ: если къ цѣнности земли прибавить цѣнность засѣва сѣмени и труда), то и опредѣлится цѣнность засѣяннаго поля; но клочекъ бумаги, лоскутъ холста, чернила, краски сами-по-себѣ почти ничего не стоятъ, бумага-же исписанная, холстъ, на которомъ нарисована картина, иногда неоцѣнимы. Тѣмъ не менѣе однако и въ случаѣ письма на чужой бумагѣ, или рисованія на чужомъ холстѣ должно сказать, что хозяинъ матеріала, какъ главной вещи, остается его хозяиномъ и послѣ нанесенія на него письма или картины, т.-е. пріобрѣтаетъ письмо или картину по приращенію. Но по малоцѣнности писчаго матеріала исписанная бумага большею частію имѣетъ значеніе не для хозяина бумаги, а для лица, исписавшаго ее, и точно также, если на холстѣ нарисована картина, то въ ней сосредоточивается весь интересъ, а самый холстъ ничего не значитъ. И вотъ представляется искушеніе признать собственникомъ письма, или картины не хозяина матеріала, а автора письма, или живописца. Практика наша, дѣйствительно, склонна слѣдовать этому мнѣнію. Въ пользу его обыкновенно выставляютъ соображеніе, что значеніе вещи съ употребленіемъ ея можетъ совершенно измѣниться, и говорятъ, что напр. бумага или холстъ, пока они бѣлы, имѣ-

ютъ самостоятельное значеніе, и если на нихъ будутъ какіе-либо знаки, пятна и т. п., они сохраняютъ значеніе главнаго предмета, а чернила, краски—ихъ принадлежность; но когда написанные на бумагѣ чернильные знаки представляютъ письмо и бумага образуетъ рукопись, произведеніе умственнаго труда, или написанныя на холстѣ краски образуютъ картину, то отношеніе измѣняется: написанное, нарисованное становится главнымъ, а бумага, холстъ, словомъ, матеріалъ становится принадлежностію, и поэтому авторъ письма становится собственникомъ бумаги, живописецъ — собственникомъ холста, только-что они обязаны вознаградить собственниковъ матеріала. Но скажемъ, что отношеніе между вещами какъ главными, такъ и принадлежностными опредѣляется не содержаніемъ принадлежности, а прежде всего по соображенію необходимости одной вещи для другой: та вещь, которая необходима для другой, считается главною, а эта другая—ея принадлежностію. Въ иномъ случаѣ, пожалуй, ни одна изъ соединяющихся вещей не представляется необходимою для другой: тогда вопросъ разрѣшается по другимъ соображеніямъ, но ближайшее соображеніе все-таки соображеніе необходимости одного предмета для другаго. Матеріалъ необходимъ для письма и рисунка, но письмо и рисунокъ необходимы для матеріала, слѣд. бумага, холстъ—главныя вещи, а написанное, нарисованное — принадлежности. Въ иныхъ случаяхъ такое отношеніе представляется слишкомъ рѣзко, но должно согласиться, что есть и такіе случаи, гдѣ оно скрыто. Напр. есть чайные ящики съ очень дорогими рисунками; или напр. посуда бываетъ украшена рисунками, подносы, чашки бываютъ съ рисунками отличной работы; или напр. вазы бываютъ украшены рисунками первостепенныхъ художниковъ; или рисунками украшаются недвижимости, напр. стѣны, дома, церкви; есть фрески знаменитыхъ художниковъ, столь-же драгоцѣнныя, какъ и картины, или еще болѣе, и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ несомнѣнно, что матеріалъ, на которомъ сдѣланы рисунокъ, письмо—главная вещь, а написанное, рису-

нокъ составляютъ принадлежность, не смотря на то, что иногда цѣнятся чрезвычайно дорого. Но если въ этихъ случаяхъ принимается принадлежностное значеніе письма, рисунка, то нѣтъ никакого основанія отрицать такое-же принадлежностное значеніе ихъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда бумага или холстъ существуютъ сами-по-себѣ, не имѣютъ такого опредѣленнаго назначенія, какъ обертка, ящикъ, посуда и т. д., потому-что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ начало одно и то-же: матеріалъ можетъ существовать безъ письма, рисунка, а письмо, рисунокъ не могутъ существовать безъ матеріала, слѣд. матеріалъ главное, а письмо, рисунокъ—принадлежности. Сообразно этому хозяинъ матеріала пріобрѣтаетъ по приращенію право собственности на письмо и рисунокъ, и пріобрѣтаетъ безвозвратно, ибо нѣтъ никакой физической возможности отдѣлить письмо, картину отъ матеріала: можно, пожалуй, стереть письмо, киртину, но это не значитъ отдѣлить принадлежность, потому-что за отдѣленнымъ не сохранится значеніе письма, картины. Спрашивается, не имѣетъ-ли авторъ письма, или художникъ по-крайней-мѣрѣ права на вознагражденіе со-стороны хозяина матеріала? Но въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ постановленія, на которомъ-бы можно было основать въ данномъ случаѣ право на вознагражденіе, нѣтъ и обычая, который-бы установлялъ такое право. Мы не можемъ допустить даже, чтобы напр. живописецъ имѣлъ право на уничтоженіе картины: живописецъ, написавшій картину на чужомъ холстѣ, не въ-правѣ требовать, чтобы холстъ приведенъ былъ въ такое-же положеніе, въ какомъ онъ былъ до употребленія на картину, не въ-правѣ потому, что требованіе это не имѣетъ для живописца никакого юридическаго интереса.

§ 24.

Наконецъ, способомъ пріобрѣтенія права собственности безъ посредства владѣнія представляется *смѣшеніе* (commixtio),

по отношенію къ жидкостямъ называемое *слитіемъ* (confusio). Прежде всего замѣтимъ, что если мы заводимъ рѣчь о смѣшеніи, какъ способѣ пріобрѣтенія права собственности, то, подобно тому, какъ и при акцессіи, имѣемъ въ виду только такіе случаи, когда соединяются, *смѣшиваются* вещи, принадлежащія разнымъ лицамъ: если смѣшиваются вещи одного лица, то нѣтъ пріобрѣтенія права собственности, потому-что и до смѣшенія тѣ и другія вещи уже принадлежали лицу. Но и при этомъ предположеніи не всѣ случаи смѣшенія представляютъ пріобрѣтеніе права собственности. Сюда не относятся: 1) случаи смѣшенія, не представляющіе никакого затрудненія для разборки смѣшавшихся предметовъ, потому-что смѣшеніе въ этихъ случаяхъ не что иное, какъ сопоставленіе предметовъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ. Только тогда смѣшеніе представляетъ пріобрѣтеніе права собственности, когда разъединеніе смѣшавшихся тѣлъ невозможно, потому-ли, что нельзя распознать, кому именно принадлежитъ каждая изъ смѣшавшихся вещей въ отдѣльности, или потому, что нѣтъ физической возможности разъединить смѣшавшіяся вещи. Такъ, смѣшеніе денегъ представляетъ намъ случай, гдѣ разъединеніе само-по-себѣ возможно, но нельзя распознать, которая монета принадлежитъ одному лицу, которая другому, ибо на примѣты монетъ обыкновенно не обращается вниманія, притомъ-же у множества монетъ примѣты (чеканъ, годъ выбитія и т. п.) могутъ быть одинаковы. Смѣшеніе жидкостей представляетъ намъ второй случай невозможности разъединенія по физической невозможности возстановить смѣшавшіяся жидкости въ прежнемъ видѣ. Къ случаямъ физической невозможности разъединенія должно отнести и всѣ тѣ случаи, когда разъединеніе хотя физически и возможно, но фактически считается невозможнымъ: другими словами, физическую невозможность разъединенія не должно понимать въ строгомъ смыслѣ, а должно принимать ее и тогда, когда разъединеніе связано съ такимъ трудомъ, который не вознаграждается результатами и потому

въ дѣйствительности вовсе не предпринимается, а разъединеніе считается невозможнымъ. Напр. смѣшиваются хлѣбныя зерна двухъ сортовъ: человѣкъ знающій можетъ отличить зерна и разобрать ихъ по сортамъ, но кто-же возьмется за такой трудъ, хотя онъ физически и возможенъ? 2) Смѣшеніе не представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности въ тѣхъ случаяхъ, когда производится съ согласія собственниковъ, ибо тогда: или a) возникаетъ общее право собственности: каждый хозяинъ установляетъ по своей вещи общее право собственности съ хозяиномъ другой вещи. Напр. A принадлежитъ рядъ зеренъ одного сорта, а B принадлежитъ рядъ зеренъ другаго сорта; требуется смѣсь этихъ двухъ сортовъ, и A и B. соглашаются смѣшать свои зерна. Или b) установляется право собственности въ пользу одного лица. Напр. A присыпаетъ свои зерна къ зернамъ B и предоставляетъ ему быть собственникомъ смѣси. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ смѣшеніе не представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности, а оно пріобрѣтается передачею, въ первомъ случаѣ взаимною, во второмъ—односторонею, между-тѣмъ мы разсматриваемъ смѣшеніе въ смыслѣ способа пріобрѣтенія права собственности, и потому изъ массы случаевъ, въ которыхъ представляется пріобрѣтеніе права собственности, должны выдѣлить только тѣ, въ которыхъ именно смѣшеніе ведетъ къ пріобрѣтенію этого права. Такимъ образомъ, *смѣшеніе* (въ общемъ значеніи этого слова, разумѣя подъ смѣшеніемъ также и слитіе) представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности только тогда, когда смѣшиваются вещи, принадлежащія разнымъ лицамъ, когда нѣтъ возможности разъединить смѣшавшіяся тѣла и когда самое смѣшеніе происходитъ случайно, или по волѣ одного только хозяина. Спрашивается, какія юридическія отношенія возникаютъ вслѣдствіе смѣшенія? 1) При *случайномъ смѣшеніи* возникаетъ общее право собственности. Его происхожденіе объясняется такъ: собственно говоря, смѣшеніе не должно-бы производить никакой перемѣны въ правѣ собственности:

если напр. одному лицу принадлежало зерно x, то оно и по смѣшеніи принадлежитъ ему, а если зерно y принадлежало другому лицу, то отчего-же зерно это не принадлежитъ ему и по смѣшеніи; но дѣло въ томъ, что неизвѣстно, которому именно лицу принадлежалъ тотъ или другой изъ смѣшавшихся предметовъ въ отдѣльности, напр. которому хозяину принадлежало зерно x, которому y, и такъ-какъ эта неизвѣстность простирается на всѣ смѣшавшіеся предметы, то оказывается, что каждый изъ нихъ, быть можетъ, составляетъ собственность одного, или собственность другаго лица, потому и допускается, что каждый предметъ смѣси есть собственность того и другаго лица вмѣстѣ; но такъ-какъ собственность разныхъ лицъ удобомыслима только въ смыслѣ общей собственности, то и выходитъ, что въ данномъ случаѣ возникаетъ общее право собственности. 2) Когда *смѣшеніе происходитъ по волѣ одного только изъ хозяевъ смѣшиваемыхъ предметовъ*, то, очевидно, оно составляетъ нарушеніе права собственности другаго хозяина, не изъявившаго согласія на смѣшеніе. Но спрашивается, прекращается-ли право собственности этого другаго хозяина вслѣдствіе того, что вещи его смѣшиваются съ вещами, ему не принадлежащими? Нарушеніе права собственности не влечетъ за собою необходимо прекращенія самаго права: напр. собственникъ украденной вещи не перестаетъ быть ея собственникомъ. Поэтому, и при одностороннемъ смѣшеніи случайномъ, должно признать общее право собственности по смѣси; но кромѣ-того при смѣшеніи одностороннемъ, такъ-какъ оно составляетъ нарушеніе права собственности, для нарушителя является еще обязательство вознаградить хозяина за всѣ убытки, какіе произойдутъ для него отъ смѣшенія. Въ обоихъ случаяхъ, такимъ образомъ, для хозяевъ смѣшавшихся предметовъ смѣшеніе рождаетъ общее право собственности по смѣси. Но разумѣется, что при такомъ невольномъ возникновеніи общаго право собственности, какое представляется при смѣшеніи случайномъ и самовольно-одностороннемъ оно можетъ

быть немедленно прекращено посредствомъ раздѣла (180): по раздѣлѣ, опять установится отдѣльное право собственности, хотя и не по тѣмъ самымъ предметамъ (напр. не по тѣмъ именно зернамъ), по которымъ существовало прежде. И такимъ образомъ, раздѣлъ представляетъ удобный путь для исхода изъ общаго права собственности, установившагося вопреки желанію собственниковъ смѣшавшихся предметовъ.

§ 25.

ПРЕКРАЩЕНІЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Какъ и всякое право, право собственности *прекращается*. Спрашивается, какими способами оно прекращается? Прежде всего скажемъ, что оно прекращается всѣми тѣми способами, которыми и пріобрѣтается: мы не допускаемъ существованія въ совершенномъ юридическомъ быту вещей безхозяйныхъ, слѣдов. если пріобрѣтается право собственности по вещи со стороны какого-либо лица, то въ то-же время для другаго лица право собственности по этой вещи прекращается. Исключеніе представляетъ лишь тотъ случай, когда пріобрѣтается право собственности по вещи, до того времени несуществовавшей, по-крайней-мѣрѣ несуществовавшей самостоятельно, а только въ качествѣ части другой вещи. Напр. хозяинъ животнаго пріобрѣтаетъ право собственности на приплодъ: здѣсь представляется пріобрѣтеніе права собственности для хозяина животнаго, по этому пріобрѣтенію не соотвѣтствуетъ прекращеніе права собственности для другаго лица. Но это единственное исключеніе: во всѣхъ другихъ случаяхъ пріобрѣтенія права собственности для какого-либо лица этому пріобрѣтенію соотвѣтствуетъ прекращеніе права собственности для другаго лица. Всего нагляднѣе представляется это при передачѣ: лицо,

(180) Св. зак. гр. ст. 486.

которому передается вещь, становится собственникомъ, лицо передающее перестаетъ быть собственникомъ. Но есть также способы прекращенія права собственности, независящіе отъ пріобрѣтенія вещи въ собственность другимъ лицомъ. Способы эти слѣдующіе: 1) *Право собственности прекращается съ уничтоженіемъ вещи.* Но одно измѣненіе вида вещи еще не ведетъ къ прекращенію права собственности, и оно продолжаетъ существовать, хотя въ иномъ случаѣ и нельзя уже говорить о прежней вещи: собственникъ монеты остается собственникомъ и куска металла, происшедшаго отъ переплава монеты. Однакожь не должно понимать уничтоженія вещи, какъ способа прекращенія права собственности, и въ самомъ строгомъ смыслѣ: юридическое понятіе объ уничтоженіи вещи гораздо тѣснѣе понятія естественнаго. Естественное понятіе объ уничтоженіи тѣла чрезвычайно обширно и можно даже предложить вопросъ: уничтожается-ли дѣйствительно что-либо существующее, не есть-ли всякая смерть только измѣненіе существованія? Но въ юридическомъ смыслѣ мы говоримъ объ уничтоженіи вещи, о прекращеніи права собственности по уничтоженію вещи, когда вещь разлагается на части и при этомъ лишается всякой цѣнности, или по-крайней-мѣрѣ представляетъ самую ничтожную цѣнность, такъ-что въ дѣйствительности никогда не возникаетъ вопроса о правѣ собственности по такой разложившейся вещи. Напр. вещь сгараетъ, обращается въ пепелъ; право собственности на эту вещь считается прекратившимся, и въ дѣйствительности никогда не возникаетъ вопроса о правѣ собственности на пепелъ, какъ на предметъ, съ которымъ не связано никакого юридическаго интереса. 2) *Право собственности*, какъ и всякое имущественное право, *прекращается по отреченію собственника.* Отреченіе это, конечно, должно соотвѣтствовать всѣмъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ прекращется право по отреченію, иначе оно недовольно сильно, чтобы произвести перемѣну въ юридическихъ отношеніяхъ: одно фактическое отреченіе, одна derelictio еще не прекращаетъ права собствен-

ности. Но по нашему законодательству, вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, считается государственною (181), слѣд. при отреченіи хозяина вещи отъ права собственности она не дѣлается вещью безхозяйною, а становится собственностію государства. Поэтому съ перваго взгляда можетъ казаться страннымъ, что мы указываетъ на отреченіе, какъ на самостоятельный способъ прекращенія права собственности, какъ на такой способъ прекращенія права для одного лица, которому не соотвѣтствуетъ пріобрѣтеніе для другаго лица. Можно возразить, что если напр. въ Римскомъ правѣ отреченіе представляется способомъ прекращенія права собственности, то тамъ оно дѣйствительно составляетъ самостоятельный способъ прекращенія этого права: ибо Римское право допускаетъ существованіе вещей безхозяйныхъ, и потому, если прекращается по отреченію одно право собственности по вещи, то непосредственно затѣмъ не возникаетъ другое, а это новое право собственности возникаетъ уже посредствомъ завладѣнія (occupatio) (182). И такимъ образомъ, внесеніе отреченія въ число самостоятельныхъ способовъ прекращенія права собственности можетъ показаться натяжкою, слѣпымъ подражаніемъ Римскому праву. Но такое обвиненіе едва-ли будетъ основательно. Дѣйствительно, если возможность отреченія составляетъ характеристическую черту каждаго имущественнаго права, то мы не можемъ не признать ея и за правомъ собственности, играющемъ важнѣйшую роль въ имущественныхъ правахъ. Если-же мы примемъ, что возможность отреченія существуетъ и для права собственности, то наше положеніе не устраняется тѣмъ, что вещь, оставляемая собственникомъ, дѣлается не безхозяйною, а собственностью государства: потому-что такое обращеніе собственности частнаго лица въ собственность государства все-таки отличается отъ обращенія частной собственности въ государственную по передачѣ вещи. Кто от-

(181) Св. зак. гр. ст. 374.

(182) *Puchta*, Curs. d. Inst. II, стр. 683, 684.

рекается отъ права собственности по вещи, тотъ не интересуется ея дальнѣйшею судьбою: точно также, какъ въ юридическомъ быту, состоящемъ подъ опредѣленіями Римскаго права, собственникъ, отрекающійся отъ вещи, не заботится о томъ, завладѣетъ-ли кто ею, или нѣтъ, и кто завладѣетъ его, физическое или юридическое лицо, частное лицо или государство; точно также и въ нашемъ юридическомъ быту собственникъ, отрекающійся отъ права собственности по вещи, при отреченіи не имѣетъ въ виду, чтобъ она сдѣлалась собственностію государства. Конечно, можно сказать, что гражданинъ знаетъ, что въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей безхозяйныхъ, а каждая вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, принадлежитъ государству, и поэтому можно сказать, что въ отреченіи лица отъ его права собственности содержится умыселъ передать вещь государству. Но это будетъ несправедливо: лицо, отрекающееся отъ права собственности по вещи, можетъ, пожалуй, знать послѣдствія отреченія, но не ради этихъ послѣдствій лицо отрекается отъ права собственности, а для того только, чтобы прекратить право. Далѣе, нужно обратить вниманіе также на то, что хотя всякая вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, считается собственностію государства, но только въ меньшей части случаевъ государство осуществляетъ свое право собственности, пріобрѣтаемое по отчужденію доселѣшняго собственника, такъ-что во множествѣ случаевъ отреченіе отъ права собственности существуетъ, и все-таки государство не обращаетъ вниманія на пріобрѣтаемое имъ чрезъ то право собственности и фактически вещь находится въ такомъ-же положеніи, какъ и вещь безхозяйная. Наконецъ должно сказать, что есть вещи, которыя считаются какъ-бы внѣ юридическаго быта, относительно которыхъ при извѣстномъ положеніи ихъ въ дѣйствительности не возникаетъ вопроса о правѣ собственности, хотя въ другомъ положеніи онѣ и подлежатъ этому праву: напр. птица въ клѣткѣ подлежитъ праву собственности извѣстнаго лица; но лицо отпу-

скаетъ птицу на воли, и право собственности прекращается, по отреченію. Впослѣдствіи, быть можетъ, вещь, напр. птица, снова подвергнется праву собственности какого-либо лица; но выбытія вещи изъ юридическаго быта достаточно для того, чтобы допустить отреченіе, какъ способъ чистаго прекращенія права собственности, а не переходъ его отъ одного лица къ другому. Или иногда предметъ остается въ юридическомъ быту, но перестаетъ подлежать праву собственности; напр. господинъ крѣпостнаго человѣка отпускаетъ его на волю: право собственности прекращается, по отреченію (183). И такъ, *отреченіе* нельзя не признать самостоятельнымъ способомъ прекращенія права собственности, т.-е. такого прекращенія, которому не соотвѣтствуетъ пріобрѣтеніе права со стороны другаго лица. Наконецъ 3) *право собственности прекращается смертію лица, физическою или политическою.* Правда, по смерти лица имущественныя права его переходятъ къ наслѣднику, переходитъ и право собственности, но наслѣдникъ непосредственно пріобрѣтаетъ только право наслѣдованія, отдѣльныяже права наслѣдодателя пріобрѣтаетъ онъ только вслѣдствіе признанія его права наслѣдованія со стороны судебнаго мѣста (184), а право собственности по вещамъ, принадлежавшимъ наслѣдодателю, только по передачѣ ихъ наслѣднику душеприкащикомъ или общественною властію (185). И вотъ поэтому-то мы въ-правѣ считать *смерть ссбственника* способомъ прекращенія права собственности безъ соотвѣтствующаго пріобрѣтенія его для другаго лица.

Издалъ **А. ВИЦЫНЪ.**

(183) Если подъ свободою разумѣть право собственности на самого себя, какъ и полагаютъ нѣкоторые юристы, то выйдетъ, пожалуй, что при отпускѣ крѣпостнаго человѣка на волю нѣтъ отреченія, какъ способа чистаго прекращенія права собственности, а право это только *переходитъ* отъ господина къ самому крѣпостному человѣку. Но мы не допускаемъ такого взгляда на свободу, и потому отпущеніе крѣпостнаго человѣка на волю признаемъ *отреченіемъ* отъ права собственности на него со стороны господина.

(184) Св. зак. гр. ст. 881, 1023—1048.

(185) Тамъ-же, ст. 916, 1067—1668.

(Изъ Журнала мин. нар. просв., 1859. № 2).

ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
13	29 – 30	Тѣмъ не менѣе	Тѣмъ менѣе
19	19	по нѣтъ	то нѣтъ
20	20	черный лѣсъ	чужой лѣсъ
21	7	владѣніемъ права	владѣніемъ правомъ
—	21	такое умѣстно	такое распространеніе умѣстно
46	21	и наложеніи запрещенія	и дѣйствительно распоряжаются о наложеніи запрещенія
73	14—15	что владѣлецъ-находчикъ не собственникъ	что владѣетъ вещію и никто не доказываетъ, что владѣлецъ-находчикъ не собственникъ
87	11	недвижимою	неподвижною
92	13—16	а владѣніе — существенная составная часть самаго права собственности и предполагаетъ передачу одною сдѣлкою, лицо-же, пріобрѣтающее на основаніи ея право на передачу вещи, еще не становится владѣльцемъ, —	а владѣніе существенная часть самаго права собственности и предполагаетъ передачу — одною сдѣлкою лицо, пріобрѣтающее, на основаніи ея, право на передачу вещи, еще не становится владѣльцемъ, —
96	17	встрѣчаетъ	вступаетъ
107	21—22	не всѣ лица, извѣстныя въ международномъ правѣ	не всѣ лица, состоящія при войскѣ, и только лица, извѣстныя въ международномъ правѣ
116	20—21	дать вознагражденіе, когда хозяинъ матеріала	дать вознагражденіе спецификанту, но нѣтъ для него права на вознагрижденіе, когда хозяинъ матеріала
136	13	въ совершенномъ	въ современномъ